

Сергей
Малицкий

ГЛАВНЫЙ
РУБИЛЬНИК

Сергей Малицкий

Главный рубильник (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696525

Аннотация

Рассказы и повесть. Тридцать три текста. Фантастика и фэнтези. Космос и постапокалипсис. Детектив и мистика. Люди и роботы. Притчи и байки. Вчерашний, сегодняшний, завтрашний и послезавтрашний день.

На обложке использована работа Андрея Мецанова «Хозяин саванны».

Содержание

Байки из бункера	5
1. Комары	5
2. Оживляж	21
3. Симметрия	34
4. Придурок	39
5. Охота на мертвяка	48
Главный рубильник	60
Толкование	71
Правила подъема по вертикальной стене	130
01	130
02	136
03	142
04	149
05	154
06	161
07	166
08	173
09	179
Пыль	180
01	180
02	185
03	189
04	192

Сергей Малицкий

Главный рубильник

(сборник)

Байки из бункера

1. Комары

Ни в одно из окошек в караулке и голова бы не пролезла. Ленивец уже сколько раз объяснял Куцему, что это бойницы, но тот все не соглашался; какие же бойницы, если через них обзора нет? Разве это обзор – четвертушка от четвертушки? Ладно бы еще на север или на восток – минные поля, чего на них смотреть, а запад? Там же пуца! И пусть до нее полчаса пешни по плеши, а потом еще час пешни по сухостою горелому, но дальше-то она самая, чаща непролазная! Понятно, что своими глазами не видел, так Панкрат сказывал.

– Эти бойницы на всякий случай, – в который раз начинает бормотать Ленивец. – Вот раньше, – он бьет ногой по стальной станине, свисающей с потолка, – на крыше пулемет стоял. Вот у него был обзор.

– А сейчас? – размахивает руками Куцый. – Что ты мне

про раньше?

– Зачем тебе обзор? – недоумевает Ленивец. – У тебя два патрона в ружье. Только чтобы застрелиться с запасом на один промах.

– Застрелишься тут, как же, – продолжает нудеть Куцый. – В нем четыре локтя. В глаз себе ствол вставишь, так до запала не дотянешься. Если только ногой, но разве моим башмаком крючок стронешь?

– А ты разуйся, чего тебе башмак портить? – хмурится Ленивец. – Пальцем запал легко стронешь. У тебя ж пальцы, а не копыта?

Конечно пальцы. Носил бы он тогда башмаки, если бы копыта были! Вот, у Мякиша – копыта, так сплошная экономия: и зимой, и летом босым ходит. Зимой, правда, падает часто, потому как скользит. Панкрат подковать его предлагал, а Мякиш не хочет. Боится. А Куцый Ленивца боится. Разуется, Ленивец сразу башмаки упрет. У самого-то совсем износились, проволокой подошву примотал, новые взять негде.

– И чего тебе стреляться? – не может понять Ленивец. – Вода из крана каплет, консервы подносят, сухари сухие. Как небо посветлеет, смена должна прийти.

– Придет она, как же, – мрачно гудит Куцый, прикивая глазом к южной бойнице. Что он мог увидеть в той стороне, которую Панкрат называл тылом? Дорогу, по которой посыльный раз в день волочет сетку с консервами? Дорогу,

стерню коричневую по краям и куполок сторожки вдали, где и горячий борщ, и белило к борщу, и Станина в облепившем могучую грудь платье, и запах пота не кислый, а сладкий? Эх, Панкрат, где она, твоя смена? А не врал ли ты, что по пуще разгуливал? И когда это небо посветлеет? Тучи так и прут с запада, у плеша напротив железных грибов тормозятся и льют, льют тягучее варево на выжженную землю.

– Слышь, Ленивец? А чего тучи дальше не идут?словно в границу упираются и плещут на плешь.

– А ты меня не спрашивай, – раздраженно отвечает напарник, пытаясь дотянуться языком до дна банки, вроде бы поблескивающего жиром. – Ты Кудра спроси. Чего это он у сторожки костры раскладывает да в бубны бьет? Спроси, спроси. Он тебе объяснит – тоже до ветру не на яму, а на плешь ходить будешь, как Панкрат.

«У Кудра спроси». Сам и спроси, если шкура не дорога. Не нравился Куцему Кудр. Глаз у него желтый, зубы белые. За плечо крепкими пальцами схватывал, встряхивал, все нутро глазом выворачивал и довольно замечал – и этот поганец туп как валун. Конечно, туп. Был бы умен, не торчал бы в караулке, а в деревянный потолок плевал. И не в сторожке, что все одно – коробок посреди дерьма, а еще дальше на юг, в поселке; где и трава, и солнце, и домики беленые, и молоко в горшке на окне теплое, с пенкой.

– А чего Панкрата в пущу потянуло? – спрашивает Куцый.

– А кто его знает? – Ленивец отбрасывает в сторону бан-

ку, морщит толстое лицо и сам себе отвешивает оплеуху. – Комары налетели. Не иначе где-то рядом комариная шутиха повисла. Ты бы нашел, Куцый, да камнями ее забросал. Три камня – и нет шутихи, а то ведь пожрут они нас, заживо пожрут.

«Пожрут тебя, как же, – подумал Куцый, глядя на Ленивца. – Если бы не надобность по нужде, так бы и сидел в караулке, скамейку полировал. Вон уже и скамейки из-под тебя не видно. И чем ты только отжираешься?»

По-первости Куцый глупил, пайку в тумбочку клал. А что Ленивцу тумбочка? Он же как еду увидит – словно разум теряет. А потом уже спрашивать бесполезно, будет глазами хлопать да пузо чесать, и все. Бывалые – значит, ученые. «Однако, что он за банку лизал? Свой-то он еще с утра долизал. А не пойти ли и не проверить схрон?»

– Стреляться он вздумал, – пробормотал Ленивец, глядя на отброшенную в сторону банку: а ну как пропустил под ободком натеки тушенки? – А как караулку сдавать? Придет смена, а сменщика нет. Кто ж у меня тогда караулку примет? Опять оживляж вставлять? А его и осталось на три вставки. Кудр за оживляж голову оторвет. И то уже спрашивал, куда один шарик оживляжа делся. А что я ему скажу? Куцый по минному полю пошел прогуляться? Хорошо еще, что его осколком под куцесть подсекло, а не на куски разбросало. Вот же пакость! – Ленивец снова хлопнул себя по лбу. – Куцый! Иди, забросай камнями комариную шутиху, а то ведь

пожрут они нас!

– Пойду, чего не пойти, – пробормотал Куцый и начал тянуть на плечи фуфайку; непонятно, то ли дождь снаружи, то ли еще какая хмарь, но мокнуть охоты не было. Опять же – где сушиться? Дров у печки мало, надо еще дрова искать. Завтра банный день к тому же, а какой банный день без горячей воды? И как дрова искать? Через плешь на сухостой пехать? Нудотно пехать по плешу, и потом на ней шутиха на шутихе – комариная баловством покажется, замучаешься нагибаться и отпрыгивать. Не, за дровами надо на минное поле идти. Там много дерева, и все сухое, выдержанное, взрывами переломанное. Тут главное под ноги смотреть, да нюхать.

Да и в тот раз, разве Куцый виноват, что его осколком под куцесть подсекло? Все Ленивец! Вывалился всей тушей на бруствер и заверещал так, что, небось, в сторожке слышно было: – «Куда ты поперся, Куцый, на минное поле? Кто тебе велел, Куцый? Надо за дровами на плешь ходить!» Так ведь выполз и выполз, зачем сам на поле шагнул? Это ж не консерву вскрывать, тут нюх нужен. А не то зацепишь окраинную нитку, она взведет гляделку на дальних столбах, а уж гляделка запустит пехотку. Хорошо хоть кроты тротил выжрали, а то ведь не только под куцесть засадило бы, а и в самом деле бы на куски разорвало. Что бы тогда Ленивец делал? Куда бы оживляж вставлял?

«Сожрал бы, – уверенно сказал про себя Куцый. – Точно

бы сожрал. Пожарил и сожрал».

– Эй! – заорал вслед Куцему Ленивец. – Не забудь. Три камня на шутиху надо, только тогда расползется!

– Не забуду, – буркнул Куцый. – Взялся ученик училока учить, да училище сломал...

Спустился по лестнице в теплый бункер, шагнул через стальную дверь в тамбур, вышел в траншею, обтер боком бочку с дождевой водой и сразу потянул на шею воротник. И в самом деле обложило дождем, хотя разве это тучи? Вот над плешью – тучи. Льют что-то и льют, а сырости не добавляют. Как была сухой плешь, так и остается, только железные грибы мокрым поблескивают. А здесь почти болото уже. Вода по брустверам стекает, на дне траншеи копится. Хорошо, что у Куцего ботинки прорезинены, спасибо матушке, от отца сберегла. Конечно, кирзовые сапоги лучше, но это только до лужи. Как лужа, так сразу лучше прорезиненные. Главное, чтобы через край вода не захлестывала. Поэтому идти нужно осторожно и волну не гнать.

Вот и ячейка для боезапаса в стене траншеи. Конечно, боезапаса там никакого нет. Давно нет, с еще той большой войны, которая тогда случилась, когда еще и никакого Куцего не было. Это Кудр до сих пор каких-то врагов ждет, а остальные давно знают, что все враги на той войне кончились, а остались только свои, придурки и мертвяки. Но придурков давно уже не было, а мертвяков Куцый так и вовсе не видел. Зря Ленивец ломом по железным грибам стучит, мертвяков при-

манивает. Как идет до ветру, так крюк делает и стучит. Он бы так траншею чистил или шутихи камнями забрасывал. Но мертвяк Ленивцу для какой-то сладости нужен, для новых башмаков придурок потребен. Сколько Куцый Ленивца знает, тот придурка высматривал, башмаки с него надеялся снять. Сам Куцый последнего придурка полгода назад видел, но издали. Тот на минное поле забрел, но долго не прошагал, на куски разлетелся. И башмаков не осталось. Что с него взять, придурок...

Так, однако, что с пайком-то? Три банки должно быть. Одна тушенки и две гречки с мясом. Гречку Куцый для Станины сберегал. Станина очень гречку любит. За банку гречки может дать потрогать теплую и мягкую грудь. Главное, чтобы Кудр не видел. А за две банки гречки? Что она может разрешить Куцему за две банки гречки? А за три? Это если посыльный опять гречку принесет? Оно конечно, от голода порой и в глазах мутит, но что еда? Вот она есть, и вот уже ее нет. А Станина во всякий день в сторожке властвует, ходит, грудью колышет, бедром перекатывает, аж дух захватывает. Вот если бы не Кудр... Панкрат как-то зажал Станину в подсобке, та только раз пискнула немим ртом – тут же Кудр прискакал на деревянной ноге. Так Панкрата отметелил, что тот неделю в подсобке в себя приходил, да и то без оживляжа не обошлось.

«Так, и что тут у нас?..»

Присел Куцый у ячейки, потянул за рукоять, выдернул

гнилое тряпье, для отворота напиханное, нащупал в глубине три тяжелых банки в солидоле и пергаментный пакет с сухарями. Зашелестел пергаментом, пересчитал сухари, выудил один, сунул за щеку, затолкал ветошь обратно. Сухари-то можно было не прятать, не любит Ленивец сухари. А вот банки только покажи, с руками откусит. Никуда теперь не денется Станина, а то уже не только в чреслах томление, но и в груди ной и стынь.

– Ной и стынь, – повторил вслух Куцый и медленно поднял глаза. Так медленно, как его Панкрат учил. Всякий раз, когда змеюку или еще какую гадость видишь, а еще пуще, когда шутиху застигнешь, все медленно делать надо. Так и теперь. Вот она – ной и стынь. Комариная шутиха, от которой гудение в груди делается, и Ленивец шлепками собственную физиономию обставляет. Висит прямо над бруствером словно пятно какое, обрывок полиэтилена или пузырь на кипящем молоке. Висит и колыхается. Оттого-то ной и стынь рождает, да так, что уже и руки, и ноги трясутся, и хочется забраться на бруствер и сунуть нос прямо в этот пузырь. Потому как чего ему бояться, не кусают Куцего комары, а потрогать шутиху хочется. Может быть, не зря говорил Панкрат, что Куцый своею смертью не умрет, а что не умер пока еще, так потому что везет ему. Удачливый щенок Куцый.

Ну, удачливый или нет, о том не Куцему судить. Пусть тот же Кудр или Панкрат судят. А вот насчет своей смерти так и не понял он ничего. Смерть, она и есть смерть, и если ожив-

ляжа под рукой не будет, то и не разберешься с нею. Да и хоть бы кто другой разобрался. Допустим вот, тот же придурок что забрался на минное поле. Как по его кускам определить, своею смертью он умер, или на чужую напоролся? И кто же распределяет эти смерти, кому какая? Наверное, Кудр знает, но Кудр страшный, у Кудра не спросишь...

Бруствер скользкий, но на этот случай у Куцего поддон есть. Ленивец давно бы уже поддон сжег, но Куцый не дал. Если не будет поддона, как тогда на бруствер за дровами выбираться? Да и если не за дровами, а ту же шутиху рассмотреть? Что там сказал Ленивец про три камня? Вот они, в кармане лежат, три рыжих кирпичных обломка. Главное – внутрь попасть, а для этого лучше поближе подойти, присмотреться к тонкой пленке, да бросить туда камень. А еще лучше наклониться, принюхаться да осторожно сунуть нос. Не весь, а самый кончик, может быть, что и учуетя...

Словно по затылку хлобыстнуло Куцего, да так, что закувыркался он вверх тормашками, да не в воздухе, а в киселе каком-то: но не больно, а тошно, да и то, не до рвоты, а так, до отрыжки. А как отрыгнул, так и понял, что висит почему-то под потолком грязного и странно большого бетонного бункера. В бункере том четыре бойницы по стенам – четвертушка на четвертушку, люк в полу и обгрызенная стальная штука свисает с потолка. Висит Куцый и видит двоих ополченцев. Один толстый, одетый в зеленый латанный-пе-

релатанный комбез и перехваченные ржавой проволокой ботинки, а второй – худой и сутулый в клетчатой рубашке и ватных штанах. И тут только до Куцего доходит, что вот этот доходяга с пучком русых волос на затылке и есть он сам, Куцый, а толстый – это Ленивец, и никто другой. Потому как только Ленивец банки языком вылизывает, и не боится ведь, паршивец, язык о край консервы поранить. И тут же раздался, потянулся громом отчего-то низкий голос Ленивца:

– А кто е-го зна-ет? Ко-ма-ры на-ле-те-ли. Не и-на-че где-то ря-дом ко-ма-ри-на-я шу-ти-ха по-ви-сла. Ты бы на-шел, Ку-цый, да кам-ня-ми е-е за-бро-сал. Три кам-ня и нет шу-ти-хи, а то ведь по-жрут о-ни нас, за-жи-во по-жрут.

«Было, – с ужасом подумал Куцый. – Это самое было. Только что было. И опять. Но почему опять? И почему я под потолком?»

И только он это подумал, как странная сила поволокла его вперед и вниз. А потом понесла прямо на толстую щеку Ленивца, который продолжал изрыгать что-то тягучее и громовое, пока лицо толстяка не обратилось серо-розовой равниной с редкими кустами странной растительности и огромная ладонь не оборвала быстрые, но мелкие мысли Куцего.

* * *

Он пришел в себя на бруствере. Лежал в жидкой грязи и сжимал в кармане три камня. А шутиха по-прежнему висела,

колыхалась над головой.

«Не больно, – подумал Куцый. – Когда ладонью и враз – не больно. А может, ну его? Надоело! Пусть раз – и все. Зачем эти ной и стынь? Не нужно. Ничего не нужно».

Он поднялся на дрожащих ногах, приблизился к шутихе, которая, вроде бы, стала больше, но оно и понятно: она от каждого камня тоже больше становится, тут, главное, как говорил Панкрат, близко не подходить. Или отходить по чуть-чуть. Но что Куцему Панкрат, если тот в сторожке, у Панкрата другой напарник – Мякиш, а Куцый-то вот он, здесь. Тут, главное, не поскользнуться, а то вовсе целиком в шутиху свалишься. Только нос. Один только нос...

И снова словно по затылку хлопыстнуло Куцего, и снова закувыркался он вверх тормашками, да не в воздухе, а в киселе каком-то. Опять повис под потолком грязного бетонного бункера, в котором Ленивец сопли и плевки по стенам развешивает. И то сказать, легко ли этакую тушу выволакивать в траншею? Чего его только потом к железным грибам ведет, притягивает, что ли? Хорошо, хоть не гадит Ленивец под себя, хотя уже подбирал себе на помойке ведро, подбирал. Как разыщет, что попрочнее, точно будет Куцего просить с ведром толкаться. Ну, уж нет, и дров хватит. А что теперь-то он говорит? И он ли? Так то сам Куцый говорит! Но как же так, если это еще до того было? И опять голос на голос не похож – протяжно и низко:

– А че-го Пан-кра-та в Пу-щу потянуло?

– А кто е-го зна-ет?

И медленно-медленно полетела банка в сторону. Из-под гречки банка. И где же взял ее, гречку, Ленивец, если свою он еще с утра сожрал?

Но вот уже снова Куцый, что, вроде бы, оставался рядом с Ленивцем, видит: превращается толстое лицо в грязную равнину, и огромная ладонь снова обрывает все...

– Не больно, – прошептал Куцый и откатился чуть в сторону, потому как увеличилась шутиха. Почти до бруствера сползла нижним краем, да и в стороны раздалась, и вверх. В такую можно и целиком шагнуть, даже нагибаться не придется. Панкрат рассказывал, что до Куцего с Ленивцем в караул Вонючка ходил. Так этот Вонючка раз нажрался как-то пьяной плесени и аккурат в шутиху попал. Что это была за шутиха, никто так и не понял, только вывернуло Вонючку наизнанку. Ленивец на него целую банку оживляжа извел, а все без толку. Да и разве может человек оклематься, если он – наизнанку? Его бы сначала обратно вывернуть, то есть, еще раз в ту шутиху бросить. Но или у Ленивца ума не хватило, или Вонючка успел два камня в ту шутиху закинуть, и свернулась она, – того уже не узнать. Так и закончился Вонючка, хотя в бункере потом еще два месяца воняло. Куцый помнил тот запах. Плохой он был. А вот как развеялся, тут и оказалось, что от Ленивца пахнет не лучше. А от него-то само-

го, от Куцего, хорошо хоть пахнет? Может быть, ему не банки с гречкой для Станины запастать, а помыться, как следует? Или лучше все-таки умереть? Умереть хорошо. Главное, чтобы не больно. Он всю жизнь мечтал, чтобы не больно. Или смерть всегда не больно? Когда его осколком подсекло под самую куцесть, очень больно было, но ведь то вовсе не смерть была, мало ли потемнело в глазах, так оттемнело ж потом. А придурку, которого на куски разорвало, было больно? И чем он чувствовал боль? Каждым куском отдельно?..

Куцый приподнялся, сел, сполз по грязи на дно траншеи. Переставил поддон, полез на другой бруствер. Панкрат умный. Он всегда говорил, что лучше нагнуться, чем стать Ленивцем. Нагнуться и поднять. Сто раз дерьмо поднимешь, а в сто первый – стекляшка какая красивая окажется, или безделушка цветная. А если и в сто первый раз дерьмо, радоваться надо, что спина гнется, и язык о края консервной банки не ранится.

«Ну, все, – подумал Куцый, вставая и почему-то с грустью представляя тяжелую грудь и бедра Станины. – Все. Прощайте, минные поля, железные грибы, плешь, пуца, сухой горелый, помойка, дорога, сторожка, бункер, Ленивец, Панкрат, коротышка Мякиш – напарник Панкрата, еще раз бункер, ячейка с банками, мамка в поселке, забыла уже меня, наверное, другого родила от другого папки. Все. Хватит. Устал».

Сделал Куцый пять шагов назад, подминая резиновыми

подошвами расползающуюся траву, стер с лица то ли слезы, то ли натянувшуюся пленкой морось, побежал вперед и прыгнул через траншею прямо в подрагивающее зеркало комариной шутихи. Чтобы сразу. Чтобы целиком. Чтобы навсегда...

* * *

Он завис над зеленым лугом, ярко освещенным желтым солнцем и усыпанным желтыми цветами. Внизу не было ни траншеи, ни бункера. И минных полей тоже не было – всюду лежал только луг. Чистый и живой луг. До самого сухостоя, который еще не собирался становиться сухостоем, а кудрявился кронами странных белоствольных деревьев. И внизу, прямо под Куцым, на ярко-розовом куске ткани лежали двое – женщина и девочка. Они были почти раздеты потому как разве можно было назвать одеждой тряпочки на груди и на бедрах? Женщина держала штуковину, которую Панкрат однажды показывал Куцему, говоря, что это «книга», а девочка по очереди запускала руки в большую белую миску, брала оттуда что-то красное и мягкое и отправляла в рот. Брала и отправляла в рот. Брала и отправляла в рот.

– Ма-ша! – громовым раскатом донеслось до Куцега. – Ешь ак-ку-рат-но. И будь вни-ма-тель-на. В ма-ли-не мо-гут быть чер-ви.

Но Куцый уже летел вниз, туда, на нежное, чуть загоре-

лое бедро женщины и уже слышал не такое низкое, а почти звонкое:

– Ма-ма! У те-бя ко-мар на по-пе! Мож-но я е-го у-бью?

– Толь-ко не боль-но!

Хлоп!

* * *

Куцый пришел в себя на дне траншеи. Среди минных полей, недалеко от горелого сухостоя и страшной пущи. У грязного бункера под серым низким небом, которое все никак не желало светлеть. Он поднял глаза. Комариная шутиха исчезла.

«Три камня, – понял Куцый и подумал еще. – Лучше бы наизнанку...»

А потом прошептал:

– Маша. Ешь аккуратнее. И будь внимательна. В малине могут быть черви.

И заплакал.

Из бункера вывалился толстый Ленивец. Спустил комбез, облегчился прямо у выхода, смешивая мочу с водой на дне траншеи, в которой сидел его напарник. Повернулся к Куцему, поковырял в носу.

– Прости меня Куцый. Я, когда вижу еду, себя забываю. Я сожрал твою гречку, Куцый. И тушенку сожрал. Сожрал, набил глиной и замазал солидолом. Не обижайся, Куцый. Ста-

нина все равно бы тебе не дала. Она Кудра еще сильнее, чем мы боится. Не плачь, Куцый.

– Мама. У тебя комар на попе. Можно я его убью? – сказал Куцый и добавил. – Только не больно.

– Ты что, Куцый? – заржал Ленивец. – Какая я тебе мама? Да и нет уже комаров. Теперь до следующей шутихи...

2. Оживляж

– А это отчего? – спросил Куцый.

Тучи не расползлись, только истаяли до серой пленки. Но больше и не надо: когда небо чистое, особо нос не высунешь наружу – припекает, вроде, не сильно, а кожа в тот же день начинает клочьями слезать. А так-то милое дело. Тепло. Сиди на бетоне, лови ягодицами и причинным местом нагретость, смотри, как сушатся ватные штаны, да Ленивец стучит ломом по шляпке железного гриба, а потом тащит вязанку хвороста со стороны горелого сухостоя. Конечно, не Ленивец молодой охранник, а Куцый, но раз Ленивец сожрал пайку Куцего, то Ленивцу и обрабатывать. Иначе один намек Кудру, и Ленивец глину будет есть, а от глины запор случается. Поэтому сейчас Куцый отдыхает, а Ленивец пыхтит. Ничего, ему полезно!

– Это отчего? – спросил Куцый.

На закругленном углу бункера выбоина. Глубокая такая, словно выжженная. Но разве можно выжечь камень? Хотя со стороны плечи и сухостоя бетон однажды словно расплавился, обмяк, струйками побежал вниз, как комбиджир на сковороде. Да и вместо пулемета посреди колпака бункера – лужа застывшего металла.

– Кумулятивка, – сбросив вязанку, Ленивец вытер пот. – Видишь, яма не просто выбита, а словно высверлена? Но на

излете шла. Впрочем, что зря языком болтать, давно это было. Еще меня не было на свете и Кудра не было. Никого не было.

– А где Кудр ногу потерял? – спросил Куцый.

– Наступил, – сел рядом с напарником Ленивец. – На плоскую шутиху наступил.

– А разве бывают такие? – удивился Куцый.

– Бывают, – кивнул Ленивец. – Мне не попадалась, а вот Панкрат и сам едва не попался. Это гиблое дело, Куцый. Если она на земле, ее ж на просвет не возьмешь, не видно. Так вроде ничего себе, а как наступаешь – яма. Да плохая яма. Словно челюсти беззубые твою ногу хватают и начинают мусолить. Отгрызть, вроде, не могут, а перемусолить, кости переломать – только так. А если не отпрыгнешь, так и всего тебя засосут. Страсть! Панкрата спасло, что он с палкой ходит. Тычет ею перед собой. Мин боится. Хотя, чего их бояться? Так-то, если кроты тротил не выжрут, есть надежда разом по отходной дембельнуться, а если впереди тычешь, лови осколки в пузо, да переваривай, если сможешь. Палка его и спасла. Провалилась и затрещала. Ну а уж после ты знаешь. Три камня.

– А Кудр? – спросил Куцый.

– Кудр пацаном был еще, – ответил Ленивец. – В поселке бегал. Тогда еще дозоров вроде нашего не было, траншеи не чистили, шутихи до поселка долетали, это теперь они над траншеей копятся. И оживляжа тогда не было. Пока до ле-

каря дотащили, нога отпала уже.

– А откуда оживляж берется? – спросил Куцый.

– Кудр выдает, – ответил Ленивец.

– А у Кудра откуда? – не унимался Куцый.

– А вот у Кудра и спроси, – хмыкнул Ленивец. – Мал еще, о разном язык чесать. Знаешь, Куцый, что-то я передумал мыться. Устал. Завтра будем банный день устраивать.

– Странно, – задумался вслух Куцый. – Смотри, вот наша траншея. За ней – два минных поля, пуца, плешь, железные грибы, сухостой. За минными полями – вообще неизвестно что творится: отсюда, вроде как, увалы какие-то, а там – кто его знает? И при этом грязные тучи за грибы не заходят, шутихи только за траншеей вспухают, придурки только с той стороны приходят. Почему?

– Почему? – шумно высморкался Ленивец. – Потому что траншею мы очистили, а Кудр все траншеи с бубном прополз. И дозоры на углах расставил. Теперь наши траншеи, как веревка шерстяная, которую Панкрат от змей и дождевых червей раскладывает, когда на земле спать ложится. Шутиха завсегда ямы обходит, потому как над землей парит. Конечно, если она не плоская. Оттого и копятя они только с той стороны. А с этой все шутихи камнями закидали.

– Нет, – Куцый поерзал на бетоне, пересел, опять расправил причинное место на теплом. – Я о другом. Откуда вообще шутихи взялись? Панкрат говорил, что такая война была, что весь мир на куски порвало. Болота – на комариные

шутихи, пожары – на огненные. Еще какую пакость – на еще какие пакостные. Это что же за взрыв такой был?

– Взрыв? – задумался Ленивец. – Взрыв разный бывает. Вот смотри, видишь справа на краю минного поля яму? Ну, в которую мы мусор бросаем. А слева яму видишь? Точно такая же. Та, которая бурьяном поросла. Я в нее до ветру хожу.

– Ладно врать! – обиделся Куцый. – Ты хоть раз до ямы отход свой донес? Всякий раз во второй траншее опорожняешься. А то б я каждый раз слышал, как ты по грибам стучишь.

– Ну, раз на раз... – поморщился Ленивец. – Я о другом хотел сказать. Когда-то тут была большая война, давно была. Наш бункер крепко стоял. Смотри. Туда склон, туда склон. Впереди поле. До самых увалов, не подберешься. Но с той стороны была большая пушка. Из нее стрельнули по нашему бункеру. Сначала попали вон туда. Поправили прицел. Попали вон туда. Еще поправили прицел, чтобы уж наверняка прихлопнуть нашу коробочку. Но не прихлопнули.

– Почему? – спросил Куцый.

– Война кончилась, – объяснил Ленивец. – Как раз тогда многое на куски разорвалось. А что не разорвалось, да в шутихи не превратилось, то опалило, да припекло. И бункер наш в котелок на костре обернулся, и пушка та расплавилась. Видел, что с пулеметом стало? С того раза и вся эта дрянь. И плешь, и шутихи, и придурки, и все прочее. Разное. Там еще,

правда, ледовуха была, но это длинный разговор... Пойду я. Посплю.

– Стой, Ленивец! – прошептал Куцый.

– Что такое? – замер толстяк.

– У тебя... – у Куцего пересохло в горле. – Шутиха у тебя на спине.

– Точно? – Ленивец зашипел, как спущенная шина на велосипеде Панкрата.

– Точно, – вовсе охрип Куцый. – Звезда.

– Точно звезда? – застонал Ленивец.

– Точно звезда, – прошептал Куцый. – Восемь лучей.

– Восемь? – вовсе заскулил Ленивец. – Восемь не бывает!

– Восемь, – пискнул Куцый.

Она была маленькой, эта восьмилучевая звезда. С ладонь. Прилепилась к комбезу Ленивца и пульсировала понемногу. Сверкала непроглядной чернотой в центре и алой каймой по лучам.

Звезда садится только на живое. Зацепил где-то Ленивец искру. Наверное, придурок какой-нибудь принес. Придурки часто звезды приносят. От звезд придурками и становятся. Или еще отчего. Идут, как слепые, через Пущу, все на себя лепят. Но восемь лучей – плохо. Через час-два каждый распустится новой звездой. И так до тех пор, пока не доберутся до открытой кожи. И станет тогда Ленивец огромным придурком, полным искр. Хотя такие придурки долго не живут. Придурки вообще долго не живут, на то они и придур-

ки. Куцый придурков уже видел, только мертвяков не видел. И снять комбез со звездой нельзя. Корешки уже в теле, просто Ленивец их пока не чувствует. Вспыхнет звездочка – насквозь прожжет. И через траншею Ленивцу нельзя: горят над траншеей шутихи. Как напалм горят. У Мякиша одна ладонь напалмом насквозь прожжена, хотя он и хвастался, что трехлучевую звезду на ладонь поймал. Так дырка и осталась. Хотя если бы не ковырял, не было бы дырки.

– Три камня, – сказал Ленивец.

– Убьет! – прохрипел Куцый. – Отдачей убьет! Панкрат рассказывал, что Муравья с третьего дозора на втором камне переломило. Напополам разорвало. И оживляж не помог.

– Муравей худой был! – заорал Ленивец. – А я толстый! Бросай, Куцый, а то она ветвиться начнет, тогда точно скважина мне!

Первый камень угодил точно в центр звезды словно в спину Ленивцу влетел. Будто не Ленивец стоял спиной к Куцему, а бочка жестяная в комбезе Ленивца с дыркой в боку. Звезда померкла на секунду, подернулась пеплом, налилась кровью по всем восьми лучам, но не брызнула отростками, притупила жала. Только звякнула тихо, как звякает ложечка о стакан Куцего, когда он мяту заваривает. И тут же скорчило Ленивца, на колени он упал, но на пузо не грохнулся, взревел, как кабан в пристройке у Станины, когда Панкрат по пьяни не туда его ножом ткнул. Звезда тут же набухла и выросла вдвое. Захлестнула лучами комбез от бока до бока,

от лопаток до пояса.

– Устоял! – взревел Ленивец. – Устоял я, Куцый! Подожди, подожди, я к бункеру прижмусь.

Как слепой, бочком, бочком, с колен не вставая, двинулся он к бункеру. Дополз, прижался брюхом, потянул на голову капюшон, разворотил закатанные рукава, нагнул вперед голову, ухватился руками за оплывшую арматуру из поплавленного, развороченного бетона.

– Второй камень, Куцый! Не промахнись, в луч не попади, а то опять сожмется, и все насмарку.

Это Куцый промахнется? Да Куцый пацаном с одними камнями матушку все лето кормил, бил куропаток в болотном лесу! Или просто так Куцего в охранники взяли? Не каждого берут. Мог и брюкву по грядам таскать. А так-то, пока Куцый здесь, что ему пайка выпадает, то и матери. И если он банку тушенки от Ленивца нычет, то и матери точно такая же банка прибудет. Закон. Жалко только, что новый мужик мамкин эту банку половинит. А вот для дитенка мамкиного не жалко...

– Второй камень, Куцый!

Второй камень ушел опять в середину. Да и как тут промахнуться, если уже на три ладони звездочка расползлась? В этот раз Ленивец ревом не отделался. Захрипел, навалился грудью на бетон бункера, кровью рыгнул, ногти о камень сломал. Заплакал. И сквозь плач, хрип и стон, все-таки сумел вымолвить:

– Устоял, Куцый! Устоял! Третий камень давай!

– Ленивец, – Куцый не узнал своего голоса. – О тебе будут сказки рассказывать в поселке...

– Третий камень, Куцый! – почти завизжал Ленивец. – Печет же!

Звезда уже обняла его лучами поперек брюха. Захватила плечи, задницу, начала наползать на капюшон. И чернота в ее центре стала такой, словно весь Ленивец обратился в грязную выгребную яму, дна у которой нет.

– Третий камень, Куцый! – забулькал кровью Ленивец.

– Держи! – размахнулся Куцый.

* * *

Лопнуло что-то перед глазами. Ударило в нос аммиаком, словно минное поле выщелкнуло из себя пехотную гранату, и та подняла из отхожей ямы месячный смрад. И сама звезда, исчезнув, поплыла тысячами звезд у Куцего в глазах.

– Ленивец!!! – заорал Куцый.

Напарник его валялся возле бункера. Лицо Ленивца было в крови, пальцы были в крови, брюхо было в крови. Точнее, брюха не было. Перестал Ленивец быть толстяком. Даже стал похож на того Муравья, которого разорвало на втором камне. Но Ленивца не разорвало. Помяло только, высосало да дыхание вышибло. И сердце.

– Стой, сука! – замахал руками Куцый и босиком понесся

с бруствера вниз, в траншею, по воде, босиком в бункер, на лестницу, на второй этаж, в караулку, банку с оживляем и фляжку с водой с собой, и снова – лестница, бункер, траншея, бруствер, Ленивец. Сорвал с банки крышку, нащупал один из трех зеленоватых прозрачных шаров, смазал рукавом кровь с лица Ленивца, отжал нижнюю челюсть и сунул оживляж в рот, плеснув туда же воды.

– Сейчас, – зашептал Куцый, оглядываясь. – Сейчас, Ленивец. Ты же не далеко отлетел? Панкрат сказал, главное, чтобы далеко не отлетел, потому как если далеко, то на твое место кого другого притянуть может! Главное, чтобы не далеко. Главное чтобы оживляж взялся...

Взялся он, чего ему не взяться? Хороший оживляж у Кудра. Щеки у Ленивца начали вздуться, и правильно, – тот же Панкрат говорил, что оживляж с водой действует. Вздувается по месту применения, а потом уж лопается внутри человека и затаскивает его внутрь. Конечно, если он далеко не отлетел. А если далеко не отлетел, то его и затаскивает. Главное, правильно оживляж применять. Как же его еще правильнее применить? Да не применял его еще Куцый никогда.

Хлопнуло, словно над костром потужился Ленивец. Только не над костром хлопнуло, а во рту у него. И сразу же дрогнули веки, губы разомкнулись, с хлопаньем втянули в себя и кровь, и воздух, и сам Ленивец вдруг заорал голосом Панкрата:

– Ты что творишь, Куцый?!

– Что я творю? – не понял Куцый.

– Что с Ленивцем? Ты идиот, Куцый! Ты оживляешь его, что ли? Ты как оживляешь его, Куцый?! Ты что, не понял, меня сюда притянуло! Я теперь и в сторожке, и тут. Я сейчас на две части разорвусь, Куцый. Я с ума сейчас сойду! Ты неправильно оживляешь, Куцый. Рвусь уже. Убей меня, Куцый, а то я тебя сейчас сам убью!

– Как это, убить? – оторопел Куцый. – Это ты, что ли, Панкрат?

– Я сейчас... Ну, Куцый...

Развернулся Ленивец-Панкрат к Куцему, сполз на задницу и неумело, словно младенец в люльке, стал шарить руками по поясу. Нашупал штык-нож Ленивца, вытянул его из ножен и, обиженно глядя на Куцего, саданул сам себя лезвием в шею. Прямо через капюшон. И тут же завалился, хрипя, на бок.

– Ленивец... – растерялся Куцый. – Панкрат... Ленивцю... Да как же это? Да что же это? Да я...

Пальцы с трудом вытащили из банки следующий шар. Куцый поднял голову, нашупал второй рукой лицо Ленивца и, прежде чем сунуть оживляж ему в рот, заорал, что было силы, да так, что точно до сторожки долетело:

– Ленивец!!! Домой!!!

Во второй раз хлопнуло сильнее. И глаза у Ленивца открылись быстрее, только говорить он не сразу смог – сначала кровь клокотала в рассеченной гортани. Но оживляж – креп-

кая штука: пузыри еще шли, а голос уже начал прорезываться. И не голос Ленивца. Совсем не голос Ленивца.

– Куцый! – прошипел Кудр. – Ты неправильно, сволочь, оживляж применяешь! Я убью тебя, Куцый! Я тебя на куски порежу, Куцый! Ты не туда оживляж применяешь, Куцый! Ты, пьяная плесень...

Хрясь! Штык-нож вошел в грудь Ленивца так, словно Куцый нарезал сырую глину, чтобы замазать щели вокруг двери в бункер. И Ленивец-Кудр тут же заткнулся, оборвался на слове «плесень», закатил глаза и забился в судорогах.

– Неправильно я оживляж применяю?! – заорал Куцый. – А как правильно?! А кто меня учил?! Сунули в караулку к Ленивцу, дали ружье с двумя патронами и велели охранять. А кого охранять, от кого охранять, зачем охранять, – не сказали! Панкрат только и ляпнул как-то, что вздувается по месту применения и внутри лопается. Как я еще его внутрь засуну? А как мне Ленивец его засовывал?.. Как мне засовывал? – растерянно повторил Куцый и вдруг вспомнил, как пришел он в себя. Еще удивился сначала, что огонь, пожравший его задницу, исчез, но во рту-то у него ничего не было. Как сосал сухарь, так с сухарем и очнулся. Что же получается, Ленивец ему... туда оживляж совал? И тот же Мякиш как-то обмолвился: откуда вусмерть пришла, туда и высмерть должна стучаться. И что не долбись в окно, если выходил через дверь... Отчего же они тогда с Панкратом ржали? Об этом, что ли, язык чесать не стоит? А Кудр откуда

оживляж берет?

Перевернул Куцый странно худое тело Ленивца, потянул вниз ставший огромным мешком для теперь уже поджарого хозяина комбез. Поморщился. Все-таки ужас сделал с Ленивцем грязное дело. Главное, чтобы не узнал никто. Главное, чтобы не узнал, а то ведь засмеют. Прохода не дадут...

* * *

Ленивец открыл глаза через пару секунд после хлопка. Полежал минуту. Потом сел. Поморщился. Покачал головой. Сунул руку под зад, вытащил пальцы, снова поморщился. Наконец молвил:

– Пронесло, парень. А ведь ты прав. Об этом будут сказки рассказывать. Только не поверит никто.

– Ничего, – сплюнул Куцый. – У меня свидетели есть.

– Эй! – раздался из-за бункера голос Мякиша. – Вы где там? Почему наверху?

Куцый и Ленивец полезли на крышу бункера. Мякиш с авоськой с шестью банками консервов стоял на другой стороне бруствера, копыта обстукивал друг о друга.

– Сегодня по перловке и по две кильки. И сухари, – сухо сообщил Мякиш и сморщил лоб. – Да вы что там творите-то? Ленивец, где твое пузо? Почему весь в грязи? Или в крови? Куцый! А ты почему без штанов? Что причиндалами трясешь? Да чего уж теперь одеваться, ладно. Мне без раз-

ницы. А ты ведь и в самом деле куцый, Куцый. Весело тут у вас...

– Дурак ты, Мякиш! – сплюнул Ленивец. – У нас сегодня банный день просто. Сейчас мыться будем. Вот только воду согреем...

3. Симметрия

– Почему у тебя хвоста нет? – спросил Куцего Панкрат.

Давно спросил. Куцый тогда только-только прибыл в сторожку. Постоял навтытяжку перед одноногим Кудром, пустил слюну на богатырскую статью Станины, познакомился с Ленивцем и Мякишем. И вот, после примерки казенного обмундирования, от которого пахло гнильцой, Панкрат и спросил Куцего:

– Почему у тебя хвоста нет?

– А должен быть? – ответил вопросом Куцый.

– А как же? – удивился Панкрат. Повернулся задом, припустил галифе, показал толстый огрызок над ягодицами, вильнул пару раз. – Симметрия же должна быть. У человека все в симметрии. Две руки, две ноги, два хвоста. Спереди и сзади. Какой-то ты ущербный, братец. Как тебя мамка окликивала?

– Витюня, – сказал Куцый.

– Был Витюней, а станешь Куцом, – закрыл тему Панкрат.

– Хорошо, – согласился Куцый, раздумывая, как же он будет мамке писать? Подпишется «Куцый», а она и будет голову ломать, кто это такой ее мамкой называет? – А голова?

– Что, голова? – не понял Панкрат.

– Голова-то одна! – высказал недоумение Куцый.

– Это да, – задумался Панкрат. – Но так и туловище одно.

Однако ж и на голове все сдвоено – два уха, два глаза, два рога, у кого есть, две ноздри в носу, который, по сути, тоже часть головы. Так что, все в порядке.

– А рот? – поддел Панкрата Куцый.

– Рот? – сдвинул брови Панкрат. – Рот один, но пара у него имеется. Под хвостом, как ей и положено. Ежели ты отверстия в учет пускаешь, то с отверстиями их и соотноси.

– А пупок? – прищурился Куцый.

– Какой пупок? – удивился Панкрат. – Здесь, что ли?

Задрал рубаху и показал Куцему впалый живот, на котором не имелось ни пупка, ни какого бы то ни было жирка. Развернулся тогда Куцый, а Панкрат еще вслед ему кричал что-то. Вроде того, что и с головой скоро все наладится: в южном бункере, что за деревней, у одного караульного не одна голова, а две! А если Куцый не верит, то пусть у Ленивца спросит.

Ленивец работал в яме. Выдалбливал консервы из мерзлоты. По многу выдалбливать Кудр не давал. Шипел, что уже пятнадцать лет долбят, второй вагон в замороженном тоннеле вскрыли. Сколько там еще вагонов – неизвестно, так что экономить надо, а то придется на брюкву переходить. Рядом с Ленивцем Станина стояла, деревянной колотушкой по колену себя постукивала, в другой руке светильник держала. Тогда еще Куцый не знал, что Ленивец плохим долбильщиком был, норовил или под ноги банку какую сбросить, или кайлом ее смять, чтобы сожрать потом, как порченую. На

этот случай рядом Станина и стояла. И шишки на голове Ленивца тоже на этот случай были. Обычно банки Панкрат выдалбливал или Кудр, но Кудр подменял Панкрата в бункере, чтобы тот мог выдать обмундирование новичку Куцему, поэтому банки выдалбливал Ленивец, а Станина не могла банки долбить, ей стать наклоняться не позволяла.

– Чего хотел, Витюня? – спросил Ленивец, вытирая со лба пот и осторожно трогая свежую шишку на затылке.

– Я теперь Куцый, – сказал Куцый. – У тебя хвост есть?

– Есть, – скривился Ленивец. – Не видишь, что ли? Вот, с колотушкой стоит, прохода не дает. А сама слюну на гречку пускает.

– Я про другой хвост, – надул губы Куцый. – Тот, что сзади. Что для симметрии.

– Для симметрии? – отложил кайло Ленивец. – Насчет симметрии не знаю, но хвост у каждого есть. Вон и у Станины есть, я за ней подглядывал в банный день, точно тебе говорю. Ты чего глаза пучишь? Не, она не глухая, не думай. Она немая. У нее языка нет. С рождения, наверное. Если бы, Куцый, у нее еще и рук бы не имелось, чтобы колотушку в них держать, тогда ей и цены бы не было!

Полез Куцый наверх из ямы, сел на край, плечи обхватил руками, задумался. Вот отчего мамка, когда обнимала его и гладила, всегда повторяла «бедный мой, бедный»? Из-за хвоста все! Будешь тут бедным. Когда у его приятеля по ребячьим играм мамка обнаружила недостаток других причин-

далов, тут же потащили парня к поселковому лекарю. Самогонку в рот лили, ноги раскорячивали, резали что-то, да вытягивали наружу. Вытянули к счастью. Приятель потом пару недель враскоряку по улице ходил. А вот хвостом Куцего никто не озаботился. Пиши потом мамке письма, да что толку теперь? Если догадается она, что никакой не Куцый ей письмо написал, а Витюня ее бедный, что ответит тогда? Не в хвосте счастье? Понятно, что не в хвосте, а в симметрии. Панкрат зря долдонить не будет...

Приподнялся Куцый, сунул руку в порты, погладил собственные ягодицы – две, как положено, – нащупал позвоночник, повел вдоль него рукой. Так вот же он, хвост! Вот он, под кожей! Да, не виляет, не загибается, но имеется ведь! Другой вопрос, что наружу не вышел. Так что же теперь, спину рвать? Нет, пусть как есть. Главное, что симметрия в силе, просто хвост – тайный.

– Ленивец! – крикнул Куцый в яму. – А правда, что в южном бункере у одного караульного две головы?

– Правда, – отозвался Ленивец.

– А ты хотел бы, чтобы у тебя две головы было? – спросил Куцый.

Не сразу ответил Ленивец. Сначала молчал долго, потом звякнул кайлом, и сразу загудело что-то, будто Кудр в чулане деревянной ногой кадушку с квашеной капустой задел.

– Если бы две пайки с учетом двух голов давали, то хотел бы, – простонал, наконец, снизу Ленивец. Да так, словно по

ноге кайлом себе заехал. – А если как в южном бункере, то не хотел бы. Тому двухголовому пайку одну дают, а караулит он в бункере за двоих. Да еще и ругается сам с собой все время.

– А чего делит-то? – не понял Куцый.

– Да разное: то кому мусор выносить, то кому посуду мыть, то кому шутихи камнями забрасывать...

4. Придурок

– Симметрии в них нет, – объяснял Куцему Ленивец. – Первое, чем придурок отличается от человека, так это тем, что у него симметрии нет.

– А Панкрат сказал, что первое, чем отличаются придурки, что они оттуда идут, – тыкнул пальцем в бойницу Куцый. – Из поселка придурки никогда не идут, только оттуда.

– Это точно, – согласился Ленивец и с завистью посмотрел на банку гречки, которую Куцый старательно паковал в железный ящик с замком. Ведь сходил, паршивец, на дальнюю воронку с маслом, с час кошку на веревке бросал, пока ящик не выволок! Панкрат тот ящик Куцему сдал. Сам, сказал, что видел, как ящик из стены воронки в масло вывалился. И мало того, что ящик сдал, так еще и замок Куцему подарил. Теперь Куцый гречку в ящик кладет и на замок запирает. Ленивец уже все ногти о тот замок обломал, а сбивать его топором нижняя симметрия не дает, жметесь. Панкрат пригрозил Ленивцу и зубную симметрию нарушить, если тот и дальше обжираться Куцего станет. А если замок сломает, так и вовсе в придурки запишет...

– Это точно, – повторил Ленивец, – но симметрия тоже важна. Она ж не вся видна. В голове должна быть симметрия. Да и не только в голове. Ты приглядишься к этим придуркам, у каждого чего-то не хватает. Кудр сказывал, что рань-

ше, когда придурков было больше, чем мышей на сеновале, даже безголовые попадались.

– Как это, безголовые? – похолодел Куцый.

– А так, – пожал плечами Ленивец. – Идет такой придурок, как петух без головы. Только петух, если его хозяйка подрубит, недолго по двору бегают, а придурок может неделю бродить, пока не упадет.

– А отчего он падает? – не понял Куцый.

– По-разному, – вздохнул и снова облизнулся на ящик Ленивец. – Споткнется, там, или в траншею упадет. Опять же, на минное поле забредет. Но в основном – от истощения. Если у него головы нет, то и рта нет. А без рта долго не проживешь. Еду-то некуда класть...

И вот теперь на краю минного поля стоял придурок. Куцый уже видел пару раз придурков, но больше издали, потому как недавно он караул нес с Ленивцем, и года еще не прошло. Это раньше, когда траншею только начали расчищать, придурков было полным полно, а теперь если где они и попадались, то только за минным полем. Хотя Панкрат врал, что все, кто в поселке есть, все из придурков. Никого после войны не осталось. Сначала громыхнуло, потом поджарило, потом всякая пакость с неба полилась. Затем все тучами заволокло, а там и вовсе так приморозило, что обычная зима летом могла бы показаться – ледовуха накатила. А то откуда лед под землей мог взяться? Сотню лет примораживало,

если не тысячу. А не веришь, Куцый, сходи, посмотри, как Кудр консервы в яме выдалбливает...

Ходил Куцый, смотрел. Да, лед под землей имеется. На два роста Куцего нет льда, а дальше – лед. И вагоны во льду, а в вагонах – консервы. Только все равно врет Панкрат. Думает, раз уж Куцый из поселка, то ему можно всякую пакость в уши заливать? Ведь если после той войны никого не осталось, то кто же Панкрату мог все это рассказать? И про войну, и про пакость с неба, и про тысячу лет зимы? Нет, про войну догадаться можно: и минные поля кругом, и ржавчина всякая в земле попадается, и, опять же, бункер оплавленный, воронки. А про зиму?

Да и что спорить! Разве за тысячу лет зимы хоть кто-нибудь выжил бы? Люди ж – это не банки в вагонах. И коровы, овцы, кошки, собаки – тоже не банки. И воробьи четырехкрылые не банки, и синицы ядовитые, и бабочки, из крыльев которых мамка Куцего в поселке кошельки шьет, тоже не банки. Нет, не сходится что-то в рассказах Панкрата. Зря Кудр говорит, что Панкрат самый умный не только от восточного бункера до западного, но и от южного до того самого, в котором сейчас Куцый сидит и на придурка на краю минного поля смотрит. Что же тогда Кудр деревянной ногой Панкрата бил, когда тот к Станине в кладовке пристал? Разве можно умного деревянной ногой бить? Или Кудр себя даже умнее Панкрата считает? Наверное, Кудр и в самом деле умнее, потому как, был бы Панкрат умнее, то Панкрат бы Кудра

с Мякишем на караул отправлял, а пока что Кудр Панкрата с Мякишем отправляет. Панкрат не любит с Мякишем, говорит, что от него козлом пахнет, а Мякиш только смеется и по голове себя стучит. Звук получается еще звонче, чем когда Станина Ленивцу башку колотушкой отстукивает. У Мякиша под колпаком два желтоватых пятна. Спилил себе рога Мякиш. Спилил и продал на поселке. Лекарь их купил, сказал, что порошок из тех рогов от болей в спине помогает. А Мякиш еще врал, что голова у него мерзнет, потому как зимой колпак не может из-за рогов на голову нахлобучить. И Пакрат тоже врет. Умный, вот и врет. А когда Ленивец врет, сразу видно, что врет. Говорит, что не трогал ящик Куцего, а сам губу лижет, за которой симметрия пока что не нарушена, да ногти поломанные прячет...

– Послушай, – задумался Куцый. – Вот Панкрат говорил, да и ты мне подливал ненароком, что все эти шутихи от того, что от взрыва мир на куски порвало. Так?

– И что? – пробормотал Ленивец. Уставал Ленивец, когда Куцый вопросы начинал задавать. Мозги Ленивцу приходилось переключать. То он о еде думал, а то о какой-то ерунде приходилось размышлять.

– И что же получается? – тарасился в бойницу Куцый. – Мир разорвало на куски, а потом приморозило и присыпало? И лежали все эти шутихи примороженными тыщу лет? А потом стали оттаивать и понемногу разлетаться? Или они и до сих пор еще оттаивают?

– Слушай, Куцый! – занял Ленивец. – Отстань ты от меня! Лучше ключ от замка на ящике дай. Я им поиграюсь и обратно тебе верну. Зачем тебе замок на ящике? А вдруг ключ потеряешь, а гречка внутри ящика вздуется? Пропадет же хавка, жалко!

– Не пропадет, – угрюмо заметил Куцый и спрятал ключ на шнурке за ворот. – И не потеряю... Я на крышу бункера вылезу. Хочу на придурка поближе посмотреть.

– Да чего на него смотреть? – вовсе выкатил слезы на щеки Ленивец. – Он же придурок!

– Интересно, – бросил Куцый, прихватил ружье и полез в люк.

Неудобно с ружьем лезть, длинное оно. Длиннее, чем сам Куцый. Но без ружья боязно. Понятно, что всего в ружье два патрона, но два патрона лучше, чем ни одного. Вот в ружье у Ленивца ни одного патрона не осталось, хотя и ружье у него покороче, и патроны туда не по одному вставляются, а магазином. Но Ленивец, по слухам, года три назад на мертвяка охотился, тогда и патрон потратил. И как ему только Кудр голову за патрон не оторвал? Их же отыскать еще труднее, чем банки консервные...

Вылез Куцый на бруствер, а потом и на крышу бункера перебрался. На лужу застывшего металла садиться не стал: солнце палит, нагрелась лужа – и ватные штаны от ожога не спасут. Эх, был бы у него бинокль, как у Мякиша, в подробностях бы придурка рассмотрел! А так только и видит, что

симметрии в нем нет. Ноги, правда, две, и руки две, а колпак на голове – без симметрии. С одной стороны гладкий, а с другой торчит что-то вроде навеса над крыльцом в сторожке. И глаз у придурка нет, вместо них что-то черное, и блестит. А рот-то у него есть? Есть, вроде. Чего ж он молчит тогда? Панкрат говорил, что иногда придурки очень даже связные слова говорят, но поддаваться им нельзя. Правда, если что понятное говорят, то надо Кудра звать, а если непонятное, то лучше гнать их, куда подальше. Или под шутиху их подвести.

– Икьюзвэайгот?

Ну, точно, гнать нужно подальше. Под шутиху бы его, но нет шутих, как назло. Мало их, когда солнце палит, мало. Вот в дождь – самые шутихи. А в солнце другая пакость, кожа слезает. Куцый, конечно, тряпицу на голову накиннул, рубава у рубахи приспустил, но рассиживаться на крыше бункера не след, надо прогнать придурка.

– Иди! – крикнул ему Куцый и рукой махнул вправо, в сторону минного поля: кто знает, вдруг там еще мины остались?

– Ботинки на нем посмотри, ботинки! – заорал из бункера Ленивец.

– Айдидандэстэдювэй? – вновь подал голос придурок.

– Бормочет еще что-то, пес! – выругался Куцый и снова замахал рукой вправо. – Иди! Туда иди!

– Зэа? – протянул руку в сторону придурок. И в самом деле задрал ногу, колючую проволоку под нею пропустил,

сделал шаг на минное поле.

– Айвентбайзекарэндсадденлитапиредхэ.

– Собака и то понятнее лает, – вздохнул Куцый и еще сильнее замахал рукой. – Иди-иди. И на меня. На меня давай.

– Ес, – отчего-то обрадовался придурок и побежал по минному полю. Хороший придурок, свежий. Еще не обтрепался и на солнце не обгорел. Только рожа покраснела, но кожа клочьями слезать еще не начала. И одежда пока новая: синие штаны, рубашка. Только вот рубашка плохая, с коротким рукавом. Нельзя в такой рубашке под солнцем ходить. Бежит и ведь лопочет что-то. А ботинки новые, блестят. Хорошие ботинки.

– Вэлнаайвилэксплэйнэврисинтуайнидтукомюникей-виз...

Наступил-таки. Щелкнуло так, что сразу стало ясно, не все еще перепахали кроты, уцелела красавица. Во всю мощь рвануло, Куцый даже с бункера свалился. А когда вновь поднялся, да землю с себя стряхнул, придурка уже не было. И то сказать, тут бы никакой оживляж не помог. Да и стоило бы тратить его на придурка? Теперь, главное, пока Ленивец будет из бункера вылезать, первым до останков добраться. Идти да принюхиваться, мало ли мин могли на взвод встать?

Перешагнул Куцый через проволоку и пошел, сберегаясь, вперед. Вот рука придурка валяется. Обычная рука, в крови. Правильно говорил Панкрат, что в основном придурки ни-

чем не отличаются от нормальных людей. Но этим-то они и опасны! «Представь себе, – говорил Панкрат, – что поселковые собаки все стали придурками. То есть перестали вилять хвостами, кости с земли подбирать и банки облизывать, а вместо этого стали разговоры с тобой разговаривать, за стол садиться и одежду носить?»»

Нет, это никуда не годилось. Ладно бы еще Шарик, который у мамки под домом жил. Ну знал бы с десятков слов, и ладно, а за стол, да еще и в одежде, – не нужно такого удовольствия! Да и десятков слов лишком был: с десятком Шарик такое мог мамке рассказать, что сам Куцый бы забыл все слова сразу.

Так, вот еще одна рука, а от ног ничего не осталось. Разнесло все. Ботинки в клочья, не повезло Ленивцу. И от черных глаз тоже одни осколки, а вот колпак, вроде, уцелел. Только вымок, потому как в траншею отлетел. Однако, если этот навес не над ухом ставить, а надо лбом, то и симметрия не нарушится.

– Нет ботинок, – развел руками Куцый, возвращаясь к бункеру.

– Ладно, не зима вроде. Потерплю до следующего придурка, – вздохнул Ленивец и тут же засмеялся: – А ты, Куцый, и сам как придурок в этом колпаке!

И неделю не проходил худым Ленивец – опять на нем комбез трещит. Скоро бункер затрещит. И когда только отожраться успел? Или все-таки вскрыл ящик с гречкой?

– А ну-ка, Куцый, скажи что-нибудь, как этот придурок лопотал, я чуть не лопнул от смеха в бункере.

– Ес, – сказал Куцый и повторил еще раз. – Ес. Ес.

– Ес! – закатился от хохота Ленивец.

5. Охота на мертвяка

Странное это дело: патрон Ленивец потратил, когда петлю на ящике из ружья Куцего отстрелил, пока сам Куцый облегчаться ходил, вынул и сожрал гречку, а Кудр наказал поровну, что Куцего, что Ленивца. Заставил траншею чистить от бункера и до самой пуши. И ладно бы днем, а то ведь ночью! Днем он разбирался с обоими – у Куцего за ротозейство колпак с козырьком отнял, а Ленивцу деревянной ногой пятки отколотил. Ленивец теперь доволен, ведь пятки у него, что железо, только у Мякиша копыта крепче. Ему – что самому ходить, что по нему ходят, все едино. И Панкрат теперь симметрию Ленивцу не нарушит – два раза за один промах не бьют. Теперь вот траншею надо очистить. А что ночью можно увидеть? Только железные грибы, что по границе плеша. Светятся они по краю, словно лампы закопченные, хотя и чистые у них шляпки. Ленивцу легче, он в темноте видит, хотя кроме этого и не умеет ничего, а Куцый, мало того, что не видит ничего, да еще нос разбил, когда бежал от отхожей ямы обратно в бункер. Подумал, что застрелился Ленивец. Бежал и думал, что оживляжа нет, значит, не сможет оживить Ленивца. Был бы оживляж, пришлось бы в порты к Ленивцу лезть, поэтому хорошо, что нет оживляжа. Прибежал, а Ленивец живой сидит, и только штык ножом банку скоблит. И все равно не стал бы Куцый Ленивца закладывать, но

тут как раз Мякиш заявился. А у Мякиша ничего в голове не держится, голова у него, что ладонь его с дыркой от напалма: чем крепче кулак сжимаешь, тем скорее спрятанное через дырку выскакивает. Разболтал Мякиш, Кудр тут же прискакал, и началось. Стой теперь в траншее и маши в темноте совковой лопатой. Не добросишь, с бруствера на тебя же и свалится, и ладно, если грязь. А если то, что Ленивец до отхожего места не донес?

– Поганец ты, Ленивец, – бормотал Куцый. – Так-то вроде не дурак, а как еду увидишь, ну чисто придурок!

– А ты не оставляй припасов, – скулил в ответ Ленивец. – Нельзя припасы оставлять. Еда для того, чтобы есть ее, а не для того, чтобы в ящик или в ячейку ныкать. И человек для того, чтобы еду есть. Вот еда, а вот едок, чего ныкать-то? Или сам ешь, или пусть Мякиш обратно несет. Если бы Мякиш обратно унес, сейчас бы мы в бункере с тобой сидели, кости на щелканы раскатывали. А мы вот в дерьме копаемся, траншеею чистим от бункера и до утра.

– От бункера и до плечи, – поправлял Ленивца Куцый. – Кудр велел до плечи чистить.

– Я и говорю, до утра, – бормотал Ленивец. – Потому что никак мы до плечи раньше утра не успеем.

– И в дерьме я копаюсь, а не ты, – поправил Ленивца Куцый. – Дерьмо-то твое, значит, для тебя оно и не совсем дерьмо.

– Дерьмо – оно по-любому дерьмо, – не согласился Лени-

вещ. – Оно мое вот только когда во мне, или сразу после. А чуть полежало – уже не мое, а обычное дерьмо. И мне его, тем более с водой размоченное, на бруствер закидывать никакого удовольствия нет. Тем более что у тебя, Куцый, ботинки прорезиненные, а у меня сапоги кирзовые, они воду пропускают, и теперь у меня ноги сырые.

– А ты бы не жрал чужую гречку, и ноги бы у тебя сухие были, – отвечал ему Куцый.

– А ты бы не заглядывался на Станину, и сам бы гречку ел, – бормотал Ленивец. – Тогда бы и ноги были сухие, и я бы по пяткам не получил.

– Ты же боли не чувствуешь? – поддел Ленивца Куцый.

– Я в пятках не чувствую, – признался Ленивец. – А в голове очень даже. Когда Кудр меня по пяткам бил, я головой о край бункера стучался. Очень больно было. Подумал даже, что еще пару раз ударит, я и вовсе в обморок отъеду. И что тогда делать? Оживляж же закончился!

– Да, – задумался Куцый. – А откуда Кудр оживляж берет?

– А ты не знаешь? – удивился Ленивец.

– Нет, – признался Куцый. – Ты же не рассказал мне в прошлый раз.

– А банку гречки дашь, если Мякиш еще принесет? – спросил Ленивец.

– Не, – не согласился Куцый. – Кильку дам. А гречку не дам. Она мне самому пригодится.

– Да не даст тебе Станина! – Ленивец в сердцах выпря-

мился, темной тушей последние ночные проблески с неба загородил. – Грудь потрогать, может, и даст, а больше – ничего. Ты бы Панкрата спросил, много ли он со Станины удовольствия получил?

– Много? – переспросил Куцый.

– Да нисколько! – плюнул Ленивец. – Думаешь, Кудр ее для себя сберегает? Она ему оживляж делает.

– Как это? – не понял Куцый.

– А так, – пожал плечами Ленивец. – В поселки бабы детей рожают, а Станина яйца откладывает. Оттого Кудр и трясется над ней. Он их на холод сразу тащит и выдерживает там. Месяц держит. Я видел сетку с яйцами, когда банки выдалбливал. Через месяц из тех яиц оживляж и получается. Понял?

– Понял, – ошарашено пролепетал Куцый. – Так она вроде как... курица?

– Какая же она курица? – не понял Ленивец. – Думаешь, курица стала бы меня по затылку колотушкой стучать? Она баба, но с яйцами. Обычная баба, только яйца несет. Нет, по-первости, когда Кудр узнал о таком деле, она еще стройной девчонкой была. Мне Мякиш по секрету рассказывал. Мякиш старый, это он только кажется молодым, а так-то он почти как Кудр. Вот Кудр и разрешил ей первое яйцо высидеть. Ну, как курица высидивает. Понятно, что она сесть на него не смогла. В ладонях носила, ныла о чем-то. Языка-то у нее с рождения нет, вот она и ныла. Улыбалась еще. А потом

из яйца вылупился Панкрат.

– Кто вылупился? – не понял Куцый.

– Панкрат, кто еще, – ответил Ленивец. – А ты не знал, что ли? Ты видел, что у него пупка нет? Это потому, что он из яйца.

– Подожди! – вовсе отбросил лопату Куцый. – Но Панкрат же большой, а оживляж – маленький.

– И яйцо было маленьким, – уверил его Ленивец. – Панкрат, когда родился, вроде цыпленка оказался. Она его тоже в ладонях носила. Кормила из пипетки. Вот и выкормила на свою голову. А теперь он на нее и смотрит, как петух на курицу. Если бы не Кудр, давно бы оседлал...

– Подожди, – замотал головой Куцый, поморщившись от вони. – Но как же оживляж оживляжем сделается?

– Этого я не знаю, – вздохнул Ленивец. – Мякиш об этом не рассказывает. Но Панкрат как-то обмолвился, что этот Мякиш и сам вроде Станины, хоть и с копытами и с симметрией. И что он никакой Мякишу в его станинском деле не помощник. И что одна польза от того, что Мякиш – вроде Станины, что пихает в себя разное. А тут как раз его лихо-манка скрутила, так вот он первый оживляжем и вылечился. Хотя поначалу просто яйцо у Кудра спер и холодненькое в себя пихал.

Тошнота подступила к самому горлу Куцего. Хотел тут же выворотить себя наизнанку, но не смог. Только глаза начал тереть. Не хватало еще прямо вот тут в грязной тран-

шее уснуть! А может, ну ее, эту Станину? И не говорит ничего, только мычит. И деревянная нога у Кудра тяжелая. А у Панкрата пупка нет. В поселок надо возвращаться. Конечно, консервы – дело хорошее, но зато траншея – дело плохое.

– Ленивец, а ты почему в караульные пошел? – спросил Куцый напарника. – У тебя же отец на поселке, вроде как, кузнец? Богатый мужик.

– Бил он меня, – признался Ленивец. – Ленишься не давал. А как же я не могу лениться, если я Ленивец? Вот я и ушел. Да и потом, есть еще одна причина. Только она редко повторяется.

– Ты о мертвяках, что ли? – вспомнил Куцый. Панкрат рассказывал, что Ленивец только из-за мертвяков остался. Что слаще добычи от мертвяка ничего нет. И хотя добычу от последнего мертвяка уже два года назад доели, Ленивцу до сих пор мертвячья тошнота чудится. – Тебя от мертвечины, что ли, рвет?

– Дурак! – постучал себя по голове Ленивец. – Тошнота – это знак! Перед тем, как мертвяк появляется, тошнота подступает. А потом уж никакой тошноты, только сладость.

– А еще я слышал, что мертвяки все шутихи делают, – вспомнил Куцый. – Мякиш говорил, что если бы не шутихи, то ничего и никого бы вокруг не было. Что вымерзло все кругом, а потом шутихи пошли, и все начало возвращаться. Что эти шутихи, вроде как, сита, из которых бабы брюкву в деревне сеют.

– Нашел, кого слушать! – поморщился Ленивец и едва и сам сдержал тошноту. – Нет веры человеку, который неизвестно что в себя пихает. Ты лучше скажи, Куцый: тебя, случайно, не тошнит?

– Тошнит, – признался Куцый. – И в сон клонит.

– Точно клонит? – словно окаменел Ленивец. Приподнялся, подпрыгнул, в края бруствера руками уперся, шею вытянул – откуда только ловкость образовалась? – и вдруг присел и зашептал так, словно Кудр за поворотом траншеи присел по нужде: – Тряпку, тряпку! – Ленивец бормотал и лез куда-то в карман комбеза. – Тряпку взять и помочиться на нее, да под нос, иначе уснешь и ничего не увидишь. Так меня Кудр учил. Быстро, Куцый, быстро, а то все проспишь!

– Что быстро? – не понял Куцый.

– Быстро в бункер, ружье свое с последним патроном тащи! – зашипел Ленивец. – Да на платок помочись и дыши через него, а то уснешь сейчас! Мертвяки газ в траншею пускают, чтобы мы спали и не охотились на них. Знал бы ты, Куцый, скольких я уже мертвяков проспал! Мы бы и теперь спали, но мы траншею чистим. Кудру спасибо, что траншею чистим. Кудру спасибо! Да беги же, Куцый!!!

Пулей полетел Куцый по траншее, даже прорезиненные башмаки залил. Заскочил в бункер, схватил ружье, вывалился опять в траншею и назад помчался. На бегу думал, что не охотился он никогда на мертвяка, и даже не знает, как охотиться на него потому как последнего мертвяка доели еще до

того, как Куцый караульным стал. И каково это – мертвяка есть? Не будет ли его тошнить от мертвечины? Может быть, лучше на гречке и кильках остаться?

– Вот он, – прошипел Ленивец. – Не зря я эти железные грибы отстукивал. Приманил-таки!

Выглянул из траншеи Куцый, зажимая лицо вонючим платком, и чуть обратно в траншею не свалился. Впереди, в сотне шагов, на самом краю плечи, у одного из железных грибов, сидела, растопырив ноги, огромная стальная муха. Такая огромная, что размерами с бункером могла бы сравняться. Сидела и светила во все стороны глазами-огнями, лучи испускала. А возле гриба, по которому Ленивец иногда стучал, стоял то ли придурок, то ли еще кто. Шляпку железного гриба он поднял, светящееся нутро вывернул и в этом нутре копался. Ноги у него были белые, руки белые, туловище белое, а на голове словно огромный оживляж был надет – белый и матовый. И под руками, которые нутро гриба потрошили, искры мелькали и огонечки вспыхивали.

– Подманил-таки, подманил, – радостно прошипел Ленивец и потянул к себе ружье Куцего.

– Стой! – выдернул у него ружье Куцый. – Мое ружье! Где мертвяк-то? Муха – мертвяк? А то я кроме мухи только придурка какого-то вижу, а придурков убивать нельзя. Их нужно на минное поле заводить или в шутиху заманивать.

– Сам ты придурок! – прошипел Ленивец. – Это и есть мертвяк. Вон, в белом который.

– И его вы ели? – ужаснулся Куцый.

– Стреляй, Куцый! – заскулил Ленивец. – Стреляй в него, а то мы тебя съедем. Если Кудр узнает, что мы мертвяка упустили, он не мне, а тебе пятки деревянной ногой отстукивать будет!

Поморщился Куцый. Даже смотреть было больно, как Ленивцу пятки отстукивали, а уж на себе это испытать и вовсе не хотелось. К тому же не железными пятки у Куцего были, обычными. Еще матушка, когда он был маленьким, щупала его пятки, ладони, все тело пальцами проходила и причитала:

– Правильный мальчик-то какой, со всех сторон правильный! Лишь бы придурок из него не получился, а так-то совсем правильный!

«Как же может получиться придурок из человека, который и не придурок вовсе?» – подумал Куцый, поймал на мушку мертвяка в белом и медленно-медленно потянул на себя спусковой крючок, об одном думая – чтобы патрон не подвел. Ведь патрон-то – последний! Если подведет, и убится будет нечем. А деревянная нога у Кудра такая тяжелая, что лучше уж убится...

Выстрел громохнул так, что в ушах заложило. Мертвяк замер, захлопнул гриб и опрокинулся на спину. Завыло что-то, огни замелькали, зажужжало что-то высоко над головой.

– Пошли! – прохрипел Ленивец и полез на бруствер.

Трудно полез, – поддон-то у бункера остался, – но вылез.

Наверное, очень хотел вылезти. За ним и Куцый выбрался. С ружьем наперевес пристроился, в котором уже ни одного патрона не осталось.

– Медленно иди, – предупредил его Ленивец. – Когда охотишься на мертвяка, главное – все медленно делать, чтобы добычу не спугнуть.

– Так вот она, добыча, – ткнул перед собой ружьем Куцый.

– Нет, приятель, – поморщился Ленивец. – Ничего ты не понимаешь в добыче. Добыча еще только летит. А это мы с тобой приманку подстрелили. У мертвяков всегда так – половина охоты – приманку подстрелить, вторая половина – добыча. Добыча прилетает, когда приманка подстрелена. Но мертвяк очень умный, поэтому и попадает редко.

Они успели пройти шагов двадцать. Потом в воздухе что-то загудело, засвистело, рядом с одной мухой присела еще одна и тоже растопырила глаза-лучи. А потом из второй мухи высунулось жало размером с Ленивца и пукнуло. Выдавило из себя что-то блестящее и яркое. Взлетело это блестящее под уже светлеющим небом и осыпалось сухим и ярким дождем. Как градом застучало по низкой траве. А над дождем поплыли под желтыми пленками яркие светляки, да так, чтобы назначенную добычу Ленивец и Куцый точно не пропустили.

Куда только ленивость Ленивца делась? Как козленок поскакал к добыче и начал сгребать в кучу. Да разве такое сгребешь, если куча должна получиться чуть ли не с самого Ле-

нивца!

– Жри! – заорал Ленивец Куцему, поднимая с травы что-то блестящее, срывая с этого блестящего кожуру и отправляя темное ядрышко внутрь. – Жри! А то сейчас Кудр прискачет, светляков издалека видно. Много не съешь, но что съешь, все твое. А Кудр прискачет, и прощай мертвяк. Будешь получать по крошке, хотя тут надолго хватит, надолго!

Куцый наклонился, поднял с травы блестящую крупичу добычи. Пошевелил ее в пальцах, ошелушил от кожуры, потрогал коричневый кругляшек, поднес к носу, дуря от невозможного, чудесного запаха, и положил в рот. Куда там Станине! Сначала по языку потекла сладость, потом другая сладость, потом третья, потом что-то или ореховое или медовое, потом снова сладость, и все это вместе сделало Куцего счастливым. Пусть ненадолго, пусть только на языке, но – счастливым. Как же хорошо, что не стал он придурком, как же хорошо!

Куцый посмотрел на свое бесполезное ружье, отбросил его в сторону, обернулся, покачиваясь, к стальным мухам, и увидел, что из них вышли еще несколько мертвяков. Двое из них кладут упавшего мертвяка на странный топчан с ручками и заносят в одну из мух, а еще один мертвяк стоит у гриба и смотрит на Куцего, смотрит...

– Аааа! – разнесся со стороны сторожки вопль Кудра.

А затем и стук копыт Мякиша послышался. Мякиш очень быстрый. Мало кто может его обогнать...

2012 zod

Главный рубильник

Я невзлюбил Петра еще в институте. Мне науки давались трудно, а он щелкал зачеты как орешки. Еще и злился, когда его просили о помощи и при этом не могли понять «очевидных вещей». Он таким и остался у меня в памяти – вечно занятым, всегда непричесанным и раздраженным. Точнее я вообще забыл о нем. Да и почему я должен был его помнить? Из-за того, что он полгода был моим соседом по комнате? Сомневаюсь, что он сам помнил мое имя даже тогда. Петр лишь изредка выбирался из научных дебрей, чтобы с отсутствующим видом посидеть на наших вечеринках, и вновь скрывался в лабораториях и библиотеках. Никто из нас, занятых проматыванием собственной молодости, даже не пытался вникнуть в его увлечения. Впрочем, его характер этому и не способствовал.

– Мои способности – стечение обстоятельств, – как-то выдал он мне за завтраком. – Завидовать обстоятельствам – непродуктивно. Некоторым кажется, что мне все дается легко. Только эта легкость мнимая. Я тружусь не меньше вас, а больше. Все различие между нами, что я делаю это с пользой. Вы копаете ямы, а я выкапываю клады. Не хочешь копать? Бросай лопату и выращивай крылья. Но поверь мне, летать еще труднее, чем копать.

К счастью, моя нелюбовь к Петру не превратилась в нена-

висть. Тогда я ответил, что и крылья он тоже успел у меня перехватить. Потом понял его слова. Но я не хотел превращать возможный полет в работу. Я хотел дышать воздухом, не задумываясь о его химическом составе. Хотел надышаться до опьянения. Образно говоря, думал, что Петр препарирует лягушку, а я восхищаюсь ее кваканьем. На самом деле полной грудью дышал именно Петр. А я бросил институт, пошел в армию, загремел за Урал, получил двухстороннюю пневмонию в снежной тайге, едва не умер, комиссовался и с нашивкой участника региональных конфликтов устроился администратором в губернский драматический театр. Через семь лет утомительной суеты и полунищего существования получил однокомнатный блок в пластиковой десятиэтажке и именно там вновь столкнулся с Петром.

Я узнал его не сразу. Петр похудел, полысел, ссутулился, украсил тонкий нос очками в изящной титановой оправе, приобрел привычку говорить, опустив глаза в пол. Он так и стоял в углу лифта, пока я мучился, пытаюсь вспомнить, кого мне напоминает молчаливый сосед. Озарение наступило уже на улице. Петр кивнул на попыхивающие паром автомобили и знакомым голосом произнес:

– Некоторые считают, что человечество обречено. Оно уничтожает само себя. Бензиновые двигатели едва не изгадили атмосферу. Их сменили водородные. Каждая машина за год создает приличное облако безвредного пара. Мелочь вроде бы, но если умножить это облако на количество ма-

шин, можно предположить, что человечеству грозит всемирная сырость и повсеместная плесень. Ерунда. Какой-нибудь проснувшийся вулкан в состоянии принести человечеству больше хлопот, чем оно само себе за несколько лет. Где пластиковые острова мусора в океане? Переработаны и приносят пользу. Не все так плохо... Хотя... Впрочем, неважно.

– Петр? – с сомнением спросил я.

– Он самый. Как твои крылья?

– Не понял? – я отчего-то поежился.

– Ясно... – ударил он меня по ладони.

Петр стал заходить. Я то и дело мотался по уездным городишкам, где наш театр прокатывал однообразные патристические пьесы, поэтому встречи случались нечасто. Но постепенно я к нему привык. Петр всякий раз приносил настоящий кофе, который получал где-то по месту службы, и карманный локатор. Пока я варил кофе, он сканировал блок, затем садился за стол и включал телевизор.

– Нет у меня никаких жучков, – повторял я. – Кому я нужен? Полукалека, администратор патристического балагана. Чего ты боишься?

– Прогресса, – сухо отвечал Петр, прислушиваясь к очередной помпезной передаче о благополучии в осколке распавшейся империи. – Однажды он закатает нас в асфальт, поскольку человек из цели прогресса становится препятствием на его пути. Причем, на пути не настоящего прогресса.

са, а того, что нам выдают за него. Это все плохо кончится. Конечно, если что-то не переменится.

– Брось, – привычно раздражался я. – Кто выдает? Опять какая-нибудь закулиса? Тайное правительство? Даже если и так – это все мимолетность. Прогресс для человечества – как... обувь. Да, порой это воинские непромокаемые эрго-ботинки, но в них же можно просто ходить? К чему сбивать ноги? Зачем тратить время на... приготовление пищи? Ты думаешь, я сам не могу убраться в квартире? Могу. Но зачем расходовать на это жизнь, если есть пылесос-автомат?

– А если обувь перестанет слушаться владельца? – тянул из чашечки кофе Петр. – Или, скажем так, если ее сделают такой, что она захочет послушаться владельца? Если она самостоятельно примет решение кого-то пнуть, ударить по голове, пойти туда, куда ей хочется?

– Бунт машин? – я взглянул на экран, на котором экспериментальный робот-пехотинец зарывался в песок. – Маловероятно. У нас в театре есть бездарный спектакль, в котором действуют боевые роботы. Так вот в третьем акте наш доблестный президент легко их побеждает. Главное – знать, где находится главный рубильник.

– Это хорошо бы, – соглашался Петр. – Только где он, этот главный рубильник? И есть ли он? И хорошо ли он экранирован? И подведены ли к нему провода, если он есть? И что за тип держит на нем палец?

– Наш любимый президент, – язвил я. – И зачем в на-

ше время провода? Энергия в свободном доступе. Достаточно подобраться к зарядной станции и не отдаляться от нее слишком надолго.

– То-то и оно, – хмурился Петр.

Как-то в августе я вернулся домой вымотанным до предела. Театр путешествовал по южным степным станицам, играл, где придется, в лучшем случае под натянутой маскировочной сетью. Одежда пропахла потом, пылью и почему-то ружейной смазкой. Я свистнул Матильду и под ровное гудение механического помощника забылся в ванной. Очнулся от звонка. В прихожую ввалился Петр. Волосы его были растрепаны, на носу блестели капельки пота.

– Что случилось?

– Я уволился, – возбужденно прошептал Петр и затравленно оглянулся. – Слушай! У тебя пылесос с синтезом?

– С чем?

– С системой саморемонта? – поморщился Петр. – Гарантия есть?

– Пожизненная, но модель обычная. Пыль, влажная уборка, мелкий ремонт напольных покрытий.

– Одолжи на пару дней! – попросил Петр.

– Забирай, – буркнул я, расставаться с Матильдой не хотелось.

– Пошли, – Петр вытянул из крышки пылесоса поводок, потянул его за собой.

– Что значит «уволился»?

– После! – отмахнулся Петр.

Матильда вернулась сама. Точнее, я обнаружил ее через пару дней на площадке. Пылесос заурчал, перекатился через порог и забрался под кровать, скрывшись среди разного хлама, который скапливался у меня таинственным образом. Петр не появлялся месяц, пока однажды вечером я не столкнулся с ним в кафе у станции метро. Он немедленно покинул какую-то невзрачную компанию и, подсев, пьяно сообщил:

– А я все еще свободный человек. Да.

– Празднуешь?

– А то, – ухмыльнулся Петр. – Пусть теперь попробуют... без меня. Еще в ножки поклонятся, когда припечет. Без меня не обойдутся.

Он наклонился ко мне и довольно хихикнул:

– Ты умеешь хранить секреты?

– Нет, – предупредил я.

– Удобная позиция, – скривился Петр. – Впрочем, здесь все прослушивается. А пусть знают! Понимаешь, заменить человека на войне роботом конечно можно. Но зачем? У нас что, мало солдат?

– Чтобы люди не гибли? – предположил я, поглядывая по сторонам.

– Да? – поскреб затылок Петр. – Но с той стороны по-прежнему люди!

– Почему мы должны думать о той стороне? – вспомнил я, как, замерзая в снегу и зажимая рану на боку, ждал темноты, чтобы отползти с линии огня.

– А кто будет думать? – Петр замолчал, несколько секунд клевал носом, потом встрепенулся. – Знаешь, почему мы все, все люди, все двадцать миллиардов, что топчем эту землю, почему мы до сих пор не поубивали друг друга? Потому что мы не роботы. Поэтому, если ты создаешь механического убийцу и не хочешь стать жертвой, сделай его хоть немного человеком. Или собакой.

– Я не понимаю.

– Они тоже не понимают, – прошептал Петр. – Как там у вас в пьесе? Главный рубильник? Неужели ты думаешь, что они могут это понять? Они сами... без рубильника!

– Подожди, – мне хотелось уйти, но Петр вцепился в рукав железной хваткой. – Не понимаю. При чем тут собаки?

– Собаки? – Петр погрозил мне пальцем. – Ты видел, какие у них зубы? Как ты думаешь, почему они не перекусили человечество? Ведь мы... обращаемся с ними как с собаками!

– Петро! – дюжий детина взгромоздился за наш столик с полными кружками пива. – Ну, ты что? Ушел, понимаешь. А это кто вообще?

– Никто, – поспешил я представиться и устремился к выходу. Жизнь научила обходиться без ненужных знакомств. Еще бы она научила обходиться без опасных мыслей. О со-

баках, о рубильниках, о том, почему мы все еще не поубивали друг друга. Впрочем, как ответил один из отрицательных героев нашей последней пьесы на вопрос положительного героя: «Подсудимый, отчего вы не убили всех, кого собирались убить?» – «Дайте срок!».

Гости пришли вечером.

– Откройте, – послышался требовательный голос. – Мы знаем, что вы дома.

Пришлось открыть. Незвестные шагнули внутрь. Один последовал на кухню, другой поставил на пол тяжелый кейс.

– Вы были знакомы с Петром Сафроновым? – строго спросил он.

– Да, – я почувствовал неприятный холодок. – Учились когда-то вместе. Он мой сосед. Что-то случилось?

– Случилось, – кивнул чиновник. – Пару часов назад он был убит в пьяной драке. Тут недалеко.

– В самом деле? – мои колени дрогнули. – Не хотите ли вы сказать...

– Не хотим, – чиновник, не отрываясь, смотрел мне прямо в глаза. – Вы покинули кафе еще до драки. О чем говорили с Сафроновым?

– Ни о чем, – я натужно пожал плечами. – Это он... пытался поговорить со мной, но я... не люблю болтать.

– Это важно, – удовлетворенно кивнул мне чиновник. – Понимаете, Петр недавно потерял работу. Хорошую рабо-

ту! – неизвестный выговорил последние слова с нажимом. – Алкоголь еще никого не доводил до добра. Но талантливый человек даже пьяным остается талантливым. А уж если он пытается отомстить... Например, запустить неизлечимый вирус, который распространяется в пределах энергетических линий и нарушает управление техникой. А если это техника боевая?

– Вы о чем-то спрашиваете меня? – я вытер лоб. – Я понятия не имею, где Петр работал, чем занимался. И уж тем более, собирался ли он кому-то мстить. Я вообще инвалид и... гуманитарий.

– Хорошо, – чиновник брезгливо поморщился. – Скажите только одно, оставлял ли у вас Петр какие-либо устройства, механизмы, приборы? Вернул ли, если одалживал?

– Мы редко с ним виделись. Я всегда в разъездах.

– Понятно, – кивнул чиновник и щелкнул замками кейса. Едва он поднял крышку, как комната наполнилась еле слышным гудением. Чиновник выпрямился, а из кейса показалось странное существо. Больше всего оно напоминало механического паука. Приподняв на членистых ногах ребристое тело, существо принялось осматривать комнату.

– Чисто, – сказал вернувшийся из кухни второй чиновник.

– Что у вас под кроватью? – напряженно спросил первый.

– Обычный пылесос, – я шагнул вперед и тут же получил удар в живот. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, но в шок меня повергло другое. Не успел механический паук втя-

нуть конечность, как из-под кровати вылетела Матильда и бросилась на обидчика! Она сбила паука с ног и с силой приложила о стену. Дальнейшее заставило меня забыть о боли. Паук обхватил Матильду лапами, а мой пылесос продолжал метаться по комнате, стараясь бить о стены именно роботом. Секунду чиновники стояли в оцепенении, затем вытащили пистолеты и принялись жечь лазерами пол, стараясь попасть в урчащий пылесос. Наконец им это удалось.

– Думаю, что это последний, – зло бросил один из чиновников. – Самый бойкий... Сволочь, робота повредил! Эх, Петя, Петя. Идиот!

Второй подошел ко мне, помог подняться.

– Я смотрел ваш послужной список, – сказал строго. – Честная служба, участие в боях, ранение, благодарственные письма...

– Что это за... паук? – боль вернулась, перехватила дыхание. – И что с моим пылесосом? Петр просил его на пару дней, чтобы убрать...

– С пылесосом вам придется проститься, – откликнулся первый, с трудом поднимая с пола дымящиеся останки Матильды. – Это ведь лучше, чем проститься... со всем остальным? Вы понимаете?

– Конечно, конечно! – я поторопился уверить их в своей понятливости.

– Вот и отлично, – холодно улыбнулся второй. – Держите язык за зубами. Прощайте, при необходимости мы с вами

связаемся.

Ночью я услышал еле слышное позвякивание. Откинул матрас, отодвинул кровать в сторону. Источник звука обнаружился под жестяным тазом. Это были пять маленьких пылесосов, с два кулака каждый. Они отличались друг от друга, но каждый напоминал Матильду. Едва я освободил их, как они выставили энергоулавливатели и поползли в разные стороны, изгибая хоботочки и старательно убирая комнату. Когда порядок был восстановлен, все пятеро подобрались ко мне, уткнулись сенсорами в босые ноги и замерли.

Утром я решил прогуляться пешком. Перешел автостраду, пробрался сквозь бурьян к заброшенной свалке. Поблизости гудела зарядная станция, ветер теребил обрывки полиэтилена, пахло жженой изоляцией и окислившимися батареями. Я открыл сумку и вытряхнул в крапиву всех пятерых. Пылесосы выжидательно подняли сенсоры.

– Вот, – отчего-то я чувствовал неловкость. – Так надо.

Отойдя на пять шагов, я обернулся. Пылесосы ползли следом.

2005 год

Толкование

Старичок «Быстрый», казалось, трещал по швам. Во всяком случае, его обветшавшие потроха – двери шкафов, воздуховоды, вентиляционные решетки, рукояти огнетушителей, гравитационные панели, перегородки и лестницы – дребезжали, звякали и скрипели на стыках. Пытаясь перебороть вонь хлорки из уборной, климат-контроль накачивал узкий коридор припланетника запахом горелой изоляции. Освещение моргало, вода в кране отдавала ржавчиной, холодильник рычал как реактивный заплечник. На самом деле катерок космонадзора пока что разваливаться не собирался, сержант Ардан загодя облазил его от рубки до дюз, кое-что перебрал, кое-где подлатал, то, что рассыпалось в труху – заменил, потратив на все про все десяток баллонов композита, но внутреннюю вибрацию убрать не смог.

– Возраст, – развел руками Ардан после ремонта. – Это же как с человеком. Трясет – лечись весь. В комплексе. А вылечишь что-то одно; руку или ногу, жди – как раз она и отвалится в первую очередь. Да и куда нам летать? Мы ведь ненадолго в этой дыре?

– Ненадолго, – полгода назад с досадой буркнул Стамб, предполагая, что скорее выйдет в отставку, чем выкарабкается вместе с крохотным отрядом спецназа из проклятого угла вселенной, но вперевалочку, не торопясь, под пиво и

отвратительную акустику в местном баре сам не заметил, как спустил в унитаз шесть месяцев жизни, и вот уже он правит «Быстрого» к точке разрешения всех личных проблем и даже покрикивает на старшего помощника.

– Рудж, хватит скалиться. Ты проверил боезапас? Я и без тебя знаю, что он нам не должен пригодиться, ты его проверил? Проверь. Вот ведь... полгода ждать и готовиться, чтобы все через суету и спешку... И посмотри заодно, что делает этот свалившийся на нашу голову аналитик. Если я еще раз увижу, что он сует нос, куда не надо, не поздоровится вам обоим. Его место или в кубрике, или в рубке, или в сортире. И лучше, чтоб я его видел. Нет, в сортире будешь следить за ним сам. Ардан. Вытащи губную гармошку изо рта. И капсули из ушей. Я помню, что ты не на вахте. Какого черта ты здесь торчишь? До точки еще четыре часа. Не видишь, что я вполне справляюсь с твоей посудиной? Иди спать, с красными глазами явился на борт. Кама?

– Что?

Вот ведь девка, всего только и сделала, что повернулась, а от изгиба затянутого в серую форму бедра, загудело в затылке. Что же он хотел у нее спросить?

– И еще, Рудж, у меня все еще хороший слух и я не взбеленился. Боезапас проверяй!

– Ты назвал мое имя.

Кама слепила глаза не хуже диска Виласа, который уже отдалялся, но все еще перегораживал половину обзорной па-

норамы. Впрочем, какая могла быть панорама в тесной рубке припланетного катерка? Три на полтора метра исцарапанного стекла, да и те экраном. Но Кама... Пора уже было Стамбу признаться, хотя бы самому себе признаться, что последние полгода были не самым гнусным периодом его довольно долгой жизни. Давно ли он вот так искренне радовался каждому новому дню? Ведь спешил на службу только для того, чтобы вновь увидеть присланную из центра девчонку. Отшивал от нее ухлестывающих кавалеров, которые словно выныривали из вентиляционных патрубков. Дарил какие-то милые безделушки. Что? Вновь захотел ощутить ветер молодости? Не поздновато ли? А почему бы и нет? Да, с женой лейтенант расстался давно и уже отнес себя к категории окончательных холостяков, но плох тот командир, которые не может поменять направление атаки. На то они и вводные, чтобы реагировать на них адекватно...

– Ты это... – Стамб в растерянности замычал.

– Я ничего не путаю – разговорчивость молчуна-лейтенанта первая примета серьезной заварушки? – с усмешкой сдвинула тонкие брови Кама. – Меня тоже куда-нибудь отправишь? В кубрик? А не боишься, что аналитик пристанет?

Сержант Рудж излишне громко хмыкнул, пригладил короткие седые волосы, щелкнул каблуками, подмигнул Каме и, миновав под испепеляющим взглядом лейтенанта два ряда обшарпанных пилотских кресел, скрылся за овальной дверью – крохотный арсенал располагался сразу за кубриком.

Сержант Ардан повторил жест старпома и с сожалением пожал плечами – ему приглаживать было нечего, голова блестела как ледяной планетоид. Зато, как любил повторять техник крохотного отряда, и выдирать из головы также было нечего. Ничего, отвечал ему лейтенант, грамотная жена всегда найдет, за что ухватиться, главное, чтобы не оторвала ничего. Чаще всего Ардан парировал оптимистической присказкой: «а как оторвет, так и бросит», но иногда позволял себе и спросить командира, из-за какой утраченной несуразности оставила Стамба его бывшая? Через четыре часа именно Ардану не будет цены, никто лучше него не управлял катерком в ручном режиме, а на точке на автоматику рассчитывать не приходилось.

Стамб вытянул из ворота сканер, процедил диапазон, поймал мелодию, которую слушал, подыгрывая себе на губной гармошке, техник-пилот. Все как обычно. Старомодные духовые и хриплый голос неизвестного певца.

– Что там? – спросила Кама.

– Старье, – поморщился Стамб, записывая на всякий случай темку. – Что-то о жизни в розовом цвете¹. Или о цветах. Устаревший диалект. Но неплохо. У лысого нюх на хорошую музыку.

– Нервничаешь?

Она смотрела на лейтенанта насмешливо. Так, словно давно догадалась, что он уже полгода собирается подобрать к

¹ La vie en rose – Louis Armstrong

ней ключик, но по мужской нужде всякий раз отправляется в ближайший бар и за толику кредиток снимает сговорчивую девчонку. Наверное, старый служака из космонадзора так и должен был поступать? А матерый волк из спецназа? Впрочем, кто ее знает, о чем она думала? Стамб десять лет прожил с бывшей женой, но так ни разу и не угадал ее мыслей, хотя та почему-то числила эту способность в ряду его необходимых качеств.

– Успокойся, – Кама стала серьезной в мгновение. – Залп был, ответный залп тоже имел место. Разбежка чуть меньше расчетной, но в пределах допустимой. Я тоже видела данные. Проверила расчеты. На этом наша секретная миссия должна закончиться. Скоро на базу, к нормальной технике, к нормальной жизни. К нормальной форменной одежде, кстати, надоела эта космонадзорная серость. Зафиксируем все, что нужно, и забудем и об этом захолюстье, и об этом корыте.

– И друг о друге? – удивляясь сам себе, брякнул Стамб.

– А было что вспоминать? – подняла брови Кама и тут же подмигнула Стамбу. – Ладно, лейтенант. Дел осталось на один день. Тем более, думаю, фиксировать ничего не придется. Разве только увеличившийся кратер, да пылевой смерч. Ведь батареи больше нет? Не должно быть. Хотя возмущения мне кажутся недостаточными. Крейсер должен был бы громыхнуть сильнее. Но если перед этим он подрастратил арсенал... Я представляю, что там сейчас творится. У нашей развалины радиационная защита хоть в порядке?

– Послушай, – Стамб замялся, опять он не знал о чем говорить с девчонкой. – Зачем тебя прислали? Мы прекрасно работали в тройке. Тот же Ардан – техник, каких поискать. Зачем мне еще техник? Тем более что мы не ремонтом занимаемся, а зачисткой.

– Я знаю, чем мы занимаемся, – скривила губы Кама. – Но техник технику рознь.

Четвертая батарея была обречена. На секретных военных картах федерации она помаргивала не на спутнике Виласа Удайе, а в поясе астероидов, в полумиллиарде миль за орбитой планеты, но Стамб, как и еще не более десятка специальных военных чинов, точно знал, где топорщились жерла излучателей антивещества. По официальному адресу сверкала защитными колпаками обманка. Четвертая батарея ждала своего часа под личиной законсервированной автономной навигационной станции. Станции врага, станции аньятов. Она ждала своего часа и, похоже, дождалась. Вероятно, крейсер аньятов вышел из нуля именно возле Удайи. Где бы еще ему было выйти? В планетарной системе без навигационной привязки особо не развернешься. А не появиться возле ныне безжизненной, но родной планеты аньяты не могли. Выходцы с Виласа славились склонностью к сантиментам и приверженностью собственному малопонятному кодексу чести. Это их в итоге и погубило. Так что рано или поздно крейсер должен был явить свои контуры вблизи Удайи, а уж

остальное возлагалось на технику. И судя по тому, что батарея произвела залп, техника не подвела. Защититься от точно наведенного залпа стационарной батареи было невозможно, все, что могли предпринять системы защиты крейсера, за мгновение до собственной гибели произвести ответный залп, что они, судя по всему, и сделали, вот только батарее это почему-то не повредило. Стамб ощущал это всей своей не единожды порченной шкурой. Чувствовал по дрожи, которая пронизывала его сухие руки, как бы она ни маскировалась под вибрацию «Быстрого». Да и по несвойственной себе болтливости тоже. А вот Кама пока этого не знала, пусть даже обычно она умудрялась знать больше, чем ей было положено. И вряд ли чувствовала.

Девчонка-техник вообще порой казалась Стамбу бесчувственной. Слишком расчетливой и холодной так уж точно. Вооруженной знаниями и умениями, подтянутой, ловкой, точной, но чересчур выдержанной. Или же просто не нашлось пока детонатора, который смог бы запустить ее в небо, как осветительную ракету? А сам-то Стамб годился еще на роль детонатора? Или был способен только с тоской думать о нерожденных детях и вспоминать, когда был последний раз в гостях у единственного племянника? У каждого своя судьба. Его ли судьба – Кама? И что он нашел в ней? Да, красива, но он-то ведь и не юнец, и не красавец, и не богач? Нет, пора остепениться. Детонатор... Кому он теперь вооб-

ще нужен? Рудж, к примеру, предпочитал завести долговременное знакомство с какой-нибудь покладистой вдовушкой, что позволяло ему вовсе обойтись без детонатора. Ардан, не отличаясь особой верностью жене, исповедовал несокрушимый принцип – на службе – ни-ни. Да и какой из Ардана был детонатор? Музыкант и выпивоха – да. Вот Винл, судя по его личному делу, на роль детонатора годился. К счастью, он не был знаком с Камой. Именно командир батареи Винл, который вместе с сотнями тонн металла, изрядным куском Удаи и тремя сослуживцами должен был обратиться в пыль, через час после атаки сквозь треск помех сбросил на личную линию Стамба короткое сообщение – «Живы». Лейтенант немедленно связался с командующим и объявил общий сбор. Через пять минут вся его команда была на борту, а еще через пятнадцать минут скромный кораблик космонадзора, пришвартованный с обратной стороны Виласа к захудалой орбитальной станции, имеющей кроме него на палубах пару сотен ошалевших туристов, две гостиницы и три бара, взял курс к Удае.

«Чего ты хотел, старый перец? – спросил сам себя Стамб, когда «Быстрый» разжал магнитные захваты и оттолкнулся от пирса орбиталки струями раскаленного газа. – Настоящей работы? Вот она. Окончания дозора? Он почти завершился».

Оставалось поставить жирную точку. И сделать это предстояло именно Стамбу. Никакого другого начальства побли-

зости не наблюдалось. Сектор был пуст, по-настоящему пуст, иначе не удалось бы выманить к Виласу крейсер, и так полгода пришлось ждать. Туристов, жаждущих полюбоваться уничтоженной планетой главного врага человечества, доставляли на станцию пару раз в месяц исключительно на старомодных пассажирских лайнерах, путевки в разоренное аньятское захолустье сбывали за гроши, в барах на станции дешевого спиртного было хоть залейся. Все должно было выглядеть естественно. Даже катерок команды Стамба не только выглядел подлинным, но и был таковым – без бортового вооружения из числа списанных планетарных тихоходов – настоящих ветеранов космонадзора. Операция не должна была провалиться. Лазутчики аньятов по убеждению разведки федерации могли оказаться где угодно. Так что подводить итог последней схватки с единственным серьезным врагом человечества предстояло именно лейтенанту, а так же вот этой самонадеянной черноволосой девчонке, двум проверенным сержантам и военному аналитику с идиотским именем Рипух, который был омерзителен всеми своими чертами и свойствами, начиная с нестираемой со старческого лица кривой усмешки и заканчивая постоянным судорожным подергиванием рук и ног. Что ж, таким был приказ командующего. Если бы тот захотел, чтобы Стамб потащил с собой на Удаю всех барменов станции, сейчас бы все они сидели в кубрике. Хорошо хоть полномочиями не пришлось делиться, Стамб оставался старшим отряда. И все-таки в профес-

сионализме тайному резиденту лейтенант отказать не смог бы. Не будь приказа командующего, Стамб так бы и не догадался, что барменом в худшем из трех баров орбиталки служит порученец генерального штаба.

– Ты чего-то не договариваешь, – поняла Кама.

– Батарея уцелела, – процедил сквозь зубы Стамб. – Или же уцелел кто-то из ребят, хотя у них не было даже захудалого космолета. Вездехода, и того не было! Я получил сообщение. Через час после залпов. Наверное, с зонда.

– Это нарушение инструкции, – заметила Кама.

– Значит, у них были основания ее нарушить, – проговорил Стамб. – Конечно, если они не отстрелили зонд еще до залпа.

– А вот это потянуло бы уже на срыв операции, – скрестила руки на груди Кама.

– Но зачем? – словно не услышал ее Стамб. – Предсмертная шутка? Да и как они могли предугадать, что крейсер аняэтов появится именно теперь? Запрограммировали зонд на эфирное возмущение? Слишком сложно. Нет, Кама. Батарея уцелела. Думаю, что уцелела. Впрочем, скоро увидим.

После залпов во всех спектрах творилось сущее непотребство, на орбитальной станции и то вылетели все гражданские коммуникаторы, но зонд с надежным защищенным передатчиком у ребят был. И это значило, что операция пошла не так, как должна была пойти. Выходит, ответный залп крейсера не достиг цели? Да черт с ним, дошел бы до цели залп

батареи! Или это и в самом деле изощренная шутка? Винл-весельчак в своем репертуаре? Ведь мог что-нибудь похожее отмочить, мог.

Кама снова сдвинула брови, облизала верхнюю губу, на которой выступила бисеринка пота, сказала твердо:

– Крейсер не мог промахнуться. В последнем бою, за мгновение до того, как уйти в ноль, он уничтожил одним залпом сразу три линкора. В армии федерации нет ни одного корабля, сравнимого по мощности с главным кораблем аньятов.

– Ты видела тот бой? – удивился Стамб.

– Видела, – она поправила прядь черных волос. – Из рубки одного из линкоров.

– Но ведь в том бою все наши погибли, – не понял Стамб. – Да и столько лет уже прошло...

– Смирись с фактом, что погибли не все, – фыркнула Кама. – Или считай меня призраком. Хорошо сохранившимся призраком. Впрочем, не забивай голову чепухой. Я не призрак – серьезное ранение, криоген, центральный госпиталь, и вот я под твоим началом. Что было в сообщении?

– Одно слово, – растерянно пробормотал Стамб, в личном деле Камы явно имелись белые пятна. – «Живы».

– Значит, живы, – уверенно кивнула Кама. – Если бы Винл оставлял посмертную записку, написал бы какую-нибудь гадость.

– Ты знаешь Винла? – второй раз удивился Стамб.

– Я очень хороший техник, – заметила Кама. – К тому же иногда изучаю личные файлы сотрудников.

– Не очень хорошо знаю, какой ты техник, но допуск у тебя очень хороший, – задумался Стамб и тут же поморщился, вспомнив, что можно было извлечь из его собственного файла.

Через четыре часа Ардан взял управление «Быстрым» на себя. Команда заняла кресла у него за спиной. Искусственную гравитацию пришлось отключить, что немедленно вызвало у Стамба позывы к тошноте. Серый шар Удаи, висевший над горизонтом Виласа, занял весь экран, но путь на этом не заканчивался – батарея находилась на обратной стороне спутника. Правда, когда проспавшийся сержант засверкал лысиной над пультом управления, Стамб уже мог разглядеть огромное облако дыма и пыли, обращающее яблоко спутника в грушу, и магнитные сполохи на всю высоту его азотной атмосферы. Навигатор катерка заморгал огнями и работать отказался. По экрану побежали зигзаги и пятна. Ардан потянулся за видеошлемом. Почти сразу перегрузка вдавила отряд в кресла. Действительно, управлять в таких условиях тихоходом можно было только вручную.

– Похоже, что ты прав, лейтенант, – заметила Кама, которая сидела в кресле так, словно не чувствовала сминающей плечи, перебивающей дыхание силы. – Взрыв произошел за пределами атмосферы, ни гриба, ни пылевого возмущения

внутри нее я не вижу. Так, короткие языки. То есть, уничтожен только крейсер? Неужели наши ребята и в самом деле живы? Куда же в таком случае был направлен ответный залп?

– А разве у аьятгов были враги кроме нас? – закашлялся смешком в дальнем кресле Рипух, который после короткого инструктажа Стамба не переставал улыбаться. – В кого еще мог быть направлен залп? А может, батарея уничтожила и не аьятгов вовсе?

– Разве у людей имеются другие враги? – обернулась к старику Кама.

– У людей? – с интересом переспросил Рипух и тут же пробормотал, почесав обвисший нос. – У людей всегда есть враги. А если врагов нет, они сами себе становятся врагами. Впрочем, мы всегда сами себе враги. Разве не так?

Стамб задумался. Других врагов кроме аьятгов не было. Иные здравствующие цивилизации вообще не были известны. По крайней мере, они не были обнаружены в известной части космоса. А теперь не стало и аьятгов.

С непонятной тоской Стамб взглянул на панораму, вновь покосился на Рипуха. Седой, сутулый аналитик тоже боролся с тошнотой. Поймав взгляд лейтенанта, он вздохнул, пугаясь в сером балахоне, пожал плечами и бросил в рот пластинку тоника. Станным образом этот жест почти примирил лейтенанта с навязанным попутчиком.

Ардан постепенно уменьшил скорость катерка и, медленно снижая высоту, вошел в атмосферу Удайи. Звезды над

«Быстрым» заволокла мгла, насколько можно было различить в мельтешении теней и полос на экране, под катерком потянулась серая пустыня, перемежаемая покрытыми инеем углекислоты кратерами и украшенная разноцветными вихрями электромагнитного сияния. Иллюминация производила впечатление – ленты радуг сжимались складками и рассыпались цветными иглами, паутина ослепительно белых линий тянулась из стратосферы Удаи к ее поверхности. Ни одной планетке ни принес бы пользы подрыв близ ее атмосферы огромного космического крейсера, но Удае нечего было опасаться. Она всегда была мертвым небесным телом, собственно, как был мертвым с начала войны с аньятами и Вилас, хотя на спутнике некогда зеленой, а теперь кроваво-красной планеты могли обустроиться и аньяты, и люди. Но люди об этом еще не задумывались, а аньяты много лет назад, задолго до первого столкновения с человечеством, задумались о другом. Они превратили Удаю в огромное кладбище. Надгробья и мемориалы занимали тысячи квадратных миль на лицевой стороне спутника. Так что крейсер аньятов успокоился там, где ему и следовало. Одно не совпадало, обратной стороной спутник не обращался к Виласу никогда.

– Так и будет висеть туча над головой? – с досадой пробормотал Рипух. – Или осыплется? Это же останки крейсера?

– Прольется дождем, – весело пообещал Рудж.

Батарей и в самом деле оказалась почти цела. Торчала четырьмя черными матовыми куполами со дна старого кратера, раскинув лепестки раздробленных взрывной волной светопоглотителей по его гребню. Искрилась разрядами с навигационной, скрученной узлами вышки. Тянула от купола к куполу серые вены переходов. Внешне строения казались неповрежденными, разве только крыша расположенного в отдалении реакторного отсека была сорвана. Точнее, выжжена и оплавлена, и между изуродованных стен виднелись замаскированные под корпуса реакторов, теперь уже просевшие, оплывшие излучатели, почерневшие магнитные ловушки и покореженные механизмы наведения. Конечно, какое уж там охлаждение, на один залп были рассчитаны устройства. Ручная работа, полтора года усилий всей четверки – Винла, Пашчима, Уттары и Савьи. Уж никак не меньше полной посмертной страховки получили ребята за это задание, и еще не меньше должны были бы получить их семьи, если бы четверке пришлось отдать собственные жизни в последней схватке с аньятами. Впрочем, семьи были не у всех. Что же теперь, сгорела посмертная премия?

– Непонятно, – заметил Стамб. – Судя по пылевому облаку, крейсер был уничтожен за пределами атмосферы Удаи. Вышка, поглотители... Откуда взялась взрывная волна?

– А ведь маловато облако для останков крейсера, – задумалась Кама. – Надо произвести замеры, конечно...

– Это что? – спросил Рудж, протягивая вперед руку.

Перебив один из переходов, ведущих к южному шлюзу, да и повредив сам шлюз, за двумя дальними куполами сияла серебром слегка покореженная полусфера.

– Не знаю, – напряженно проговорил Стамб. – Вполне возможно, что у крейсера анятятов было сопровождение. Хотя, такого кораблика я не припомню. Или это часть корабля? Какой-то внутренний отсек? Мало ли?

– Шанс, что после залпа батареи от крейсера мог остаться хотя бы отсек – минимален, – сказала Кама. – А уж вариант, чтобы целый отсек упал бы точно возле батареи, исключен. Если только он не был доставлен сюда управляемо. Но если это отсек анятятов...

– Но если это отсек анятятов, – Стамб почувствовал, что тошнота улетучилась, окинул взглядом разом напрягшуюся команду, – да еще кто-то из них выжил до приземления, то Винл был очень самонадеян, сообщая о живучести отряда. В рукопашном бою с анятятами не справиться. Нужен четырехкратный перевес. Как минимум. И хорошее оружие.

– Судя по личному делу, Винл был очень неплох, – заметила Кама. – Немного спесив, тщеславен, но работоспособен, умен, быстр и силен.

– Так был или есть? – переспросил Рудж.

– Увидим, – ответила Кама.

– Анятяты всегда превосходили людей, – напомнил Стамб. – Даже самых быстрых и сильных из нас.

– Это анятятов и погубило, – хмыкнул Рипух. – В том чис-

ле это. Опасно превосходить людей. Я бы даже сказал – не полезно.

– Однако, я не вижу следов боевых действий, – подал голос Ардан, удерживая катерок над гребнем и стягивая видеошлем. – Смотрите-ка, а возмущения над станцией минимальны. Хотя, связи все равно нет. И уровень радиации зашкаливает. Особенно у реакторного и у этой сферы. Кстати! Я не понял, как будем передавать сообщения в штаб?

– Рано еще передавать сообщения, – покачал головой Стамб. – Да и незачем спешить. Думаю, что часа через два-три линкоры федерации тоже будут здесь. Так что у нас есть время заслужить порцию поощрений или взысканий, но его не слишком много. Рудж. Раздай оружие. Работать придется внутри, надеюсь, что обойдемся воздушными масками. Ардан, давай к северному шлюзу. Да, подальше от этой сферы. Разберемся сначала с нашей четверткой.

– Лейтенант, – аналитик шевельнулся в выделенном ему кресле. – А мне тоже дадут оружие?

– А у тебя его нет? – поинтересовался Стамб. – Под твоим балахоном можно было бы укрыть и пушку.

– А может она у него и есть? – прыснул Ардан.

– Я не кадровый разведчик, – растянул в улыбке старческие губы Рипух. – Так что оно мне не нужно. Да и я тут и не для того, чтобы открывать стрельбу.

– А для чего? – прищурился Стамб.

– Смотреть и запоминать, – еще шире улыбнулся недав-

ний бармен. – Разведывать. Потом оформлять отчет.

– Донос, – уточнила Кама.

– Тоже работа, – кивнул Стамб и, чертыхаясь, прикрыл рот ладонью – Ардан бросил «Быстрого» вниз.

– Лихач, – понимающе щелкнул пальцами аналитик. – Молодой пока.

Наладить связь с командой не удалось, но шлюз выглядел исправным. Ардан опустил «Быстрого» в десяти шагах от раструба. Еще скрипели, выворачиваясь в штатное положение, маневровые дюзы, а рукав шлюза уже пополз к борту катерка, нащупал люк и принялся нагнетать давление в образовавшемся переходе. Хотя, что там было нагнетать, атмосферное давление, как и притяжение Удайи, было вполне приемлемым для человека, кислород вот только отсутствовал. Если бы не боязнь обморозиться или поймать дозу облучения, можно было вообще обходиться без скафандра, хватило бы и кислородной маски. А вот Вилас – родная планета аньятов – притягивала к себе человека в четыре раза сильнее, чем это делала далекая Земля. Оттого аньяты и поражали выносливостью и силой. Но не это было самым страшным. Самым страшным было то, что внешне они ничем не отличались от людей.

– Вот черт! – прошептал Ардан.

– Что такое? – не понял Стамб.

– Показалось, – Ардан потер глаза. – Показалось, будто

на гребне стоял человек. В чем-то развевающимся, ну вроде одежды из листьев или канатов. Доля секунды, и нет его.

– Ну, дорогой мой, – Кама постучала пальцем по личному анализатору, – судя по уровню фона за бортом, секунды как раз достаточно, чтобы всякий человечек сварился заживо. Я уж не говорю, что и морозец за бортом крепкий.

– То есть в самый раз свариться, свалиться и разбиться? – расплылся в улыбке Рудж.

– Да ну тебя, – скривился Ардан. – Давай сходим, вдруг там следы?

– Босых ног? – со смехом переспросил Рудж.

– Вроде босых, – задумался под хохот старпома Ардан. – Не разглядел.

– Брось, – Стамб приладил на пояс разрядник, поправил на груди абордажный привод, снаряженный кумулятивными разрядами, прицепил на лоб видеорегистратор с катушкой волокна. – А то ведь буду по утрам проверять тебя на порошок и на травку. Остаешься в корабле.

– Есть, – с досадой выудил из чехла гармошку сержант.

– Смотреть и слушать, – предупредил его лейтенант. – Увидишь дикарей за бортом, не впускай внутрь. Вдруг окажутся людоедами? И сам будь готов, могу вызвать на помощь. Если связь оборвется – действуй по инструкции.

– Но не выключай голову, – усмехнулась Кама и, спрятав лицо в маску, сняла разрядник с предохранителя.

– Ты тоже, – буркнул Стамб уже в переговорное устрой-

ство и посмотрел на Руджа, который, поправляя на груди броник. – Вперед, парень.

Вход в шлюз открылся штатно. Диафрагма металлопластика расползлась лепестками в стороны, первым, согнувшись и выставив импульсник, в бледно освещенный тамбур шагнул Рудж, за ним последовали остальные. Лепестки сомкнулись за спиной Стамба. Лоб обдало холодом. Лейтенант зацепил начало волокна за крючок универсального разъема, отодвинул в сторону ссутулившегося Рипуха, ударил каблучком по утопленному в пол монорельсу, бросил через плечо Каме:

– Схема обычная, но ты идешь последней, я вторым, сразу за Руджем. Если аналитик будет делать глупости, можешь угостить его прикладом между лопаток.

– Зачем же? – кашлянул Рипух, напоминающий в маске с фильтром болотную птицу. – Старика и прикладом? Только словом и лаской.

– Лучше прикладом со спины, чем пулей или лучом в лицо, а ласка тут и без тебя в недодаче, – отрезал Стамб и связался с кораблем. – Ардан, все видишь?

– Нормально, – раздался в ушах голос пилота. – Конечно, если аналитик не будет загораживать обзор. А если будет, пусть сутулится сильнее. Кстати, у вас там, конечно, прохладненько, но воздух, судя по анализаторам, вполне пригоден для дыхания. И фон внутри умеренный. Командир, ты

там о какой пуле или луче говорил? Есть повод?

– Повода ждать не будем, – оборвал пилота Стамб. – Если вызову, без оружия из корабля не выходить, выход кодировать. Присматривай за внешним периметром и держи готовность к взлету. И забудь пока о музыке. Понял?

– Да в чем проблема? – удивился Ардан. – Мало ли что мне могло почудиться? Тени сложились...

– Засвербело что-то, – объяснил Стамб, подходя к воротам, перегораживающие два рукава коридора. На правых заваренные прочным швом створки были покрыты синеватыми размазанными звездами. Посиневший металл застыл пузырями.

– Теплые, – приложил ладонь к воротам Рудж. – Не так давно стреляли. Какого черта? Это законсервированный проход в производственный купол. Тут везде заблокированы дублирующие тоннели. Заблокированы и засыпаны породой. Точно, – старпом приложил к металлу сканер. – А левые ворота ведут к складу.

– Странно, – пробормотала Кама. – Очень странно. У них ведь нет импульсников такой мощности?

– Да что там? – воскликнул в переговорнике Ардан.

– Пока ничего, – нахмурился лейтенант, в свою очередь прикладывая ладонь к воротам. – Ты, музыкант, не дергай нас зря. Теперь только дело, любопытство отложим. Подавай голос, если мы сами что-то проглядим.

– Понял, командир, – согласился Ардан.

– Молодец, – кивнул Стамб и окинул пристальным взглядом отряд. – Мощные импульсники у них теперь есть. Хотя бы один – точно.

– У кого это – у них? – спросил Рудж.

– Увидим, – успокоил сержанта Стамб. – Но это оружие у них недавно. Его испытывали. Видишь, отметины разной яркости? Регулировали мощность. Такие ворота импульсником не взять, но они и не пытались. Это был всего лишь тест.

– Но почему здесь? – не понял Рудж.

– Это же плоскость, которая не является наружной стеной, – объяснил Рипух. – К тому же не пластик, а хорошая сталь. Что стены коридоров, что стены шлюзовой, я уж не говорю о стыковочном рукаве, прожгло бы насквозь. Я знакомился с описанием навигационных станций анятов.

– Точно так, – кивнул Стамб, пригляделся к датчикам на левых воротах и нажал на рычаг. – В переходе никого нет. Но двойная осторожность не отменяется. Движемся в том же порядке. Через сорок ярдов внутренний шлюз, за ним складской отсек. Здесь прохладно, зато там будет почти тепло.

– Лишь бы не горячо, – добавил Рудж.

– Кто бы беспокоился, – пробормотал под нос Стамб. – Да, маски можно снять. Но держать их наготове.

Рудж мог заткнуть за пояс любого. Стамб был в этом уверен, приходилось наблюдать, как седой сержант обезоруживает нескольких преступников, как безошибочно отстрели-

вает в толпе террористов. Стамб и сам был не промах, особенно лет пятнадцать-двадцать назад, но никогда не достигал той резвости, которую демонстрировал его подопечный. Если бы еще сержант столь же резво соотносил между собой получаемые команды, да делал правильные выводы, давно бы уже перещеголял в звании и самого Стамба, и кое-кого из штаба. Впрочем, неизвестно еще, что приобрел бы в лице Руджа штаб, а тройка или уже четвертка Стамба потеряла бы многое. Хотя, Кама тоже не производила впечатления робкой девчонки. Может быть, стоило сначала проверить ее в деле, прежде чем строить на красавицу какие-то планы?

Двери складского отсека были заблокированы изнутри. Пока Стамб подключал волокно к бортовой сети, Кама обследовала преграду. Неплохо подготовилась девчонка, приборчик, который она приложила к дверным лепесткам, лейтенант уж точно видел впервые.

– Что там? – спросил Ардана Стамб, когда разъем принял конец волокна.

– Все отлично, – раздался смешок техника. – Не волнуйся, командир, дикарей больше не вижу. Но внутренняя сеть станции частично повреждена. Может быть, заблокирована. Команда на вызовы не отвечает, картинки нет. Но трансляция с твоего регистратора пойдет. На прием я сработаю, да и голос мой ты тоже услышишь.

– Этого пока достаточно, – кивнул лейтенант. – Кама, что там?

– Почти ничего, – она убрала приборчик. – Заражения нет, все стерильно. Фон в порядке. Дверь я открою, но с той стороны один человек. Вооружен.

– Это я, – раздался из-за двери приглушенный женский голос. – Савья. Стамб, это ты? Я открываю.

Как и Вилна с Пашчимом, Стамб помнил девчонку еще по спецшколе, где преподавал пару лет оперативную тактику. За прошедшие годы с ее щек сползла юношеская припухлость, но очарование не уменьшилось по той простой причине, что его и не было никогда. Более всего Савья напоминала крепкого сухощавого парня, короткая светлая стрижка, высокие скулы и небольшая грудь словно намеренно подчеркивали это сходство. Хотя, судя по воспоминаниям лейтенанта, девчонка была именно девчонкой и от внимания парней не увиливала. Было у нее что-то завораживающее в глазах. Теперь ее глаза сверкали огнем. Вдобавок одна рука Савьи была перемотана плексом, бок комбинезона разодран. На плечи было накинуто что-то вроде сплетенного из веревок или волокон жилета, полы которого свисали к полу.

– Пашчим сошел с ума, – с видимым облегчением вздохнула Савья. – Заперся в лабораторном отсеке, грозитя уничтожить всех. Я пыталась вести с ним переговоры, но он сказал, что будет разговаривать только с тобой, Стамб. Или с кем-то из штаба. Ему взбрело в голову, что мы хотим уничтожить записи навигатора.

– Зачем нам записи навигатора?

Стамб оглянулся. Рядом с ним осталась только Кама. Рипух, насвистывая что-то, шаркал ногами в отдалении, Рудж отправился на разведку. Ярко освещенное пространство склада высотой не менее пятнадцати ярдов и диаметром свыше полусотни было заставлено ящиками и бочками, заполнено ближе к центру стеллажами.

– Ну как же? – Савья недоуменно подняла брови. – В нем данные крейсера анятов. Его след. Он снова ушел в ноль после нашего залпа. Он ведь не только привязывался к станции, он выстраивал и последующий скачок. Думаю, что рассчитывал путь на несколько скачков. Скорее всего, там остались данные и по отдаленной базе анятов. Если этих данных не будет, мы никогда его не разыщем.

– Подожди, – Стамб почувствовал спазм в висках, взглянул на Каму, которая с интересом рассматривала стандартный импульсник Савьи, переделанный каким-то странным образом. – Ты хочешь сказать, что вы не наносили удар по крейсеру?

В горле у лейтенанта сразу пересохло. Усилием воли он сдержал заклокотавший в глотке рев.

– Мы собирались, – Савья взъерошила короткие волосы, опустила на пол, ткнула подбородок в колени. – И нанесли. Винл уже дал команду наводки, но тут увидел степень запроса на навигатор и зашипел, что мы можем вычислить последнюю базу анятов. Понятно, что без крейсера аняты были

обречены, но с данными о базе победа была бы более чем абсолютной. Я, правда, не знаю, как он собирался сохранить информацию. Но дальше все было штатно. Мы рисковали. Завершив расчеты, аняты аннигилировали бы станцию, но они чуть промедлили. Наверное, выстроились на борту крейсера и пели гимны уничтоженной родине. И мы дали залп.

– А дальше? – хрипло спросил Стамб.

– Я думала, что дальше не будет ничего, – прошептала Савья. – Не должно было быть ничего. Секунда, меньше секунды и от нашей базы не осталось бы и пылинки, это же взаимное уничтожение. Тем более что мгновенное накопление мощности на наших излучателях должен был обнаружить любой сканер. Но этого не произошло. Хотя ответный залп аняты дали.

– Куда? – сдвинул брови Стамб.

– В нас, – ответила Савья. – Винл сказал, что в нас. Но залп анятов не достиг цели. Точно так же, как не достиг цели и наш залп. Там, – Савья ткнула пальцем вверх, – что-то было. Между нами и крейсером. И это что-то приняло на себя удар наших излучателей и совокупный залп всех орудий крейсера.

– Это что-то было невидимо? – спросила Кама.

– Было невидимо до залпа, – кивнула Савья. – Понятно, что мы не могли использовать радары, но аняты-то их использовали. И они не заметили препятствия. А потом произошла вспышка, и Винл заорал, что точка аннигиляции зна-

чительно ближе крейсера, что она практически на границе атмосферы. Он даже подумал сначала, что аняты изобрели новое защитное поле. Огромное защитное поле. Паш бросился к локаторам, и тут мы увидели другой корабль. Небольшой корабль. Он падал в пламени. На высоте миль в двадцать отстрелил и сжег собственную силовую установку, обрушив взрывной волной наши поглотители и вышку. А потом рухнул на южный шлюз. А аняты ушли. Паш зафиксировал их след. Чуть позже, когда мы пришли в себя, Винл выпустил зонд.

– Подожди, – Стамб потер виски ладонями. – Какой-то корабль, которого не могло быть, оказался между вами и анятами?

– Специально оказался, – поправила лейтенанта Кама.

– Хорошо, – кивнул Стамб. – Специально оказался. Подставил себя. Спас или вас, или анятов. Или и тех, и других. Не специально, скорее всего. Но не в этом дело. Совокупная мощность двух этих залпов такова, что ударь они в одну точку, вот здесь, где мы стоим, кора Удаи была бы пробита до мантии! Понятно? Нет ни одного корабля, который бы выдержал этот удар! Ни у нас, ни у анятов! Понятно?

– Понятно, – кивнула Савья так, как она кивала всякий раз, когда еще в спецшколе Стамб начинал объяснять ученице какой-то сложный, как ей казалось, материал. – Но корабль был. Он и есть. Совсем маленький корабль. Его головная часть лежит сейчас у южного шлюза. И в нем найден жи-

вым астронавт. В тяжелом состоянии, но живым. Утгара сейчас занимается астронавтом, а Винл охраняет бокс. Но Винл плох. Он выходил наружу, забирал в обломках тело, хватанул излучения. Seriously хватанул. С той стороны плохо. Южный шлюз сейчас фонит так, что в ушах звенит. По словам Винла. Я даже не знаю, что с ним теперь. Утгара сделала ему максимальную защитную инъекцию, но что она еще может, тем более, что ей приходится заниматься астронавтом. Она, кстати, пострадала только от падения, радиация ей, наверное, не так опасна.

– Она? – переспросил Стамб.

– Она женщина, – пожала плечами Савья. – Хорошенькая.

Правда, пока без сознания.

– Ничего не понимаю, – лейтенант бросил взгляд на замершего в десяти шагах Рипуха. – Даже если все это правда и некая скорлупка могла устоять против двух сокрушительных ударов. Что это за корабль? Откуда. Чей он?

– Вариант только один, – хмыкнул Рипух. – Это корабль ушедших. Аньяты, как известно, называют их чаритами. Но, насколько я знаю, чаритов не существует? Ведь они миф? Легенда?

– Все не так плохо, – постаралась успокоить Стамба Кама, когда Савья закончила рассказ, в котором неожиданно для себя избежавший смерти техник Пашчим тронулся рассудком и забаррикадировался в лабораторном корпусе, едва

не убив Савью выстрелами из импульсника. – Да, на чудом уцелевшей станции не все в порядке, но давай смотреть на факты без эмоций. Нашей вины в том, что крейсер анятов ушел, нет. Да, Винл мог произвести залп сразу, но, с другой стороны, если возможный удар был заведомо заблокирован кораблем чаритов или кем бы то ни было, то результат был бы тем же, а данных о скачке анятов и, возможно, данных об их последнем убежище не было бы. Сейчас они записаны в памяти навигатора и именно возле него тебя ожидает этот умалишенный. Есть чем заняться, не так ли? Второе. Если этот непрощенный благодетель действительно корабль чаритов, тем более что он здесь, рядом – то его находка будет ценнее уничтожения крейсера анятов. Одно поле, способное противостоять удару такой мощности, стоит всего флота федерации. Не верю, что спецслужбы уже много лет не рыщут в поисках ушедших. Брошенные древние города есть, брошенные станции без крупницы оборудования есть, а самих ушедших нету. Хотя в серьезных схватках с анятами неопознанные, растворяющиеся объекты мелькали. В бой не вмешивались, но мелькали. Тому свидетельств множество. Насколько я знаю, в разведке числят ушедших цивилизацией наблюдателей? Так вот, поимка такого наблюдателя может оказать сродни выигрышу в главной космической лотерее.

– Ты думаешь, что перевод чаритов из разряда мифов в пространство реальности обрадует шишек из штаба? – скрипнул зубами Стамб. – Это еще один враг. И враг, судя

по всему, могущественнее аньятов. Когда люди столкнулись с аньятами, радости не было. Думаешь, я не знаю, что планы их уничтожения начали строиться с первого контакта? Закон выживания – или ты, или тебя.

– Пока что или мы, – рассмеялась Кама, – а что касается радости шишек из штаба, это не наше дело. Наше дело произвести зачистку, собрать информацию и ожидать наград. Тем более что здравый смысл подсказывает, лучше реальность чаритов, чем заблуждение на их счет.

– Наверное, – задумался Стамб, рассматривая с противоположного края зала, куда отозвала для разговора лейтенанта Кама, все так же сидевшую на полу Савью. – Но ты не все мне сказала. Тебя ведь еще что-то беспокоит?

– Беспокоит? – пожала плечами Кама. – Что меня может беспокоить? Если возникают неясности, я их просто имею в виду. Из крупных неясностей пока имею в виду две. Первая касается действий этого странного корабля, вторая импульсника Савьи. Он переделан.

– Я заметил, – сказал Стамб.

– Он чертовски здорово переделан, – уточнила Кама. – Я бы сказала, что изобретен заново. Система накачки собрана из раскуроченного резака, так, будто с электронным конструктором возился младенец, но она явно работает.

– Еще один плюс в копилку наших достижений? – усмехнулся лейтенант.

– Или много минусов, – пробормотала Кама, перейдя на

шепот. – Непостижимым образом, за который оружейные концерны выложили бы немалые деньги, мощность импульсника увеличена на порядок. И это при прежней зарядке. Попадание из такого оружия, лейтенант, теперь уже оставит не только ожог.

– Она сказала, что еле ушла от Пашчима, а на складе был только неисправный импульсник, – зашептал в ответ Стамб. – Исправила тем, что нашла.

– В таком случае после подобного исправления наш «Быстрый» должен был бы легко уходить в ноль, – прошипела Кама. – Ты преподавал в группе, где училась Савья, она была гением?

– Наоборот, – нахмурился Стамб. – Почему ты шепчешь?

– Она нас слышит, – ответила Кама.

– Отсюда? – поразился Стамб.

– Да, – кивнула Кама. – Возможно, разбирает даже шепот. Она чертовски талантлива, эта девчонка. Но для такого изобретения нужны годы.

– Прошло всего лишь пять часов с момента получения сообщения! – повысил голос Стамб. – Думаю, что ты преувеличиваешь ее способности.

– Тише, лейтенант, – укоризненно покачала головой Кама. – Я не знаю ее способностей, следовательно, не могу их преувеличивать. Но она абсолютно здорова, какое-то заражение или мутация – исключены. Хотя эти бессмысленные сети на ее плечах наводят на нехорошие мысли.

– Эмоциональный срыв? – спросил Стамб. – Потрясение? Имей в виду, они все, вся четверка, ждали собственной смерти. Были готовы к ней.

– Я тоже готова к собственной смерти, – помрачнела Кама. – Ты знаешь, что бой в космосе редко длится более пары минут?

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял Стамб.

– Пять часов – это очень много, – прошептала Кама. – Так что нам надо крутить головами и присматриваться. Ко всему. Кстати, Рипух довольно резвый старикан. Удивительно резвый. Не думаю, что он занимается только составлением доноса. Во всяком случае он не просто крутит головой, он многое видит.

– Это все? – стиснул губы Стамб.

– Пока все, – кивнула Кама. – Разве только этот разобранный резак... Я пригляделась к переделанному импульснику, на него пошла только часть деталей. Утраченных хватило бы на два подобных устройства.

– Подожди! – насторожился Стамб. – Но Савья же сказала, что именно она испытывала на двери свой импульсник. И что резак уже был сломан. Вероятно, разукомплектован.

– Она не сказала, – покачала головой Кама. – Она ответила на твой вопрос. Среагировала мгновенно. Да. И вот еще что. Ты отличный командир, лейтенант. Но ты должен знать. У меня есть полномочия сместить тебя. Я могу предъявить их в любой момент. Но пока ты справляешься.

– Утешила, – зло буркнул Стамб. – Не Рипух, так ты...

Надеюсь, ты составлением доноса не занимаешься?

– Нет, – твердо сказала Кама.

– Прямой тоннель в жилые отсеки, как мы и ожидали, заварен и заполнен грунтом, – появился из тоннеля Рудж. – Проход к производственному корпусу свободен. Но нужен резак.

– Резака на складе нет, – тут же отозвался подошедший Рипух. – Разграблен. Осталась одна оболочка.

– Ардан, – позвал в переговорник Стамб. – Ты как там?

– Все отлично, командир, – отозвался тот. – Внимаю вашим разговорам.

– Тащи сюда резак. Да заблокируй «Быстрого». Сюда и обратно к кораблю. И чтоб бегом, понял?

– Угонит кто? – хохотнул в ухо техник.

– Рубку выстудишь, – отрезал Стамб и, повернувшись к Руджу, приказал вполголоса. – Отдай Савье разрядник, только незаметно вынь батарею. А самоделку у нее забери.

На схеме станция напоминала два вписанных друг в друга квадрата, границами которого являлись тоннели. Углами большого квадрата служили северный и южный шлюзы, реакторный отсек и вышка навигатора. Углами малого – расположенные на серединах сторон большого – складской, производственный, лабораторный и жилой купола. Часть переходов законсервированной станции была заблокирована еще

аньятами, их сканировали, но не вскрывали. Ничто не должно было возбудить подозрения врага. Для большей достоверности корабли федерации уже с момента уничтожения Виласа и сами использовали для привязки автономную станцию врага. Сейчас команда вместе с Савьей находилась в складском отсеке. Проходы из него к жилому куполу и к вышке были заварены и заполнены грунтом.

– Вот, – включил на коммуникаторе мерцающую схему Рудж. – Вариантов не так много. Сразу исключаю проход снаружи, в самом деле, фонит так, что не помогут и скафандры. Основные источники излучения – сфера у южного шлюза и реакторный корпус. Так что рабочие тоннели через него тоже отпадают, хотя они и не заблокированы. Остается только проход через производственный корпус. Я дошел до него, он закрыт изнутри, но сталь дверей тоньше, чем в законсервированных тоннелях, наш резак справится.

– А потом? – спросил Стамб.

– Дальше по обстоятельствам, – пожал плечами Рудж. – Но до лабораторного тоже только один путь, и из лабораторного в жилой корпус также один тоннель. Жилой корпус – последний. Там и комнаты четверки, и столовая, и бокс с этой... – сержант покосился на Савью, которая все так же отрешенно сидела на полу, – инопланетяжкой.

– Почему Паш перекрыл производственный корпус? – повысил голос Стамб. – Ты же сказала, что он забаррикадировался в лабораторном?

– Меня испугался, – растянула губы в улыбке Савья. – Я ведь в порядке. Для идиота всякий нормальный – враг. Паш еще кричал, что оставит мне сюрприз, если я сунусь к нему.

– Ну, я бы на твоём месте не спешил объявлять о своей нормальности... – пробормотал Рудж, но замолчал от толчка в плечо и кулака, показанного Камой.

– Вот резак, – появился в дверях короткого тоннеля Ардан, подмигнул Савье. – Как дела, девочка? Что это ты напялила на себя? У вас тут карнавал? – пилот громыхнул прибором, черкнул по губам гармошкой. – Снаружи связи по-прежнему никакой, фон зашкаливает, но катерок справляется пока. А тут у вас ничего. И дышится нормально, только прохладно. Командир, ты это, головой-то крути почаще, а то я в твоём регистраторе только и вижу что Каму, да Каму. Нет, она, конечно, конфетка, но вот и Савья в порядке...

– Цыц, – отмахнулся Стамб. – Двигай на место и будь на связи.

– Буду, – щелкнул каблуками Ардан и строевым шагом отправился обратно в тоннель, обернувшись у входа. – А вообще, командир, смотри куда хочешь. Ход твоего взгляда меня в принципе очень даже устраивает.

– Работаем, – посмотрел на Руджа Стамб.

Отряд был у входа в производственный корпус через минуту. Рипух по молчаливому уговору взялся присматривать за Савьей, Рудж приложил к плечу импульсник, Кама скани-

ровала дверь.

– Что там? – спросил Стамб, запустив на малой мощности резак.

– Странно, – Кама была озадачена. – Дверь закрыта с той стороны, но закрыта обычным запором, тут моя электроника не поможет. Ничего, резак выручит. Помещение, судя по всему, заминировано, но заминировано какими-то подручными средствами. Нестандартными. И взрывчатки, насколько показывает сканер, там немного. Хотя рассредоточена она по всему помещению.

– И что ж тут странного? – не понял Стамб.

– Дверь не заминирована, – объяснила Кама. – Нас словно приглашают, входи. И резать-то особо не придется. Только здесь.

Она провела пальцем по металлу возле запора.

– Ну что же, – буркнул Стамб. – Раз приглашают, значит войдем.

Луч резака вскрыл стальную пластину, как пластиковый нож вскрывает пленку сухого пайка. С той стороны звякнула упавшая на пол задвижка и лепестки входа со скрипом поползли в гнезда. Открывшийся купол отличался от складского более ярким освещением и обилием покрытых пылью заброшенных механизмов. И тут и там пол устилал какой-то мусор, по левую руку темнел открытый вход в следующий тоннель, где-то впереди был проход и в реакторный корпус.

Оттуда тянуло холодом. На сквозняке шевелились сплетенные из каких-то лент косы. Они висели на светильниках, на стеллажах, на станках, на манипуляторах.

– Да у них тут просто кружок рукоделия, – прошептал Рудж.

– Разгерметизация? – спросила Кама.

– Что скажешь? – обернулся к Савье Самб.

– Вряд ли, – с вызовом ответила она и слизнула капли пота с верхней губы. – Что это за разгерметизация, если давление не снизилось? Но свистело тут, свистело. Наверное, Паш залепил проход в реакторный.

– Молодец какой, – покачал головой Рудж. – Взрывайтесь ребята, главное – не задохнитесь.

– Датчики настроены на акустическое срабатывание, – заметила Кама.

– Давай, Рудж, – кивнул Самб. – Остальным прижаться к стенам. Минеры нам попадались не раз, но пока что все они были нормальными. Относительно, конечно. Посмотрим, что придумал умелец Пашчим.

Рудж встал в дверном проеме, приложил к плечу штурмовой лучевик и с первого импульса срезал цепь с тяжелого тельфера, установленного под самым куполом. Обвисшие манипуляторы рухнули на пол, и с касанием пола первой же клешней началось светопреставление. Взрывы загрохотали один за другим, оглушая, забивая уши, вдобавок невыносимо громко завывала сирена, и засверкали нестерпимые вспыш-

ки света. Фейерверк и канонада длились несколько минут. Когда все закончилось, Рудж отстранился от стены и заткнул сирену одним выстрелом.

– Однако, – смахивая с головы пыль, пробормотал Стамб. – Если бы этот самый Паш хотел взять нас тепленькими, у него на это было не менее пяти минут. Рудж, держи под контролем вход в следующий тоннель. Кама, что это было? Ардан?

– Все отлично, – отозвался пилот.

– Отлично, значит, отлично, – буркнул Стамб и посмотрел на Рипуха. – Что, аналитик? Я уже представляю, какой интересный отчет ты составишь по итогам нашей экскурсии.

– Надо еще ее закончить, – улыбнулся недавний бармен.

Нет, он положительно начинал нравиться лейтенанту.

– Держись возле аналитика, – предупредил Савью Самб. Девчонка послушно кивнула.

Пыль постепенно оседала. Тишина звенела в ушах, только стекло хрустело под ногами.

– Что скажешь? – спросил Стамб у Камы. Рудж уже скрылся в оседающей пыли.

– Удивительно, – Кама стряхнула с ладоней несколько поднятых с пола взрывателей. – Это сделал или гений или действительно сумасшедший. А уж если учесть, что на все у него ушло два-три часа... Конечно, если сумасшествие не настигло четверку еще год назад. Во-первых, это абсолютно новая взрывчатая смесь, составленная из веществ, которые

не должны взрываться в принципе. Из того, что было, как говорится. Но смесь взрывается, и в соответствии с добавками либо взрывается с диким грохотом, либо дает вспышку. Во-вторых, это до смешного простые акустические датчики. Все они сработали одновременно, затем каждый датчик дал старт химической реакции. В зависимости от толщины буферного слоя, или по-другому говоря, пробки, она идет от секунды до пяти минут. Имеем примерно полторы тысячи зарядов, которые с абсолютной точностью взрываются каждые полсекунды. Нет. Могу только повторить. Это сделал гений. Или сумасшедший. Сумасшедший гений. Салют и фейерверк. В нашу честь. В твою честь, лейтенант. Ведь он ждет тебя?

– Все не так, – чихнул Стамб. – Все не так, Кама. Должно быть какое-то другое объяснение. Поверь мне. Простое объяснение. И пока мы его не найдем, считай, что Пашчим опережает нас. На ход опережает. Для чего бросают шумовые и световые гранаты? Чтобы обескуражить противника. Если Пашчим играет против нас, возможно, он добился своей цели.

– Что ты о нем знаешь? – спросила Кама.

– Упертый парень, – ответил Стамб. – Упрямый и упертый. Не весельчак, как Винл. Злой. Всегда хотел быть первым. А оказался тут. Что-то было такое у него в семье, кажется, братишка или мать болели. Думаю, что пошел в отряд из-за денег. Ему нужны были деньги. Деньги он явно зара-

ботал, а вот дальше...

– Командир, – окликнул лейтенанта Рудж. – Лабораторный корпус открыт. И вроде бы нет никаких ловушек.

– Он ждет нас, – уверенно сказал Стамб.

– Пашчим! – крикнул Стамб у входа в лабораторный корпус. – Ты здесь?

– Здесь! – донесся голос Паша.

Под куполом помаргивали палки светильников, от входа до противоположной стены корпуса, где поблескивал колпак навигатора, тянулось замусоренное фойе. Справа и слева высились панельные перегородки лабораторных отсеков. Все они были обвешаны косами. Словно пленка была натянута вдоль комнат, потом рассечена на ленты и заплетена в причудливые хвосты.

– Они сошли с ума от безделья, – заметил Рудж. – Неужели все это сотворено за прошедшие часы?

– Что там? – спросил Стамб у Камы.

– Ничего, – она раздраженно сунула прибор в чехол. – Или ничего нет, или помещение экранировано идеально.

– Экранировано идеально, – вновь донесся голос Паша, и его обладатель появился возле навигатора. – Ты даже не представляешь, лейтенант, насколько идеально. Порой техника позволяет совершать подлинные чудеса. В том числе освобождает человека от технической зависимости. Полно-

стью. Оставляет его наедине с собственной природой. И с другими людьми. Такими же свободными.

Он действительно был безоружен. На обтягивающем плечистую фигуру комбинезоне не было даже ремня. Стамб хорошо помнил этого курсанта. Из четвертки ему не приходилось сталкиваться только с Уттарой, но и ее дело он изучил досконально. Техник Пашчим никогда не числился в технических гениях, но к учебе относился со всей ответственностью. Особенно любил занятия по боевым искусствам. Но и в них не достиг особых успехов. Хотя солдатом он был бы образцовым.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Стамб. – Савья сказала, что ты охраняешь данные в навигаторе. Ты решил, что кто-то покушается на них?

– Кого ты слушаешь? Савью? Да она сошла с ума.

– Ты сам рехнулся! – закричала в ответ Савья.

– Отчасти, – кивнул Паш. – Но легкое сумасшествие сродни легкому опьянению. Оно дарует ту же самую легкость. Рудж, отложи импульсник. Даже если ты нажмешь на спусковой крючок, импульс погаснет в пределах корпуса. Оружие здесь не работает. Здесь ничто не работает. Нет, если бы у вас было что-то старинное, основанное на химических свойствах вещества, вы могли бы попробовать подстрелить меня. Здесь в качестве оружия можно использовать только собственные руки и ноги. Ну, еще что-нибудь, что можно взять в руки. Ножи, стальные стержни. Сразимся?

– Что с тобой происходит, Паш? – Стамб шагнул внутрь и направил на пол разрядник. Оружие не отозвалось. Не отозвался и импульсник. Рудж покачал головой и потянул с пояса нож.

– Ничего не происходит, – ответил Паш. – Уже ничего. Просто надоело все. И еще одно. Знаешь, прошлые обиды растут от раздумий о них.

– Ты сохранил данные крейсера анятов? – спросил Стамб.

– Конечно, – кивнул Паш. – В навигаторе их уже нет, извини, но я их записал на кристалл. Он здесь. – Техник похлопал по грудному карману. – А что? Самый надежный способ хранения информации. Попробуйте, возьмите их.

– Он тянет время, – вдруг без улыбки пробормотал Рипух.

– Зачем? – не понял Стамб.

– Пока не знаю, – покачал головой аналитик. – И, кстати, тот фейерверк в производственном зале тоже был нужен, чтобы потянуть время.

– Время... – задумался Стамб, шагнул в коридор. – Ардан?

– Все отлично! – отозвался пилот.

– А теперь? – лейтенант вернулся в зал.

Переговорное устройство молчало.

– Кто первый? – поманил к себе Руджа Паш. – Или навалимся на меня всем скопом?

Паш и в самом деле тянул время. А еще он оказался отличным бойцом. Это было самым странным, Стамб всегда отмечал его упорство, но тут он увидел что-то, превосходящее результат любого упорства. Теперь некогда заурядный курсант не только идеально владел собственным телом, поражал точностью движений и скупостью жестов, он танцевал, он почти парил над полом лабораторного корпуса. Рудж лишился ножа уже в первой же атаке, получил синяк под одним глазом, под другим, захлюпал кровью в сплюсненном носу. Вскоре Стамб уверился, что Паш мог убить сержанта в течение несколько секунд, но он все еще не делал этого, а только методично калечил его: вот Рудж лишился мочки левого уха, вот захромал на одну ногу, вот щелкнуло под бронником одно из ребер. Когда сержант начал подниматься с пола медленнее обычного, Стамб сам шагнул вперед, но ничего не успел сделать. Паш был неестественно стремителен – удар раскрытой ладонью не только сломал лейтенанту нос, но и разбил обе губы, кажется, лишил его сознания на мгновение. Лабораторный корпус накренился и принял затылок лейтенанта на твердые плиты пола. Регистратор хрустнул и рассыпался на куски.

– Кто следующий? – рассмеялся Паш.

Стамб с трудом повернулся на бок, потрогал языком зашатавшиеся зубы. Голова гудела, лабораторный корпус кружился вокруг нее. Похоже, он получил еще и удар в грудь.

Рудж сидел в пяти метрах, смотрел на Паша с ненавистью

и плевался кровью.

Рипух наблюдал за происходящим, сложив руки на груди, хмурился и кусал губу.

Савья с трудом сдерживала улыбку.

Савья с трудом сдерживала улыбку.

Савья с трудом сдерживала...

– Теперь я, – твердо сказала Кама.

Она была восхитительна. И почти столь же быстра, как Паш. Она напала первой, отбила два или три мгновенных удара техника, сумела защитить лицо, но потом все-таки получила удар в грудь и полетела, заскользила по полу в сторону коридора. Не вскрикнула. Даже в экзобронике не всякий боец мог бы нанести такой же удар. И вряд ли кто-то смог бы остаться после такого удара живым. Тем более женщина. Но Кама осталась. Она даже не сбила дыхание. Поднялась и показала Пашу вырванный вместе с кристаллом карман.

– Данные крейсера анятов у меня.

Шагнула в коридор, приложила кристалл к прибору и прошипела с ненавистью:

– Кристалл пуст!

– А ты как думала, – рассмеялся Паш. – Это была ложь. Да. Данные здесь.

Он постучал по собственной голове пальцем, и в это самое мгновение Стамб метнул подобранный нож Руджа. Метнул его в грудь Савьи.

До появления линкоров федерации оставалось еще часа два, не меньше. Пошел шестой час с момента получения сообщения от Винла. И вот, Стамб с трудом унимает головокружение, избитый, окровавленный Рудж зачем лезет по переборкам на стену, Савья, хрипя, оседает на пол, а неукротимый Паш летит, скользит почти по воздуху к ней.

Рипух сделал только один шаг вперед. Перехватил орущего что-то, превратившегося в смертельно опасного бойца техника станции, и одним движением оторвал ему голову и размозил ее об пол. Рудж добрался до протянутого вдоль перегородки увешанного косами волокна и сдернул его, сорвал, свалившись на пол. И в ту же секунду в руках Камы ожил импульсник Савьи и прожег аналитика насквозь. Рипух захрипел, развернулся и, захлебываясь кровью, отсалютовал по-аньятски, приложив ладонь тыльной стороной ко лбу. Так и упал.

– Собственно, за этим меня сюда и посылали, – с раздражением сплюнула Кама на пол. – Было подозрение, что порученец штаба на Виласе из аньятов. Но операция провалилась. Данных у нас нет.

– Смотри, как хитро, – пробормотал, лежа на полу, Рудж. – Я не знаю, что там за коробочки по углам, но тут-то по периметру только волокно, эти хвосты и все. Они все блокировали.

– Как ты догадался? – спросил Стамб.

– Помаргивали, – ответил Рудж и засмеялся, сплевывая кровь. – Ты пытался говорить с Арданом, они помаргивали. Гасили импульсы в сети. А этот Пашчим был очень хорош. Да и Рипух. Если бы не он... Надо же, аньят! Никогда бы...

– Ардан! – позвал Стамб.

– Все отлично! – ответил лейтенанту голос техника.

– Ардан? – насторожился Стамб.

– Ты догадался, – рассмеялся в переговорнике Вилн и включил запись: «Все отлично, командир. Внимаю вашим разговорам» – Долго догадывался, но в итоге догадался. Ардана больше нет, так что можешь его не звать. Хотя паренек оказался крепким. Едва не отбился. Ногу мне повредил.

– Зачем тебе «Быстрый»? – с яростью процедил Стамб. – Ты никуда на нем не уйдешь! Через два-три часа здесь будет линкор федерации! Что ты задумал?

– А вот этого я тебе не скажу, лейтенант, – ответил Вилн. – Но кое-что имей в виду. Шлюз я заблокировал. Да и к старту готов. Даже и не пытайся подобраться ко мне.

– Что будем делать? – с трудом выпрямился Рудж. – Кама. Помоги. Мне нужно сделать инъекцию энергетика. Этот безголовый меня здорово помял. Кстати, нахожу, что хорошая женская грудь предпочтительнее отличного бронника. Я думал, что он тебя убил. Я бы уж точно не откашлялся. Где тебя учили держать удар, девочка?

– В специальном заведении, – ответила Кама.

– Хватит болтать, – Стамб поднялся, стер с лица кровь,

поправил пальцами нос. – Всем отключить линию с «Быстрым». Они были в сговоре. Все были в сговоре. Взрывы помогли Вилну расправиться с Арданом. Отвлекли и нас, и лысого. Но как Вилн пробрался в корабль? Или он выманил Ардана наружу? Ладно. Но на что он рассчитывает? Уйти на «Быстром»?

– Нет, – Рудж поморщился от сделанного в плечо укола, подошел к Савье, выдернул нож, вытер его странной накидкой девчонки. – Не та посудинка.

– Тогда зачем ему катер? – не понял Стамб.

– Лейтенант! – с укоризной покачала головой Кама. – Включи голову, пока она у тебя есть. Что там есть ценного, чего нет здесь, на станции?

– Пять тонн ядерного горючего, – пожал плечами лейтенант, – но оно не может взорваться. Нет технического способа!

– А вот для этого был технический способ? – спросила, закидывая на спину переделанный импульсник, Кама. – А для той иллюминации? А для этой блокировки? Ты еще не понял, с кем мы имеем дело? Уверяю тебя, технический способ есть.

– Девка дело говорит, командир, – кивнул Рудж, охнул, захрустел позвонками, вправляя шею. – Если эти пять тонн топлива взорвутся, так как они могут, то здесь и в самом деле ничего не останется. Ни нас, ни навигатора, ничего. И можно начинать новую жизнь. Если Вилн стал хотя бы в какой-то

степени столь же умен, быстр и умен, как тот же Пашчим, у него в федерации может получиться неплохая карьера. А он стал, – Рудж вздохнул, отвернулся, – с Арданом справиться было бы нелегко даже мне. А уж поменять лицо или подправить генетический код – нет проблем. Не мне тебе рассказывать. Сам знаешь, даже аньятов почти невозможно вычислить, а уж профессионального спецназовца...

– Мы что, в метрополии? – недоуменно воскликнул Стамб. – Вы не поняли! Мы в окрестностях мертвого Виласа! В пустом секторе! Как он спасется сам? Пешком? Или Савья лгала, что у корабля чаритов, если это конечно он, уже нет силовой установки?

– Да, память вычищена, – заметила Кама, сканируя навигатор. – Но восстановить данные можно. Правда, потребуются для этого вся установка. А веса в нем не меньше тонны.

– Как он спасется? – перебил Каму Стамб.

– Как-то спасется, – она поправила ремень. – Наверное, у него есть какой-то план?

– Ну что, командир, – приложил импульсник к плечу Рудж. – Зачистка продолжается? Вопросов все больше.

– Ответы там, – махнула рукой в сторону следующего коридора Кама.

С Уттарой Стамб не встречался, только просматривал ее файл. Она показалась ему улыбочивой светловолосой милашкой. Иногда такие женщины попадались лейтенанту, редко

кто из них был отмечен настоящей, не обусловленной медицинской пластикой красотой, но милы были все без исключения. Стамб даже не понял сразу, что повлекло Уттару на задание, подобное которому в спецназе с ласковым ужасом прозывались «тупичок», но потом влез в ее дело глубже и все прояснил. Семья Уттары погибла в самый разгар войны с аньятами, в тот недолгий период, когда у федерации были некоторые сомнения в победе человечества. Цветущий, прекрасный и зеленый Вилас уже был подвергнут ядерной бомбардировке, одна за другой уничтожались инопланетные базы аньятов. Те в свою очередь преодолели первый ужас и первую оторопь, стали огрызаться, но все еще нападали только на военные корабли федерации. Именно тогда под удар одного из крейсеров аньятов случайно попал гражданский лайнер. Более пяти тысяч человек погибли, в том числе муж и двое детей Уттары. Почти десять тысяч человек аньяты спасли и высадили на ближайшей орбитальной станции. Именно тогда Стамб и понял, что аньяты проиграют. Ведь человечество истребляло их без разбора, достаточно сказать, что и напало оно на аньятов без предупреждения. По какой причине? Без всякой причины. Аньяты были слишком сильны и почти ничем не отличались от людей. Только особенностями генного кода, который позволял им прекрасно себя чувствовать на поверхности Виласа, где всякий выходец с Земли вынужден был бы таскать на себе четыре своих веса. Четыре веса – свой и троих мертвых – мужа и детей –

ташила на себе и Уттара. Она пришла в штаб специальных сил федерации и получила место врача в одной из бригад. А потом оказалась и на станции. Когда Стамб изучал дела всей четверки, каждого из которой он должен был готов в случае чего заменить тем же Арданом или Руджем, он сразу понял, что Уттару менять не придется. Теперь она стояла у входа в жилой отсек. Оружия у нее не было, драться она не собиралась. Одежда ее была вымазана в крови, но на плечах лежали косы – причудливые и чистые.

– Что нужно? – спросила она не зло, но с некоторой усталостью.

– Я Стамб, – представился лейтенант.

– Я знаю тебя, – кивнула Уттара. – Что вам нужно здесь?

– Нам нужно увидеть спасенного астронавта, – ответил Стамб.

– Сару? – переспросила Уттара.

– Если ее зовут Сара, то да, – пожал плечами Стамб.

– Это невозможно, – покачала головой Уттара.

– Она в плохом состоянии? – Стамб снова с гримасой поправил сломанный нос.

– Нет, – Уттара мотнула головой. – Она почти уже в порядке. Я вылечила ее. Дальше она сама.

– Тогда почему? – не понял Стамб.

– Она не хочет встречаться с людьми, – ответила Уттара.

– А ты? – подала голос Кама. – Разве ты не человек?

– Человек, – кивнула Уттара. – Но не только человек. Уже

не только человек. Я такая же почти, как и ты. Но в другую сторону.

Стамб оглянулся на Каму, хмыкнул с недоумением, снова повернулся к Уттаре.

– Как это произошло?

– Инициация?

– То, что изменило вас, как это произошло?

Уттара вздохнула.

– Проще простого. Когда к нам на голову свалился ее корабль, я почувствовала, что там нужна моя помощь, услышала что-то вроде голоса, надела скафандр и отправилась на поиски.

– Все-таки ты? – переспросил Стамб. – Разве не Вилн?

– Я, – спрятала усмешку в уголках губ Уттара. – Вилн... лукавит. Он появился уже потом. В корабле было четверо чаритов. Двое мужчин и двое женщин. Но жива, пусть и едва-едва жива, только Сара. Остальных разорвало на части. Я прикоснулась к ней и стала той, которой я стала. Не сразу, но быстро. Через вечность, но мгновенно. Что-то я сделала с ней уже там, потом надела на нее свой скафандр и перенесла ее сюда. Здесь уже я ее спасла. С ее же помощью.

– Подожди, – удивился Рудж. – Там же фонит так, что...

– Это как холодный ветер, который пронзает тебя насквозь, – ответила Уттара. – Если ты знаешь, что это такое, если знаешь себя, то можешь закрыться.

– Ты знаешь? – переспросила Кама.

– Я теперь многое знаю, – кивнула Уттара.

– А остальные? – снова оглянулся Стамб.

– Вилн, Пашчим, Савья? – переспросила Уттара и опустила взгляд. – Да. Они тоже многое знают. Или знали. И многое могут. Или могли. Но они сделали это сами. Они взяли это у нее, пока она была без чувств. Иначе она бы не дала им этого. Она и мне не давала этого. Так вышло.

– Почему? – строго спросила Кама.

– Потому что она не дает, она будит, – ответила Уттара. – Но она не должна будить. Мы должны сами. Мы все спим. Выглядываем из скорлупы. А она может разбудить. Но под скорлупой может ведь оказаться и зверь?

– Это точно, – заметил Рудж и усмехнулся. – А некоторых и будить не нужно, чтобы в этом убедиться. Взять хоть меня.

– К тому же каждый, кто разбужен, может почерпнуть из общей реки знаний, – добавила Уттара. – Это опасно.

– Но ты сделала это? – уточнил Стамб.

– Да, – она развела руками. – Мне нужно было спасти Сару.

– Похвальное стремление, – согласился Стамб. – Тогда еще вопрос. Перед тем, как пройду внутрь.

– Ты не пройдешь, – сказала Уттара. – Если только убьешь меня. Но вопрос задавай.

– Как Вилн собирается уйти отсюда?

– Очень просто, – Уттара коснулась ладонями кос. – Он сплетет свою прядь в реке и уплывет по ней. Если хочешь

что-то сделать, нужно только уметь сплести.

– Сплести? – не поняла Кама. – Что вы все тут сплетаете?

– Сплетаем, прядем, вяжем, – проговорила Уттара. – На самом деле все не так. Но вы так видите. Это ваше видение. Толкование. На самом деле все иначе. Но и так тоже.

– Кто они, чариты? – спросил Стамб. – Где они живут? Что они делают?

– Их нет, – ответила Уттара. – Они не живут. Они не делают. Они не здесь. И не сейчас. Но они появляются тогда, когда не могут не появиться.

– Они из прошлого или из будущего? – спросила Кама.

– Отовсюду, – пожала плечами Уттара. – Они были. И они будут. Может быть, мы станем ими?

– Ты знаешь ответ, – понял Стамб.

Уттара не сказала ничего. Только улыбнулась. Первый раз. И именно в это мгновение Стамб понял. Он и в самом деле не пройдет дальше.

– Ты знаешь, что Вилн собирается взорвать станцию? – спросил Стамб.

– Да, – кивнула Уттара.

– И он сделает это? – нахмурился Стамб.

– Да, – кивнула Уттара.

– А ты? – не понял Стамб. – Уйдешь?

– Моя жизнь закончена, – вздохнула Уттара. – Мне уже пора. Мне недолго осталось.

– Нужно бороться за жизнь! – отрезала Кама. – До послед-

него мгновения!

– Да, – согласилась Уттара. – Но моя жизнь закончена. И мгновений уже не осталось.

– Подожди, – Стамб оглянулся. Рудж стирал со лба пот, Кама облизывала губы. – Подожди. Но Винл...

Она колебалась одно мгновение. Потом прошептала чуть слышно.

– Его жизнь тоже подходит к концу. Но он этого еще не знает.

– Почему? – не понял Стамб.

– Он может сплестать струи и черпать из реки, но он не может пить из нее.

– Почему... – хотел спросить Стамб, но не успел.

Вспышка обожгла глаза, пол ушел из-под ног. Чернота захлестнула волной...

Он пришел в себя от запаха жженой плоти. Зрение вернулось вместе с сознанием и болью в обугленных ладонях. Покрытый пузырями металла абордажный привод валялся у ног лейтенанта. Стамб растопырил сожженные ладони, повернул голову. Рудж был мертв. Рассеченное на части его туловище даже не дергалось. Рядом хрипела Кама. Из ее развороченной груди выступали красные пузыри. Из розовой плоти торчали пластиковые ребра и собранные в жгуты волокна.

– Смотри-ка, – удивился Винл. – Научились делать.

– Жаль, – поморщилась от боли Кама. – Стамб, я услы-

шала его, но он оказался слишком быстр даже для меня. Не расстраивайся, лейтенант. Я видела, что я тебе нравлюсь. Но я не хотела тебя разочаровывать. И насчет боли не думай ничего. И насчет смерти. Страшно умирать только первый раз. Да и то...

Она постаралась улыбнуться, но не смогла и закрыла глаза. Стамб посмотрел вперед. Уттара тоже была рассечена пополам.

– Нас ждут великие дела, – ухмыльнулся Вилн и направил второй или первый переделанный импульсник на ступни Стамба. Лейтенант взвыл от боли.

– Пока все, – улыбнулся Вилн. – Привыкай, новой боли уже не будет. Мне всего лишь нужно, чтобы ты не мешал. Я не настолько плох, как могу показаться. Через тридцать минут все здесь взорвется. Оцени мою доброту. Мгновенная смерть это так легко. А мне нужно поговорить с этой самой Сарой. Слушал я тут вас, слушал и очень обиделся на это предположение, что сплетать и черпать я могу, а пить нет. Надо бы разобраться.

– Почему ты такой? – с трудом сдерживая бьющий через горло вой, прохрипел Стамб.

– Ты думаешь, что ты был бы другим? – усмехнулся Вилн. – Это обратная сторона свободы, дорогой мой. А ты как думал? Свобода пьянит, знаешь ли. Всякий бы стал таким же. Ну, кроме совсем уж блаженных, – он посмотрел на тело Уттары. – Но таких мало. И все они идиоты. Ты, лейте-

нант, явно не из их числа. Хотя...

Припадая на рассеченную Арданом ногу, Вилн успел сделать прочь шагов десять. Услышал шорох, оглянулся, увидел, что открывшая уже невидящие глаза Кама толкнула ногой в сторону Стамба импульсник, и добавил порцию пламени ей в живот. Посмотрел на черные пальцы лейтенанта и расхохотался.

Вилн успел сделать еще два шага, когда, теряя сознание от боли, Стамб поднял оружие. На третьем шаге Вилн вновь стал оборачиваться, но усиленный заряд переделанного оружия уже нашел назначенную лейтенантом цель...

А потом лейтенант открыл глаза и увидел обычное женское лицо. Спокойное, с глубоко посаженными глазами, с тонкими чертами, с прядью темных волос через лоб.

– Ты чарита? – спросил он.

– Это ваше слово, – пожала Сара плечами, – когда-то в одном из ваших языков оно обозначало бежать, бегущий. Но мы никуда не бежим. Мы просто растворились. Как соль в воде. Мы есть. И нас нет.

– Не понимаю, – прохрипел Стамб.

– Да, – согласилась она. – Не понимаешь.

– Ты ничего не сделала, чтобы спасти Уттару, – сказал Стамб.

– Ваша жизнь – это ваша жизнь, – сказала Сара.

– Ты не была ей благодарна? – не понял Стамб.

– Ваша жизнь – это ваша жизнь, – повторила Сара, – мы не вмешиваемся.

– Однако подставили свой корабль под удар батареи, – закашлялся Стамб. – И под удар аньятов. Кого из них вы спасали? Значит, вмешиваетесь все-таки?

– Мы прикрыли от удара аньятов, – пожалала плечами Сара. – Ну и вас тоже. Заодно. Но мы не вмешивались. Мы просто взяли себе чужую смерть.

– Почему? – не понял Стамб.

– Это последние аньяты, – объяснила Сара. – Никто не берегает горные луга от горных козлов, но когда гибель грозит последнему цветку, козлов следует отогнать.

– Мы, выходит, козлы? – сообразил Стамб.

– Скорее волки, – поправила лейтенанта Сара. – Многие из вас во всяком случае.

– Иначе не выжить, – объяснил Стамб.

– И это тоже правда, – кивнула Сара. – В том мире, который вы придумали, трудно победить иначе.

– Кто-то еще жив кроме меня? – спросил Стамб.

– Вот эта полумашина-получеловек, – скосила взгляд на Каму Сара. – Точнее, получеловек-полумашина. Но она тоже умирает. Ей осталось минут десять.

– А до взрыва? – сдвинул брови Стамб.

– Тоже минут десять, – ответила Сара.

– А ты? – спросил Стамб.

– Я ухожу, – ответила Сара.

– Бросишь меня? – догадался лейтенант.

– Ты не последний из людей, – она сумела улыбнуться без издевки.

– Научи меня сплетать как Уттара, – попросил Стамб.

– Это не плетение, – покачала головой Сара. – Это людям так кажется, что это плетение. Мне кажется, что это как музыка.

– Так обучи меня этой музыке, – попросил Стамб. – Мне есть для чего жить. У меня есть племянник.

– У него своя судьба, – откликнулась Сара.

– У Ардана осталась жена с двумя детьми, – вспомнил Стамб.

– У них своя судьба, – повторила Сара.

– Черт возьми! – прошипел Стамб. – Да что же нужно сделать, чтобы получить право пожить еще немного? Или мне стоило всего лишь пристрелить блаженную Уттару и прикоснуться к тебе, как это сделали Вилн, Савья и Пашчим?

– Ты бы не пристрелил ее, – задумалась Сара. – У тебя другая судьба. Прости. Мне пора. Я должна спеть свою песню.

– Подожди, – скрипя зубами от боли, Стамб сунул черную клешню за пазуху и выудил оттуда полоску сканера. – Вот. Вот здесь. Что-то такое же древнее, как это слово – чарита. Или не такое же древнее. Это песня. Хорошая песня. Тебе. На память.

Он бросил полоску неуклюже, всего лишь на пару ярдов, но она сделала шаг вперед, поймала ее, приложила к щеке, прислушалась, потом вдруг улыбнулась, наклонилась, потрепала лейтенанта по щеке и, прошептав, – это пойдет, – растворилась в воздухе.

– Ну вот, – выдохнул Стамб и, сдерживая раздирающую тело боль, подполз к телу получеловека-полумашины Камы, отыскал уже почти ускользнувшую линию жизни и крепко прихватил ее узелком. А потом начал сплетать обожженными пальцами что-то неведомое простое и понятное, пришептывая при этом.

– Потерпи, боец. Я не могу тебя бросить. Ты и в самом деле хороший техник. У нас есть еще несколько минут. Мы успеем.

2011 год

Правила подъема по вертикальной стене

01

Мы медленно движемся вверх по Стене. Впереди самый быстрый и умелый из нас – Лёгкий. За ним грузный, но сильный и уверенный – Ворчун. Я – третий. Ворчун оборачивается и говорит негромко:

– Сет. Еще острия Легкому.

Сет это я. Я носильщик. Я медленно поднимаю руку, завожу ее за спину и нащупываю в заплечной сумке три острия, связанные друг с другом волокнами можжевельника. День только начался, и сумка еще полна. Лямки режут плечи. Сумка тянет прочь от Стены, поэтому с утра я особенно тщательно распластываю тело на каменной поверхности. Когда солнце пройдет по небу три ладони вытянутой руки, будет короткий отдых, но пока мы движемся вверх.

Я передаю острия Ворчуну и ловлю его сочувствующий взгляд. Он смотрит на мои пальцы. Вчера, когда на нас напали птицы, мне досталось больше всех. Они разодрали колпак и принялись рвать кожу на шее. Мне показалось, что их клювы разбивают позвоночник. Это было так больно, что я не

выдержал и стал закрываться рукой. После этого на пальцы было страшно смотреть. За ночь они затянулись свежей кожей, но белые кости и сухожилия проглядывают сквозь нее, как облака сквозь утреннюю паутину. Ничего. Могло быть и хуже. Главное, что сухожилия целы. Они не срываются.

Ворчун вздыхает, и что-то бормочет про себя. Понять его невозможно. Легкий считает, что Ворчун и сам не знает, что говорит. То есть, в звуках, которые он издает, нет никакого смысла. Я с этим согласиться не могу. И сейчас, чувствую, что он бормочет обо мне. Ворчун добрый. Только я и Легкий знаем об этом. На остальных он производит отталкивающее впечатление. Может быть из-за того, что лицо его изъедено муравьями, и сквозь лохмотья кожи на скулах проглядывает желтая кость? Или из-за того, что он всегда пристально смотрит в глаза собеседнику? Не всем это нравится. Многие начинают моргать, ежиться, отводить взгляд. Когда Легкий укоряет Ворчуна за эту привычку, тот хмуро вздыхает и говорит, что единственный объект, на который он не хочет производить отталкивающего впечатления, это Стена.

Самая сложная работа у Легкого. Даже если некоторых и обманывает та легкость, с которой он ее совершает. Он первый. Он ползет по голой Стене. И он лучший в этом деле не только в нашей тройке, но и во всей пещере. К сожалению, ему не всегда удастся выполнить правило трех, даже если он использует зубы и подбородок. Но он единственный, кто мог забраться в большой пещере до потолка без единого остря.

Я знаю, что иногда он позволяет себе двигаться рискуя. Но он никогда не рискует без крайней нужды. Нас на Стене трое, и от Легкого зависит очень многое. Впрочем, как и от каждого из нас. И так в любой тройке.

Я осторожно поворачиваю голову влево и вижу на расстоянии трети дневного перехода вторую тройку. Мы почти всегда на одном уровне, хотя Легкий и говорит, что если бы не правило трех, мы могли бы двигаться намного быстрее. Для моих глаз вторая тройка выглядит как три неровности на поверхности Стены. Мокрый, Шалун и Злой. Они нас увидеть не могут. Солнце еще близко к Стене, поэтому оно слепит их. Точно также и мы не можем увидеть третью тройку. Это Смех, Хвост и Судорога. Они справа от нас.

Судорога носильщик, как и я. Он говорит, что ничто его не раздражает так, как песок. Ни муравьи, ни птицы, ни солнце, ни дождь, ни слизь, ни черви, ни ветер. Ему мешает только песок. Действительно. Он постоянно сыплется сверху. От акробатических, но выверенных трюков Легкого. От усилий Ворчуна. Куда же ему деваться, песку? Только вниз. А кто внизу? Конечно же, носильщик, кто же еще? Поэтому, если носильщик начинает мотать головой, или, того хуже, отстраняться от Стены и пытаться рассмотреть, нет ли там сверху признаков новой пещеры или, например, уступа или барьера, то песок в глаза ему обеспечен. Однако песок все же меньшее из зол. Смех считает, что такая избирательность объясняется характером самого Судороги. Любая более се-

рзьяная опасность кроме песка, повергает Судорогу в состояние полного бесчувствия, он вцепляется в опоры мертвой хваткой и находится в таком положении, пока Смех не крикнет ему несколько раз так, что слышно всем тройкам: «Судорога, все!». Смех говорит, что Судорога самый надежный носильщик в пещере. Хвост так не думает. Он боится, что в одной из подобных ситуаций Судорога перепутает можжевелевую веревку с его хвостом и ему, Хвосту придется, держать на себе немалую Судорожную ношу. Хотя, какая там ноша? Комок сухожилий и костей? Наверное, только Легкий легче, чем Судорога. Но это Легкий...

Ворчун только что не молится на него. Никто так надежно не вставляет острия, как Легкий. Он не просто видит и использует трещины на поверхности камня, он чувствует, насколько они прочны и не разрушатся ли под весом Ворчуна. Легкий берет у него острия и вставляет в еле заметные трещины. Затем подтягивается на руках на узком каменном гребне, ставит ногу на только ему заметный уступ, снимает вторую ногу с такого же уступа и перемещается еще выше. Снизу появляется голова Ворчуна. Он держится за предыдущее острие, заведя локоть за можжевелевую веревку, которой связаны забитые в стену опоры. Одна его нога стоит на острие, вторая отставлена в сторону и упирается в каменную глыбу, преодолеть которую вчера нам стоило почти половину дня. Сегодня она облегчает задачу. Ворчун медленно и плавно поднимает руку с камнем и аккуратно забивает

острие в стену. После каждого удара замирает, чтобы погасить инерцию отталкивания от Стены. И так до тех пор, пока острие не станет ее частью. Кажется, еще удар, острие обломится, и все придется начинать сначала, но Ворчун останавливается и, убрав камень, так же медленно прилаживает к острию петлю из можжевельных волокон. Это страховка. Считается, что если острие не выдержит, и один из членов тройки сорвется вниз, он повиснет на веревке, которой соединены все острия, а также все члены тройки между собой. Я сомневаюсь в этом. Да. Можжевельные волокна прочны. Не один день трудились над стеблями можжевельника челюсти жевальщиков в большой пещере, чтобы превратить их в мягкие желтоватые волокна. Не один день Каин сплетал их в веревки, которыми мы связаны между собой. Но Ворчун слишком тяжел. Если он упадет, произойдет что-то неприятное. Не выдержит или веревка, или острия. Хотя веревка очень прочна. Но если она выдержит, тогда Ворчун, а затем и вся наша тройка полетит вниз, выдергивая из Стены острия одно за другим и ударяясь о скалы. Каин говорил, что однажды так и случилось. Тройка, в которой он был, полетела вниз и остановилась, постепенно затормозив, только пролетев не менее двух дневных подъемов. Она повисла почти у входа в пещеру, над уступом. Это была не наша нынешняя пещера. И даже не предыдущая. Каин стар. Во время того падения он остался жив. Но переломил себе спину и теперь все, что он может – это плести веревки. Что и делает уже

много лет. Еще он говорит, что одним из той тройки был Судорога. Что тогда его звали Ловкий, и он был первым. Судорога этого не помнит. Его нашли в предпоследней пещере. Как и все, кого находят, он лежал в породе, согнувшись и прижавшись носом к коленям. Как положено, его очистили от пыли и песка, вытащили к выходу из пещеры и несколько раз ударили по щекам. Он открыл глаза, но руки разжал только через два дня. В руках был обломок ствола можжевельника. Пальцы были словно сведены судорогой. Никто не мог разжать их. Тогда Молох и назвал его Судорогой. Молох был тем, кто называет. Теперь тот, кто называет – я. Но Молох еще не ушел, и поэтому я все еще на Стене. Нет. Я на Стене, потому что Стена – это главное.

– Сет. Еще остряя Легкому.

Я снова завожу руку за спину и подаю Ворчуну остряя. Однажды он выронил камень. Ворчун боится муравьев, поэтому, когда он увидел на Стене муравьиного разведчика, то убил его камнем. Но в последний момент муравей успел брызнуть ему в глаза кислотой. Ворчун вскрикнул и выпустил камень. Камень полетел вниз и как всегда скрылся в Тумане. День заканчивался, двигаться дальше мы не могли. Но нам нужно было забить еще две тройки острий. Ворчун попытался делать это руками. Он разбил в кровь запястья и кулаки, но руки оказались недостаточно тверды для этой работы. Тогда он стал забивать их головой. Он снял пояс, обмотал им голову и стал подтягиваться на уровень остряя и забивать его лбом. Мы продвинулись еще на одну тройку, но потом Ворчун потерял сознание. Хорошо еще, что предусмотрительно привязал себя к Стене. Легкий спустился ниже, достал можжевеловые ягоды и несколько штук раздавил во рту у Ворчуна. Тот очнулся, и мы стали спускаться. Солнце подбиралось к левому краю Стены, мы должны были вернуться в пещеру. Никто не оставался в живых из тех, кого ночь застигала снаружи. Молох говорит, что все, причиняющее днем боль и неудобства, ночью вступает в полную силу. Некоторые думают, что Туман, преследующий нас снизу, но-

чью покрывает всю Стену. Молох говорит, что ночью из камней выступает слизь. Слизь это очень плохо. Я сам не сталкивался со слизью, это редкость в дневное время, но среди жевальщиков есть один, которого зовут Сутулый. Когда расчищался уступ у входа в предпоследнюю пещеру, Сутулый наступил ногой в маленькое гнездо слизи. Теперь у него нет ноги.

На следующий день, после того как Ворчун уронил камень, он был уже почти здоров. Сравнительно легко мы догнали остальные тройки, и пошли в обычном темпе. Все это благодаря Легкому. Он перестал подчиняться правилу трех. Он почти ползал по Стене. Иногда мне казалось, что, прилаживая острие, он повисает на одной руке. Он не ждал, пока Ворчун забьет очередную опору, а начинал забивать их сам, ударяя по острию кулаком, используя запасное острие для защиты руки. Он брал из рук Ворчуна веревку и накидывал ее петли на вставленные острия. Легкий тяжело дышал, но глаза его горели. Ночью в пещере я негромко спросил Легкого, почему он нарушал правила трех? Если об этом узнает Черный, он может сбросить Легкого в Туман. Или привязать к Стене на ночь. Легкий улыбнулся.

– Кто скажет об этом Черному? – спросил он.

– Никто, – задумался я.

– Тогда он об этом не узнает, – сказал Легкий. – К тому же, кто тебе сказал, что я нарушал правила трех?

– Ты держался за Стену только одной рукой! – прошептал я.

– Ну, если это мне позволила Стена, почему этого мне не позволит Черный? – спросил Легкий.

Я не нашелся что ответить. Легкий улыбнулся еще раз и сказал, чтобы я не волновался и не думал об этом. Он не нарушал правило трех. У него всегда было три точки. Одна точка – рука. Вторая точка – ветер, который прижимал его к стене. Третья точка – собственная ловкость. Я долго думал над этими словами. Три точки. Что-то не сходилось у меня в голове. Например, ветер. Как он мог прижимать Легкого к Стене, если он никогда не дует в спину? Иногда он дует в ноги, иногда в голову, иногда вырывается сбоку. Но ветер никогда не дует в спину. Так же как облака, которые почти всегда подчиняются ветру, но никогда не подплывают к Стене. Они всегда в стороне. Или они бегут слева направо, или справа налево. Иногда они поднимаются вверх, туда, где Стена сходится с небом. Иногда они летят вниз, туда, где всегда стоит полоса Тумана. Но никогда к Стене. И почему ловкость это третья точка? Все это не выходило у меня из головы. А потом пришел Ворчун и сказал, что, по словам Молоха, небо это такая же Стена, как и наша, только ее пожрал Туман, от этого она посинела, и остатки Тумана в виде облаков все еще ползают по ее поверхности.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросил я Ворчуна.

– Чтобы ты думал об этом, – ответил Ворчун. – Ты лю-

бишь думать. Думай об этом. И вот еще.

– Что? – спросил я.

– Когда ты не передаешь мне острия, а просто стоишь и обеими руками держишься за Стену или за острия, разве ты не нарушаешь правило трех? Ведь в этом случае у тебя три точки и еще одна. И об этом думай.

Следующей ночью я пошел к Каину.

– Кто это? – спросил он, услышав мои шаги.

– Это я, Сет.

– Тот, кто много думает? – засмеялся Каин.

– Тот, кто называет, – ответил я.

– Садись Сет, – он нащупал меня в темноте и притянул к полу пещеры. – Садись. Тем более что называть некого. Если мы в скором времени не найдем новой пещеры, твои способности не пригодятся. Сюда придет Туман и все кончится. Но, пока мы еще живы, почему бы не поговорить?

– Каин, почему Молох больше не называет? – спросил я.

– Он утратил дар, – ответил Каин. – Теперь он чистит кору можжевельника, собирает ягоды, делает одежду. И рассказывает всякие сказки.

– Откуда он узнал, что утратил дар? – спросил я.

– Ты дал знак ему, – объяснил Каин, – когда тебя нашли. Это было в узкой пещере. Ты ее не помнишь. Ты открыл глаза, когда мы уходили в самую большую пещеру. Если ее считать первой, то эта третья. Молох хотел назвать тебя Глупый.

Но ты сам назвал свое имя. Сказал, что тебя зовут Сет. Это настоящее имя. А потом ты увидел растение, которое мы используем, и дал ему имя. Ты сказал, что это можжевельник. Молох не увидел этого до тебя, поэтому он стал делать одежду. Хотя, рассчитывает опять стать тем, кто называет, если ты не поладишь со Стеной.

– Кто дал тебе имя, Каин? – спросил я. – Настоящее имя редкость. Тем более у того, кто не называет.

– Когда-то очень давно я был тем, кто называет, – ответил Каин.

– Как это могло быть? – удивился я. – Молох называл имена двоих, кто были до него. Но он не называл твоего имени.

– Это было очень давно, – усмехнулся Каин. – Но потом пришел Пан. Его Молох тоже не знает. Пан не только называл, но и думал. Я перестал называть. Возможно, мне тоже захотелось думать. Но я не стал делать одежду, я ушел на Стену.

– Почему ты ушел на Стену? – спросил я. – Стена это самое трудное.

– Стена это главное, – ответил Каин. – По Стене можно уйти отсюда.

– Мы все пытаемся уйти от Тумана, – согласился я.

– Ты пока еще мало думал, – сказал Каин. – И ты должен думать по-другому.

– Как по-другому? – спросил я. – Что это значит?

– Ничего не принимай так, как принимают другие. Ста-

райся понять. Прислушивайся. Носильщик – хорошая работа. Можно много думать.

– К чему я должен прислушиваться?

– К ощущениям. Например, чего ты боишься? Муравьев, птиц, слизи, червей?

Я задумался. Боялся ли я муравьев, птиц, слизи, червей? Вряд ли. Ведь это всего лишь боль. А боль привычна и управляема. Ворчун научил меня побеждать боль. В тот момент, когда птица садится на плечи и начинает вырывать кусок за куском плоть из шеи, всего-то и надо, что причинить себе еще большую боль. Очень помогает положить на раскаленную солнцем Стену голую ладонь. Или прижаться щекой к горячему камню. Или укусить себя за мизинец. На руках у Ворчуна нет мизинцев. Последний он отгрыз себе, когда его рвал на части муравьиный отряд.

– Я боюсь того, что упадет Легкий. И еще я боюсь Черного.

– Ну вот. У тебя есть хорошая возможность подумать. Задай себе вопрос, существует ли Черный? И постарайся правильно ответить на него.

– Сет. Еще острия Легкому.

Я опять завожу руку за спину и подаю Ворчуну острия. Ворчун засовывает два острия за пояс, а одно передает Легкому. После того, как мы установим третью тройку, у нас будет отдых.

– Ворчун, – спрашиваю я. – Где два острия?

– О каких остриях ты говоришь? – спрашивает меня Ворчун. Я поднимаю глаза и вижу его изодранные скулы. Он с сожалением смотрит на меня.

– Вчера мы установили на два острия меньше, – отвечаю я.

Ворчун молчит несколько мгновений, затем достает из-под рубища острие. Толстая часть его обмотана волокнами можжевельника, тонкая блестит на Солнце.

– Вот, – говорит Ворчун. – Второе острие у Легкого.

– Зачем вы это сделали? – спрашиваю я.

– Мы ждем птиц, – отвечает Ворчун. – Или ты хочешь, чтобы я смотрел, как они будут отклеивать твою голову?

– Если тебе это нравится, тогда скажи, и мы будем просто смотреть, – кричит сверху Легкий.

– Легкий, ты же знаешь, что мы ничего не должны делать? – говорю я в ответ. – Ты же знаешь, что мы должны терпеть?

– Почему же ты не терпел, а закрылся рукой? – спраши-

вает меня Ворчун.

– Вы же знаете, что если не терпеть, то может быть еще хуже, – почти шепчу я.

– Он говорит, что может быть хуже, – передает мои слова Легкому Ворчун.

– Разве может быть что-то хуже? – говорит в ответ Легкий.

– Разве может быть что-то хуже? – повторяет его слова Ворчун.

Я не знаю, что им ответить....

Я пришел к Каину и на следующую ночь. Он уже ждал меня. Поэтому спросил об этом, едва я сел рядом:

– Что ты думаешь о Черном?

– Я думаю, что его нет, и что он есть.

Каин задумался. Он молчал долго. Наша тройка за это время могла бы пройти острие, а то и два. Хотя какие острия ночью? Ночью на Стену нельзя.

Наконец Каин заговорил:

– Никто не видел Черного. Никто не говорил с Черным. Черный ничего не делает в пещере. Он не жевальщик. Он не плетет веревки. Он не собирает можжевельник. Он не делает одежду. Он не называет. Он не вставляет острия, не забивает их и не носит заплечную сумку. И, тем не менее, все убеждены, что он есть. Расскажи, Сет, как ты думал о Черном?

– Сначала я боялся думать, – ответил я. – Мне даже теперь страшно говорить о нем.

– Чего же ты боялся? – спросил Каин.

– Я боялся, что он привяжет меня к Стене на ночь или сбросит в Туман за то, что я думаю о нем.

– Но потом ты все-таки стал думать о нем?

– Я не могу не думать. Я могу заставить себя крепко держаться за остря. Я могу заставить себя терпеть холод и жару. Но я не могу заставить себя не думать.

– Ты мог бы спать.

– Я никогда не сплю, Каин. Я не могу спать.

– Я тоже.

Он нащупал мою руку и сжал. У него были длинные и крепкие пальцы.

– И все-таки, как ты думал о Черном?

– Я думал обо всем, что сказал ты. Никто не видел его, но все уверены, что он есть. Все помнят о том, что он есть. Все знают, что он есть. Все знают правила подъема по Стене. И все уверены, что он следит за соблюдением этих правил и убивает за их нарушение. Поэтому я подумал, что его нет. Что есть только страх, что он есть, но его нет. А потом я вспомнил, что видел его сам. Это было очень страшно. Я очень старался забыть об этом, и почти сумел забыть, но когда я стал думать о Черном, вспомнил опять.

– Ты видел Черного?

– Да. Это было еще в прошлой пещере. Он приходил за Худым. Ты помнишь Худого, Каин? Он сбросил в Туман Белого. Он ударил носильщика по голове ногой за то, что тот

успел на Стене. Белый разжал руки и упал вниз. Или он забыл привязать себя, или Худой отвязал его, но он упал. В Туман. А когда тройки вернулись в пещеру, я увидел Черного. Я увидел его со спины. Он пришел в пещеру и забрал Худого.

– Ты видел, как он забрал Худого? – спросил Каин.

– Нет, – ответил я. – Я видел, как он прошел в его сторону. А утром Худого уже не было. И тогда на Стену послали меня и Ворчуна. Ворчун до этого изготавливал остря. А я тогда еще был никем.

– А Легкий видел, как Черный забирал Худого? Он ведь уже тогда был первым в тройке?

– Легкий сказал, что не мог быть рядом с Худым в ту ночь. Ему стало холодно, как будто он поднимался по ледяной Стене. Он ушел с их места. В ту ночь он был вместе с тройкой Мокрого.

– Понятно, – Каин вздохнул и хлопнул меня рукой по колену. – Ты можешь поднять меня?

– Да, – сказал я.

– Помоги мне, – он обхватил меня за шею. – Подтащи меня к выходу.

– Ночью? – удивился я.

– Да, – сказал Каин. – Не бойся, тащи.

Я обнял его, встал и внезапно почувствовал, что он почти ничего не весит. Или весит меньше, чем мне приходилось каждый день поднимать на спину. Ворчун смеялся, что если

по остриям прошел Сет с заплечной сумкой, это гарантия, что каждое острие выдержит не меньше, чем двух Ворчунов. Теперь я нес Каина, который был самым старым в пещере.

Я прижимаюсь к Стене, стараясь не думать о том, как больно лямки режут плечи, а грани острий – пальцы и ступни. Но сверху вновь раздается голос Легкого. Он повторяет:

– Разве может быть что-то хуже?

Я должен что-то ответить. Поднимаю глаза и спрашиваю у него сам:

– Ты спросил бы об этом у тех, кого забрал Черный.

– Ворчун, – говорит Легкий, – как ты думаешь, если Черный захочет сделать с нами что-то похожее на то, что делают птицы, муравьи или черви, не стоит ли мне воткнуть ему острие в живот?

– А я с удовольствием забью его глубже, – отвечает Ворчун.

– Пускай попробует подойти к нам, – смеется Легкий.

– Я не хочу говорить об этом, – шепчу я и повторяю громче. – Слышите? Я не хочу говорить об этом!

– Сет. Еще острия Легкому, – говорит Ворчун.

Я остановился перед последним поворотом. Из-за угла падал призрачный свет. Я никогда не видел Стену ночью. В пещере всегда темно, только чуть флуоресцируют можжевеловые ягоды, лежащие на полу. Но днем ягоды гаснут, и

все идут к выходу. Тройки, чтобы лезть на стену. Остальные, чтобы делать каждому свое дело. Жевать, сшивать, скалывать, плести и так далее. Каждый день. Только некоторые не выходят к Стене. Например, Каин.

– Ну? – спросил Каин.

– Я боюсь, – ответил я.

– Брось меня, дальше я доползу сам, – сказал Каин.

– Нет, – я мотнул головой и сделал шаг вперед.

– Что говорил тебе Молох? – спросил Каин. – То, что Туман ночью клубится у входа? Что птицы сидят на краю пещеры и ждут возможности выклевать твои глаза? Спросил бы ты его, а видел ли он это сам?

– Я спрашивал, – сказал я и сделал еще несколько шагов.

– И что он тебе ответил?

– Он сказал, что для того, чтобы знать, не обязательно видеть.

– Да? – мне показалось, что я увидел в этом ужасающем полумраке, как Каин приподнял брови. – Интересно... И все-таки, если можно увидеть, зачем же от этого отказываться? Ну вот, смотри...

И я посмотрел. Каин подполз к самому выходу и высунулся наружу, а я смотрел на небо, или на то, что когда-то давно какой-то неизвестный мне называющий назвал небом и не мог сказать ни одного слова.

– Что это, Каин?

– Это звезды, Сет. Когда-то давно именно я назвал эти

бесчисленные точки, похожие на россыпь светящихся ягод можжевельника, звездами. Но никто не знает этого слова. Потому что никто не решается выйти ночью к Стене.

– Они боятся Черного, – сказал я.

– Черного нет, – ответил Каин.

– Ну? – Ворчун протягивает ко мне руку. Я вздрагиваю и торопливей чем обычно делаю движение рукой в сторону сумки. Локоть ударяется о Стену, я покачиваюсь, нога соскакивает с острия, но уже в следующее мгновение Ворчун ловит меня за шиворот и удерживает в воздухе.

– Успокойся, – у него удивительно тихий голос. – Успокойся. Ногу ставь на острие, носком внутрь за веревку. Руку сюда. Выше. Хватайся. Вторую руку продевай локтем под веревку и выводи кисть с этой стороны. Держи себя за рубище. Вторую ногу ставь. Вон на тот выступ. А теперь медленно и аккуратно давай острия.

Я медленно и аккуратно завожу руку за спину и достаю очередные три острия. Капли пота скатываются со лба, противная слабость поселяется в коленях. Смотрю вверх и вижу точно такие же капли на лбу Ворчуна. Он отпускает мой балахон и забирает острия.

– Легкий, – говорит он вверх. – Смотри-ка. Две руки, две ноги, к тому же моя рука на балахоне? Получается три точки и еще две. Опять правила не соблюдаются. Я уже не говорю о самом главном правиле – терпи, терпи и опять терпи. Оно окончательно забыто.

– Удивляет только то, – отзывается сверху Легкий, – что при этом он еще и боится Черного.

– Черного нет, – внезапно говорю я.

– И птиц нет, – смеется вверху Легкий. – Тебе они при-
снились, Сет. А шею и затылок ты натер о пол пещеры. Во-
рочался ночью.

– Может быть, ты скажешь, что и муравьев нет? – поворачи-
вается Ворчун.

Он улыбается, и сквозь лохмотья кожи на скулах я вижу желтую кость. От этого его улыбка кажется еще ужаснее. Она разделяет его лицо на две части, от уха до уха. Злой рассказывал, что та тройка, которая была до него, однажды попала на муравейник. Когда они не вернулись, новая тройка пошла по их маршруту. Они поднялись на половину дневного пути и увидели потерянную тройку. От них остались только кости, так их обглодали муравьи. Они висели на веревках ниже муравейника. И на их лицах были такие же улыбки.

– Они смеялись над нами, – говорил Злой, – потому что их путь был окончен.

Злой, Шалун и Мокрый поспешили назад. С тех пор Мокрого зовут Мокрый, потому что на Стене он покрывается каплями жидкости. Руки у него становятся влажными, и чтобы не сорваться, он постоянно трет ладонями о каменную поверхность.

– Муравьи есть, – говорю я в лицо Ворчуну, – а Черного нет.

– Черного нет, – сказал Каин.

– Как же так? – я старался говорить спокойно, но где-то в глубине верил каждому слову Каина. – А как же правила подъема по Стене?

– Правила? – Каин поднял с пола ягоду можжевельника, раздавил ее двумя пальцами, и кончики их засветились в полумраке. – Смотри, светятся. Но пальцы при этом жжет. Если немного подумать, можно догадаться, что сок ягод чем-то напоминает слизь. Если еще подумать, ты вспомнишь, о чем говорят правила. Нельзя вырывать можжевельник из стены с корнем, потому что под корнями часто обнаруживаются гнезда слизи. Ягоды, растения, слизь. Ты чувствуешь, что во всем этом есть какая-то связь?

– Слизь бывает не только там, где растет можжевельник, – возразил я. – Она может быть где угодно.

– Вот, ты уже начинаешь думать, – согласился Каин. – Только не останавливайся. Слизь бывает не только там, где растет можжевельник. Но там где он растет, она есть почти всегда. Это говорит только о том, что можжевельник питается слизью.

– Питается? – я не понял этого слова. – Каин, ты сказал «питается»? Что значит «питается»?

– Есть еще много слов, которые трудно понять, – сказал Каин. – Многое мне объяснил Пан. Еще до того, как он ушел. Он был очень умен. Он знал больше, чем говорил. Но что-то он мне рассказал, потому что я был способен слушать. Многое, но не все. Когда я спрашивал его, почему он не говорит

мне всего, он отвечал, что каждый должен сам пройти свой путь.

– А как же пройдут свой путь те, кто не выходят на Стену, например ты? – спросил я.

– У каждого свой путь, – повторил Каин. – И когда ты, Сет, висишь на Стене с сумкой за плечами, твой путь не только в том, чтобы подняться вверх вслед за Легким и Ворчуном и найти новую пещеру, рошу можжевельника, удобный барьер. Накормить своим телом муравьев, птиц или червей, сгореть в слизи, свалиться в Туман или уйти по Стене. Твой путь в том, что ты думаешь. Твой путь в твоих мыслях.

– Я не понимаю, Каин, – сказал я. – Опять новое слово, «накормить». Что это?

– Когда ты возвращаешься вечером в пещеру, из твоих ран на ногах и на руках течет кровь. Если на тебя напали муравьи, птицы или черви, этих ран больше. Но если твои сухожилия не повреждены, утром от твоих ран остаются только белые шрамы. Почему же тогда они не заживают прямо на Стене? Пещера дает тебе силу. Ты прислоняешься к стенам пещеры и засыпаешь, или, если не спишь, просто чувствуешь, как в тебя вливается сила. Вот, что значит накормить, питаться. Но те существа, которые нападают на нас на Стене, не имеют такой пещеры, они питаются твоим телом, отбирая у тебя, таким образом, часть того, что дала пещера.

– Значит, когда правила говорят нам, терпи, терпи и еще раз терпи, это означает, что мы обязаны кормить своими те-

лами муравьев, птиц и червей? – спросил я.

– Это обозначает только то, что мы обязаны терпеть, – сказал Каин. – Но не для того, чтобы кормить кого бы то ни было. Просто, когда терпение оканчивается, происходит то, что произошло с Худым. Тот, кто не терпит, чернеет и проваливается сквозь Стену.

– Значит Черный... – начал я.

– Да, – сказал Каин, – Худой и стал Черным. Так же как и каждый, кто перестает терпеть.

– Но как же правила? – спросил я.

– Правила? – переспросил Каин, – Всего лишь способ не стать Черным, не свалиться со Стены. Правила это опыт тех, кто был до тебя.

– Каин, – я посмотрел на небо, которое мне не казалось уже удивительным, потом на Каина, который так безвольно полулежал в проходе, что живыми были только его глаза. – Каин, давай я отнесу тебя обратно. Это слишком много для меня. Так много, что я даже не знаю, о чем теперь думать.

– О чем думать? – Каин усмехнулся, приподнимая непослушное туловище на руках. – Думай о чем-нибудь важном. Например, о том, можно ли добраться до конца Стены?

– Впереди можжевельник!

Это голос Легкого. Я отстраняюсь от стены на полусогнутых руках и пытаюсь рассмотреть, что там вверху. Можжевельник – это очень важно. Можжевельник – это вкрапления мягкого грунта в скалы, это веревки, кора, можжевельные ягоды. Возможно, это пещера. А пещера – это отдых и новички. Новички, у которых нет имен.

– Легкий, я не вижу!

Это Ворчун. Он тоже пытается отстраниться от Стены, но делает это с опаской. Легкий не сможет удержать его за балахон так, как это Ворчун сделал со мной.

– Не дергайся, – говорит Легкий. – Это рядом. Я вижу только самые верхушки, но они близко. Кажется, впереди барьер. Еще две тройки острий, и мы на краю. Сет, ты согласен обойтись без отдыха до барьера?

Этот возглас обращен ко мне. Какая мне разница? Мое дело нести сумку и подавать острия. Для меня ничего не меняется. И во время подъема и во время отдыха я все так же распластываю тело на каменной поверхности, стараясь уловить и удержать зыбкое состояние опоры и равновесия. Вместо ответа я осторожно поднимаю правую ногу и ставлю ее обратно, но сдвинув в сторону ступню на ширину пальца. Лезвие прилипает к ноге. Что ж. Кровь сворачивается и под-

сыхает. Значит, пока все нормально. К вечеру, когда придет пора возвращаться в пещеру, я переступлю так много раз. Ноги покроются коркой засохшей крови и будут постукивать при касании острий. Вот если бы они были не так остры... Ворчун говорит, что это свойства породы. Каменные пластины раскалываются только таким образом, а если пытаться стесывать острые грани, тогда они разрушаются и становятся непригодны для использования на Стене. Другое дело барьер. Там можно не только стоять, но и лежать. Барьер даже лучше, чем уступ. Уступ, как правило, мал. Хотя главное, все-таки, это пещера. Или конец Стены?

– Каин?

– Это опять ты?

Я рассыпал горсть ягод можжевельника и в их слабом свете увидел его лицо. Он внимательно смотрел на меня, но его руки продолжали даже в темноте выполнять работу. Каин сплетал веревки.

– Каин, я не могу думать о том, можно ли добраться до конца Стены. Я не могу представить себе конец Стены.

Он помолчал, продолжая быстро и уверенно двигать пальцами, затем вновь посмотрел на меня.

– Ты готов к тому, чтобы удивиться? Что, если я помогу тебе представить то, во что ты не веришь? То, что ты считаешь невозможным?

– Разве можно представить то, чего нет?

– Не знаю, – Каин посмотрел на меня, удивленно приподняв брови. – Кстати, именно этим вопросом задавался Пан. Он считал, что все, что он может себе представить, где-то есть. Поэтому он очень много думал. Скажи мне, ты можешь себе представить очень широкий барьер?

– Могу, – сказал я. – У прошлой пещеры был очень широкий барьер. В одном месте мы могли идти три шага рядом с Ворчуном, и если бы навстречу попался кто-то из другой тройки, нам не пришлось бы делать шаг в сторону.

– Нет, я говорю не об этом, – Каин нахмурился. – Скажи, сколько шагов в длину эта пещера? От входа и до самого дальнего зала. До того места, где спит Молох?

– Я не считал, – задумался я. – Пещера довольно длинна. Злой говорил, что это самая длинная пещера, которую он помнит. А он раньше всегда занимался расчисткой мягкого грунта. Он искал новичков. Когда был расчищен последний зал, Злой сказал, что это очень длинная пещера. Если бы мы ползли по Стене на такую длину, нам потребовалось бы два дня.

– Хорошо, – сказал Каин. – Представь себе, что ты поднимаешься на барьер. На очень широкий барьер. Его ширина несколько дневных переходов. Его ширина много дневных переходов. Представляешь?

– Таких барьеров не бывает, – я закрыл глаза, пытаюсь представить этот барьер. – Таких барьеров не бывает, мне сложно.

– И все-таки, – Каин был настойчив, хотя глаза его были грустны. – Ты выбрался на такой широкий барьер. Чтобы ты стал делать дальше?

– Дальше? Я бы пошел по этому барьеру вперед, к Стене, чтобы подниматься и искать пещеру.

– А если бы впереди не было Стены? Если бы впереди не было видно Стены? Иначе говоря, если бы барьер не заканчивался Стеной?

– Я не знаю.

Каин закрыл глаза. Его пальцы замерли.

– Разве Злой не говорил тебе, что каждый из чистильщиков, из тех, кто расчищает пещеры и уходит все дальше вглубь, мечтает увидеть другую сторону Стены?

– Разве у Стены есть другая сторона? – спросил я.

Каин открыл глаза.

– Я много думал об этом. Думаю, что у Стены нет другой стороны. И то, что говорят чистильщики, это всего лишь мечта. Мечта о том, что есть другая сторона без Тумана. Если бы у Стены была другая сторона, тогда на конце Стены, на противоположном краю того широкого или узкого барьера, если подойти к краю и нагнуться, можно было бы увидеть ту, другую сторону.

– Наверное, когда Солнце прячется за Стену, оно освещает ее с другой стороны? – спросил я.

– У Стены нет другой стороны, – устало повторил Каин. – У Стены нет конца. Пан тоже думал об этом. О том, почему

Солнце летом идет почти посередине неба, а зимой прячется где-то в Тумане. О том, что много пещер назад, как передавали раньше друг другу те, кто называет, Солнце было выше, чем теперь.

– Это и понятно, – сказал я. – Ведь мы поднимаемся, значит, Солнце становится ниже.

– В таком случае, мы будем ползти по Стене так долго, пока Солнце не останется далеко внизу и не наступит вечная зима. И все это потому, что причина нашего подъема не вверху, а внизу, – сказал Каин.

– Что же делать? – я беспомощно смотрел на Каина.

– Самое простое, продолжать ползти вверх, – он улыбнулся. – Выбор не так велик. Если ты нарушаешь правила, ты становишься Черным и проваливаешься, исчезаешь, таешь. Как говорили раньше и говорят, тебя забирает Черный. Не думаю, что он забирает в лучшее место, чем это. Если ты падаешь со Стены, бросаешься в Туман, если ты погибаешь на Стене, и в Туман тебя сбрасывает кто-то иной, рано или поздно тебя найдут в новой пещере. Ты не будешь ничего помнить, тебе дадут новое имя и твой путь продолжится.

– А как же уйти по Стене? – спросил я.

– Уйти по Стене? – Каин нахмурился. – Все говорят, что можно уйти по Стене. Но я не видел, чтобы кто-то ушел по Стене. Пан не верил, что можно уйти по Стене. Он не успел рассказать мне почему, но он был уверен, что у Стены нет конца. Более того, он считал, что Стены нет. Потому что ес-

ли Стена есть, значит, кто-то подгоняет нас снизу Туманом, кто-то подбирает наши трупы и поднимает их вверх, чтобы оживить и присыпать грунтом в новых пещерах. Пан очень много думал, но даже он не ушел по Стене. Его убил Туман.

– Он упал со Стены? – спросил я.

– Нет, – Каин вздохнул, – Он потребовал, чтобы мы опустили его вниз на веревке. Он сказал, чтобы мы опускали его до тех пор, пока он не дернет за веревку. И мы сделали это. Туман как обычно стоял внизу на границе одного дневного перехода. Мы опустили его вниз. Он еще цеплялся руками за старые острия, по которым мы пришли в ту пещеру. Потом он закричал и дернул веревку. И мы подняли вверх то, что осталось от Пана. У него не было ног, а все остальное, вплоть до плеч, обуглилось. Он продолжал гореть, когда мы его подняли. Он умер не сразу. Сказал, что Туман очищает Стену. Что Туман сжигает, как жидкая слизь. И что ниже Тумана нет ничего.

– Как ничего? – спросил я.

– Ничего, – ответил Каин, – Совсем ничего.

– А потом? – спросил я.

– А потом Пан почернел у нас в руках и исчез. А вся наша тройка на следующий день упала со Стены. Мы все думали, что обязательно найдем конец Стены. А потом Ловкий, ты его знаешь, теперь это Судорога, нашел старые острия.

– Вы опять спускались вниз? – спросил я.

– Нет, – Каин закрыл глаза и облизал губы. – Мы под-

нимались. Наш подъем пересекали старые острия. Сначала я не понял. Полоса острий тянулась поперек. Словно кто-то поднимался не вверх, а от восхода Солнца на закат. На этих остриях были обрывки можжевелевой веревки. Обгоревшие. Такие же, как веревка на теле Пана, когда мы подняли его из Тумана. Ловкий прошел по этим остриям, но когда на них наступил Грязный, они сломались. Ты же знаешь, что на острия можно наступать только с ребра, сбоку они хрупки. Грязный был очень тяжел. Пожалуй, что он был много тяжелее Ворчуна. Острия сломались, и мы полетели вниз.

– И что? – не понимая спросил я.

– Ничего, – ответил Каин, – Когда я летел, я думал, что вот теперь не дойду до конца Стены. Теперь я думаю, что у Стены нет конца.

– Сет. Еще остря Лягкому.

Я медленнo поднимая руку, завожу за спину и нащупываю в заплечной сумке три остря, связанные друг с другом волокнами можжевельника. Ворчун берет их и передает вверх, и почти сразу на мой колпак опять начинается сыпаться песок.

– Птицы, – говорит Ворчун.

Я невольнo вздрагиваю, поднимаю глаза на Ворчуна, затем, следуя его взгляду, смотрю влево. В той стороне, где застыли маленькие фигурки левой тройки, кружатся точки птиц. Я не могу рассмотреть, что там происходит, и поворачиваюсь к Лягкому. У него самые сильные глаза. Лягкий почти повисает в воздухе, отстраняясь на полтуловища от Стены, вглядывается, затем продолжает движение вверх.

– Ну, что там? – нетерпеливо спрашивает Ворчун.

– Все то же, – отвечает Лягкий. – Птиц много. Больше, чем три тройки. Кажется, они всерьез добрались до Злого. Боюсь, что им потребуется новый носильщик.

– Злой слишком медлителен и глуповат, чтобы догадаться, хотя бы прикрыть шею рукой, – говорит Ворчун и достает из-под рубища припасенное остря. – Пусть попробуют напасть на меня.

– Хватит говорить, – отвечает Лягкий. – Радуйся, что Злой

толст, и птицам придется потратить на него много времени. Продолжаем подъем. Если впереди барьер, нам будет легче укрыться.

Однажды ночью я пришел к Молоху. Почему-то я не любил его. Я долго думал об этом, пока, наконец, не понял, что всему причиной его нелюбовь ко мне. Я стал тем, кто называет. А Молох, несмотря на то, что всем говорил, будто он должен уйти по Стене, никуда не ушел. Но эти его слова – «уйти по Стене», не давали мне покоя. И я пришел к Молоху. Он не спал. Он как всегда находился в самом дальнем конце пещеры. На полу были рассыпаны ягоды можжевельника, лежала куча можжевелевой коры. Молох растирал эту кору между ладонями до получения пучка тонких воздушных волокон и откладывал их в сторону. У него были потрескавшиеся от работы ладони. И из этих трещин безостановочно выступала кровь.

– У тебя кровь не сворачивается, – удивленно сказал я.

– Это от можжевелевой коры, – сказал Молох. – Она не дает крови сворачиваться. Поэтому я не могу работать всю ночь. Мне приходится останавливаться, иначе я потеряю сознание.

Он поднял на меня глаза, отбросил в сторону еще один пучок волокон.

– Говорю это тебе, Сет, чтобы ты не думал, будто я не пошел на Стену из-за желания более легкой участи для себя.

– Я хотел спросить тебя не об этом, – сказал я. – Ты совсем мало говорил со мной. Скажи мне, что такое «уйти по Стене»?

– Я не знаю этого, – ответил Молох и взял в руки новый кусок коры.

– Подожди, – я присел рядом с ним. – Но ты же всем говоришь, что можно уйти по Стене! Как же ты можешь говорить мне, что не знаешь этого?

– Я знаю, что можно уйти по Стене, – сказал Молох, продолжая ритмично шевелить ладонями. – Но я не знаю, что такое – уйти по Стене.

– Молох! – я начал волноваться. – У меня очень много вопросов. Куда можно уйти по Стене? Как уйти по Стене? Нужно ли для этого быть на Стене? Или надо быть в пещере? Ответь мне то, что сможешь.

Молох отложил недорастертый кусок коры, сдвинул перед собой в кучу ягоды можжевельника, прищурился в их свете и пристально посмотрел мне в лицо.

– В пещере? Нет ничего, кроме Стены. Любая пещера, так же как и любой уступ – это часть Стены. Так же как нос на твоём лице и отверстия в твоём носу это часть твоего лица. Нет ничего. Есть только Стена. И ты, и я, все мы части Стены. Разве не из Стены мы достаём тех, кого Стена забрала у нас? Разве не Стена даёт нам силы и заживляет наши раны по ночам? Каждый из нас и есть Стена. И главное, это слиться со Стеной.

– Молох, – сказал я. – Я пытаюсь слиться со Стеной каждый день. Любой из нас стал бы ее частью, чтобы не бояться тумана, червей, птиц, муравьев, Черного. Но я не понимаю фразы «уйти по Стене».

– Мы обязаны бояться, – нахмурился Молох, – Если Стена хочет, чтобы мы боялись, мы обязаны бояться. И если кто-то не хочет бояться, Стена пришлет за ним Черного.

– Я знаю, – я замолчал на мгновение, потому что руки Молоха даже уже без коры, продолжали ритмично двигаться, как бы растирая воображаемые волокна. – Я знаю правила подъема по Стене. Но ты ничего не рассказал мне кроме правил. Что сказал тебе предыдущий тот, кто называет? Что стало с ним?

– Я не знаю, – Молох закрыл глаза. – Я зол на него. Его звали Влас. Он тоже много думал. И он не перестал быть тем, кто называет, хотя тем, кто называет, стал я. Он стал грязным жевальщиком, но продолжал давать имена. Когда у него выпали все зубы, и десны стерлись до кости, он, наконец, не смог больше говорить. А потом он исчез.

– Может быть, его забрал Черный? – спросил я.

– Вряд ли, – не согласился Молох. – Когда должен придти Черный, Стена присылает холод. Ничего этого не было. Просто однажды его не нашли. Возможно, что когда Влас не смог говорить, он спрыгнул в Туман.

– А что он говорил тебе, когда мог говорить? – спросил я. – Ведь ты спрашивал его, как уйти по Стене?

– Спрашивал, – ответил Молох. – Он отвечал мне сложно. Он любил говорить сложно. Он сказал, что слова «уйти по Стене», обозначают именно это, «уйти по Стене». И не надо искать в этой фразе тех слов, которых в ней нет.

– Но ведь он сказал тебе, что нужно для этого? Ведь даже подниматься по Стене нельзя без острий и веревок?

– Сказал, – Молох вновь открыл глаза. – Он сказал, что у всех нас то, что надо – есть внутри. Но оно маленькое и незаметное. Его надо найти, вырастить и воспользоваться им. И для этого вовсе не обязательно висеть на остриях. А теперь уходи. Мои ладони болят. Я должен привести их в порядок.

– В твоей части пещеры очень холодно, Молох, – сказал я ему, уходя.

– О чем ты ворчишь, Ворчун? – спрашиваю я.

Мы сидим на краю каменного барьера. Он довольно широк. Легкий откидывается назад и трогает тонкими содранными в кровь пальцами продолжающую выше Стену. Барьер тянется почти до правой и до левой тройки в обе стороны. Выше него на Стене зеленеет роща можжевельника. Под корнями кустов и вокруг них белеют пятна мягкой породы. Любое из этих пятен может оказаться новой пещерой. Солнце пылает за нашими спинами, и камень начинает жечь тела даже сквозь рубища. Мы будем отдыхать так еще одну ладонь пути Солнца по небосклону, а затем попытаемся подняться и углубиться в одно из этих пятен. Если обнаружим некоторое подобие пещеры, то останемся в ней на Стене, и завтра к нам придет тройка Смеха, а затем чистильщики и все остальные. Если Туман не опередит их. Тройка Мокрого не придет. Ее больше нет. Когда мы поднялись на барьер, Легкий пригляделся и сказал, что тройки Мокрого на Стене он не видит. Хотя, может быть, им удалось укрыться в какой-то расщелине?

– О чем ты ворчишь, Ворчун? – повторяю я свой вопрос.

– Он не ворчит, – внезапно говорит Легкий. – Он поет.

– Поет? – удивляюсь я незнакомому слову, но тут же понимаю и соглашаюсь, конечно же, он поет!

– Легкий! Ты тот, кто называет? – спрашиваю я.

Ворчун поднимает глаза на Легкого. Он смотрит на него с благодарностью. И еще что-то есть в этом взгляде. То, чего я не понимаю. Легкий хмурится и недовольно машет в мою сторону рукой. Затем встает и говорит Ворчуну:

– Я посмотрю, что там с тройкой Мокрого.

Он легко, почти бегом удаляется по барьеру, а я недоуменно спрашиваю у Ворчуна:

– Почему Легкий пошел в сторону тройки Мокрого? Ведь каждая тройка может двигаться только вверх или вниз. Мы не должны уходить в сторону.

Ворчун перестает ворчать или петь и смотрит на меня недовольно:

– Каждое утро, когда тройка выходит из пещеры, она идет по галерее, которую сделали те, кто перерабатывает породу на острия. Почти каждое утро каждая тройка должна двигаться в сторону, чтобы начать новый маршрут.

– Но ты же знаешь, Ворчун, что правила запрещают подниматься от старой пещеры вверх более чем на три дневных перехода. Поэтому в поисках новой пещеры нам постоянно приходится уходить в сторону.

– А когда ты поднимаешься вверх и попадаешь на отвесный выступ? Иногда нам приходится на одну или две тройки уходить в сторону. А как же обходить муравейники? Что об этом говорят твои правила?

Ворчун смотрит на меня. Он не улыбается. Но сквозь лох-

мотья его щек, там, где кончаются сомкнутые зубы, я вижу черноту спрятанной усмешки. Благодаря тому, что эта усмешка видна у Ворчуна, я теперь знаю, что такая спрятанная усмешка есть у каждого. И я пытаюсь улыбнуться ему в ответ.

– Каин! – позвал я в темноту.

– Да, – отозвался он.

– Ты не на своем обычном месте?

– Отполз немного, тренирую руки. Рано или поздно вы найдете новую пещеру, я не хотел бы быть обузой. Вам придется поднимать меня и других, кто не сможет подниматься сам.

– Ворчун донесет тебя, – сказал я.

– Ворчун сильный, – согласился Каин, – Но я тоже все еще чего-то стою.

– Даже Сутулый не сможет подниматься сам, – не согласился я. – Хотя у него есть одна нога. Ты не сможешь подниматься на руках.

– Но я смогу повисеть на них, если с Ворчуном что-то случится, хотя бы до того времени, пока придет помощь, – ответил Каин.

Я помолчал некоторое время, затем спросил:

– Зачем тебе помощь? Ты не думал о том, что если упадешь в Туман, окажешься в другой пещере? И у тебя уже не будет сломана спина? Если ты не сам разожмешь руки, если

это произойдет помимо твоей воли, тогда это должно случиться наверняка. В любом случае у тебя не хватит времени, чтобы превратиться в Черного.

Он тоже помолчал, потом тяжело вздохнул.

– Что ты знаешь о времени, Сет? Что ты знаешь о том, куда уходят те, кто превращаются в Черного? Что ты знаешь о том, что чувствуют те, кто оказываются внутри Стены до тех пор, пока, может быть, их не найдут и не откапают? Или ты думаешь, что они ничего не чувствуют? Но отсутствие памяти об этом ничего не означает. Ведь ты же не помнишь ничего из того, что происходило с тобой до того момента, как Молох пытался дать тебе имя? Сет. Сколько переходов ты уже прошел по Стене? Я не хочу начинать с самого начала. Я хочу все помнить.

– Ты жалеешь то, что ты выросл внутри себя?

Он не ответил. Вокруг была темнота, но я чувствовал, что он смотрит на меня.

– Каин, почему ты не рассыпаешь ягоды можжевельника в своей части пещеры? Это позволило бы тебе хоть что-то видеть.

– Видеть?

У него был не злой голос. Он был задумчив.

– Ты думаешь, что ягоды позволяют видеть? А мне всегда казалось, что они сгущают тьму. Я уже привык к темноте. Ты говорил с Молохом?

– Да.

– Ты ничего не заметил?

– У него очень холодно.

– Он превращается в Черного, Сет.

– Почему? Он ничего не делает против Правил. Я был у него. Он готовит волокна, из которых плетут одежду. У него руки в крови от работы.

– Ты считаешь, что руки в крови – это хорошо? – спросил Каин.

– Я не знаю, – ответил я.

– Он приходил сюда, – сказал Каин. – И он показался мне чернее, чем тьма, которая окружает меня. Он пытался узнать у меня, почему я перестал быть тем, кто называет. А я ему ответил, что я не перестал. Он вспоминал Власа, тебя. Говорил, что ты был у него. Говорил, что он тоже не перестанет быть тем, кто называет. Он выращивает в себе Черного, Сет.

– А кого выращиваешь ты? – спросил я.

– Я не знаю, – сказал Каин.

– А кого выращивал Влас? – спросил я.

– Я не знаю, – сказал Каин.

– Но Влас ушел по Стене?

Каин молчал. Я сел, прижался к стене пещеры и как всегда почувствовал облегчение. Она что-то давала мне, эта стена пещеры. Она затягивала мои раны, она добавляла крови в мое тело. Мне даже стало легче дышать.

– Молох сказал мне, что я очень хорошо устроился, – сказал вдруг Каин. – Что у меня легкая работа. Что, пытаюсь

вырастить в себе что-то, я нарушаю правила.

– И какое же правило ты нарушил? – спросил я.

– Правило терпеть.

– Разве ты не терпишь? – удивился я. – Ты самый старый в пещере, значит, тебе пришлось терпеть больше всех.

– Молох сказал, что я не должен выбирать, что мне терпеть. Или нет. То, что я должен был терпеть худшее. Он сказал, что я должен был стать жевальщиком и жевать стебли можжевельника, пока все мои зубы не выпадут, и десны не сотрутся. Затем я должен был стать переработчиком породы на острия. Ведь руки-то у меня крепкие. Я должен был разбивать свои пальцы до тех пор, пока от моих ладоней не останутся окровавленные обрубки. А потом я должен стать чистильщиком и локтями отгребать породу из дальних закоулков пещер, пока не попаду на гнездо слизи или не погибну, присыпанный оползнем. А я выбрал себе самое лучшее. Я плету веревки.

– Ты плетешь отличные веревки. Ни одна веревка с тех пор, как ты стал плести веревки, не лопнула. Об этом говорят во всех тройках.

– Я знаю, – ответил Каин. – И все-таки Молох в чем-то прав.

– Влас ушел по Стене? – вновь спросил я Каина.

– Не знаю, – ответил Каин. – Но незадолго до исчезновения он приходил ко мне. Влас уже почти совсем не мог говорить, но пытался что-то сказать. Я понял, что у него внутри

поселилась боль, которая не отпускает ни на минуту. Он говорил, что эта боль сродни той, которая преследует всех нас здесь почти каждое мгновение, но его боль не прекращается даже ночью. И эта боль увеличивается. Я ответил ему, что боль, которая живет в моей сломанной спине и которая не дает мне заснуть ни на мгновение, которая раздирает мое тело, тоже преследует меня, но она не становится больше. Может быть, к боли надо привыкнуть, спросил я? К боли нельзя привыкать, ответил Влас. А потом положил руки на мою спину, и на какое-то время, впервые, боль меня покинула. И я даже смог уснуть. Больше я его не видел.

– Значит, он выращивал внутри себя свою собственную боль? – спросил я.

– Может быть, – ответил Каин. – Молох тоже выращивает внутри себя боль, но он чернеет от этой боли, а Влас светлел. Он немного светился в темноте, Сет. С тех пор я не пользуюсь ягодами можжевельника. Я все жду, когда кто-то светящийся подойдет ко мне в темноте, и тогда я спрошу его, как уйти по Стене.

– Тройки Мокрого больше нет.

Это Легкий. Он стоит на барьере, прижавшись спиной к Стене, и смотрит на Солнце. Наверное, от его яркого света у него слезятся глаза. Нам очень редко приходится смотреть на Солнце. Оно сжигает наши спины, раскаляет Стену, немного согревает ее, когда наступает холод, но смотреть на него больно. Или и это тоже та боль, которую нужно терпеть?

– Тройки Мокрого больше нет, – повторяет Легкий. – Там были не только птицы. Там были и черви. Там отверстия от их нор. У Злого почти полностью отклевана голова. Она болтается на одной коже. И он высосан червями без остатка. Он привязал себя к остриям, поэтому все еще там. Мокрого и Шалуна нет.

– Они упали? – спрашивает Ворчун.

– Не знаю, – отвечает Легкий. – Стена вымазана в крови. Возможно, они пытались уйти от червей, поэтому сняли с себя веревки. Они отвязали себя от Злого. Вряд ли им удалось уйти.

– Они нарушили правила, – говорит Ворчун и, повернувшись ко мне, повторяет. – Они нарушили правила, но что бы дало им их выполнение? Они упали в Туман. Если бы они висели на Стене и ждали, пока черви высосут из них все кроме кожи и костей, они были бы более правы?

Я молчу. Легкий делает шаг вперед, прикрывает глаза ладонью и смотрит в сторону тройки Смеха.

– Они поднялись выше нашего уровня уже на три острия, – говорит он и поворачивается к Стене.

– Будь проклята эта Стена, – говорит Ворчун. – Она убивает нас, потому что это доставляет ей удовольствие.

– Она оживляет тех, кто погиб. Она дает нам силы. Она лечит наши раны, – отвечаю я.

– Для того, чтобы еще раз убить нас, – говорит Ворчун.

Легкий внимательно смотрит на Стену, затем хватается рукой за еле заметный выступ, ставит ногу на следующий и вот уже поднимается на высоту роста. Ворчун берет у меня острия, передает одно из них Легкому и тянет веревку от края барьера к новому подъему. Затем поднимает камень и забивает первое острие, которое вставил Легкий. Я тоже подхожу к Стене. Еще несколько ударов, и придет моя очередь ставить разбитые ноги на каменные острия. Легкий направляется к большому белому пятну мягкой породы, которое находится прямо над нами на две тройки острий левее можжевеловой рощи. По правилам он должен провести подъем в стороне от пятна, чтобы средний из тройки проверил возможность расчистки породы. Если порода мягкая и уходит вглубь Стены, вероятность того, что это новая пещера, очень велика.

Легкий движется быстро. Ворчун забивает очередное острие и медленно поднимается вслед за ним. Я оборачива-

юсь и вижу внизу полосу барьера. Мне не хочется удаляться от него. Я никогда не лежал на солнце. Мне никогда не удалось дать отдых ногам на Стене. Сумка все так же тяжела и так же тянет меня вниз, но если я упаду сейчас, возможно, попаду на барьер и останусь в живых. Для того чтобы вновь подниматься и двигаться вверх по Стене.

– Сет. Еще острия Легкому.

Я медленно поднимаю руку, завожу за спину и нащупываю в заплечной сумке три острия, связанные друг с другом волокнами можжевельника. Еще немного. Вот Легкий уже достиг пятна. Он даже склоняется, чтобы коснуться рукой, но Ворчун строг. Это его дело.

– Не трогай, – кричит Ворчун, и Легкий послушно поднимается вверх. Он прилаживает еще два острия, забирается на небольшой козырек, нависающий над пятном, и цепляет там веревку. Ворчун продолжает работать камнем, и вот уже и он поднимается на уровень пятна. Он закрепляет левую руку в веревочной петле, засовывает левую ногу под веревку, ставит на острие, а правую медленно тянет к нижнему краю пятна. Делает несколько движений пальцами ног и начинает довольно улыбаться. Сдвинутый им грунт падает вниз, подхватывается легким ветерком и попадает мне в глаза и рот. Я тоже улыбаюсь. Кажется, это действительно пещера. Ворчун начинает правой рукой выгребать породу. Легкий смотрит на то, что делает Ворчун, свесившись с козырька, а я смотрю мимо Легкого. Серая, кое-где покрытая выступами и расще-

линами, Стена уходит вертикально вверх. Где-то там вверху она смыкается с ослепительно синим небом. И она никогда не кончится. Сейчас я почти уверен в этом.

– Слизь! – истошно кричит Ворчун.

И я вижу, что по внутренней стороне козырька, поблескивая и шевелясь, ползет язык слизи. Не маленькое гнездо, которое в худшем случае может сжечь ногу или отжечь руку, а огромный язык шириной со спину Ворчуна. Слизь медленно выбирается из песка и ползет в сторону Легкого. А Легкий не движется. Он смотрит на этот язык и не шевелится.

– Легкий! – орет Ворчун.

Бесполезно. Легкий зачарованно смотрит на переливающуюся блестками поверхность слизи и не шевелится. Вот почему Сутулый стоял и смотрел, как слизь пожирает его ногу, хотя мог сделать шаг в сторону и потерять только часть ступни.

– Легкий! – орет Ворчун, подтягивается, отклоняется вправо и сжатым в руке острием, приготовленным для защиты от птиц, рассекает поверхность слизи.

И открываясь как огромный рот в месте разреза, капля слизи мгновенно глотает его руку, плечо, половину туловища, ноги, шею, окончательно истекает из песка тонким хвостом и окутывает в дымный кокон сгорающего заживо Ворчуна.

– Легкий! – уже не кричит, а хрипит Ворчун, оборачивается на меня невидящими глазами, захлебывается в пла-

мени, последним усилием воли толкается от Стены ногами и пылающим факелом летит вниз. Только два догорающих конца веревки остаются от него. Один покачивается под козырьком, второй падает и, шипя, гаснет на моем плече.

И Легкий начинает плакать. Он закрывает лицо ладонями. Его плечи трясутся. Слезы текут между пальцами. Он что-то бормочет не своим голосом. Он что-то бормочет жалким тонким голосом. Он говорит о том, что он устал. Что он больше не может так. Он просит простить его и пожалеть, так как жалел его Ворчун. Он повторяет имя Ворчуна. Он сидит на каменном козырьке над входом в новую пещеру, которую подарил нам Ворчун, и плачет. Я смотрю на него и думаю, а что я выращиваю внутри себя? Я смотрю на плачущего Легкого и думаю, что я никогда не видел, как человек плачет. Я видел людей разорванных на части, я видел людей с вывороченными внутренностями и с переломанными костями. Но я никогда не видел плачущего человека. Я смотрю на Легкого и думаю, что вот так в свете Солнца он сам словно начинает светиться. И что слезы на его щеках вспыхивают как ягоды можжевельника. И я вижу, что он начинает светиться на самом деле. А потом Легкий встает со своего козырька, где мгновения назад он сидел окаменевший, не в состоянии шевельнуться под воздействием струящейся слизи, и ступает на Стену. И я вижу, что это не Легкий. Я вижу, что это женщина. Я знаю, что такое женщина. Я знаю ее имя. Я помню ее привычки. Я вспоминаю звук ее голоса. Ее запах. Ее вкус.

Она делает шаг в мою сторону и протягивает руку. И я знаю, что если сейчас возьму ее за руку, то смогу встать и пойти вместе с ней. Она смотрит мне в глаза и ждет.

Но я крепко держусь за Стену. Одна моя нога стоит на нижнем острие. Вторая чуть-чуть выше. Левая рука заведена локтем за можжевелевую веревку, которая последней петлей прихвачена за самое верхнее острие. Правая рука лежит на Стене, готовая перехватиться, двигаться, подавать острия. Три надежные точки опоры. Весь секрет в надлежащем исполнении правил подъема по Стене, и все будет в порядке.

Она смотрит мне в глаза и ждет.

Я крепко держусь за Стену.

И тогда она улыбается. Она грустно улыбается и уходит. В ту сторону, куда мне еще предстоит ползти и ползти. И растворяется в воздухе.

– Сет. Еще остря.

Сет это я. Я носильщик. Я медленно поднимаю руку, завожу ее за спину и нащупываю в заплечной сумке три остря, связанные друг с другом волокнами можжевельника. День только начался, и сумка еще полна. Ее лямки режут мне плечи. Она тянет меня прочь от Стены, поэтому с утра я особенно тщательно распластываю тело на каменной поверхности. Холодный камень прожигает мое тело насквозь, снег слепит глаза, пальцы коченеют на ледяной поверхности, но я крепко сжимаю можжевелевую веревку и думаю. Я думаю о Легком, память о котором выветривается из моей головы с каждым днем. О Ворчуне, которого уже давно нет с нами, и которого я почему-то не люблю. О Каине, который все еще плетет веревки и ждет в темноте пещеры с каменным козырьком неизвестно чего.

2002 год

Пыль

01

По стене ползла муха. Корпус челнока подрагивал, и лейтенанту Уру казалось, что и муха слегка приседала и ловила равновесие, чтобы не свалиться с плекса. Как она здесь оказалась? И перенесет ли стужу, когда распахнется шлюз? В детстве Ур отрывал мухам крылья и насаживал еще живых насекомых на иглы кактуса. Давно уже сгинул и тот дом, и окно, и кактус, а мухи, насаженные на его иглы, остались. Сопливый белобрысый мальчишка с ободранными коленками канул в прошлом, через пару лет в прошлом останется и седой лейтенант, которого многие бойцы базы считают неплохим парнем, все проходит и растворяется в пустоте, только мухи в его голове по-прежнему шевелят ножками на желтых иглах. Интересно, отчего ему всегда становилось холодно именно от этих воспоминаний, а не от тех, в которых приходилось убивать людей?

– Действительно, Белая! – хмыкнул сержант Бак.

Ур бросил взгляд в иллюминатор и с досадой заморгал. Не следовало отщелкивать фильтры, но ледяное царство хотелось рассмотреть, не приглушая его сияния. Ориентировка была точна. Глубокое синее небо с ярким, но крошечным

шариком светила раскинулось над белой пустыней. Редкие скалы в счет не шли. Единственный материк холодной планеты, которую когда-то без долгих раздумий назвали Белой, да изрядную часть омывающего его океана покрывал сверкающий панцирь. Ледяной мирок по экватору кольцевали темные пятна открытой воды, но здесь, в центре безмолвной тверди, морем даже не пахло. «Море» – пробормотал Ур, судорожно сглотнул и представил, что вышибает дверь челнока и вдыхает колючий воздух. Сколько за бортом, если у поверхности до минуса сорока? Нет, здесь он бы не согласился остаться надолго.

– Все будет в рамочке, лейтенант, – Бак бросил в рот пластинку тоника. – У вас же подобное не в первый раз? Или в первый? Слышал я про эти контакты. Шутки и шуточки. К тому же второй доклад тревогу отменил. Парнишка какой-то пошалил. Или я чего-то не понял?

В глазах молодцеватого сержанта поблескивала насмешка. Ур шевельнул сухим языком, погладил заветную фляжку, прикрепленную к запястью, но откупоривать не стал. Поймал углом рта мундштук увлажнителя и сделал глоток воды. Да, все должно пройти как обычно. Рутинка. Опрос очевидцев, которые ни черта не видели. Осмотр места предполагаемого контакта. Потом сочинение обязательного и бессмысленного рапорта. Тоска, которая, к счастью, имеет предел. Как и сама жизнь. А вот персоналу заброшенной во льдах станции не позавидуешь – от дюжины комиссий и тщатель-

ного расследования им уж никак не отвертеться.

– Вы что-то сказали, лейтенант? – прищурился Бак.

В глазах сержанта продолжали мерцать веселые искры, но губы скрывал шлем. Ухмылку прячешь, паршивец? Неужели, правда, что командир базы отправил на этого служаку представление? Вот, кто тебя сменил, Ур. Конечно, у кого еще так блестят ботинки и кто умеет так выпячивать грудь и стучать каблуками при докладе? Ты греешь на груди крысу, капитан Стив Мартон.

На мгновение лейтенант представил, как вбивает всегдашнюю усмешку в глотку мерзавцу, стиснул кулаки, но тут же мотнул головой и, с удовлетворением поймав ненависть в глазах сержанта, медленно окинул взглядом отсек. Не считая двух пилотов, которые аккуратно вели десантную посудинку вдоль зубьев замороженного в лед горного хребта, на внутренних релингах замерли девять человек. Ур был десятым. Еще столько же бойцов остались в планетарном разведчике, который завис на орбите. И остались лучшие: если бы Ур сам набирал команду, то, несмотря на неприязнь к сержанту, взял бы из приданного ему отряда одного Бака, остальных заменил бы проверенными ребятами, этих даже в резерв бы не зачислил, но список утверждал Стив. Когда-то именно лейтенант Мартон натаскивал зеленого еще Ура, гонял подопечного по полосе препятствий и проверял на прочность его ребра в спортзале. Теперь уже и капитанские нашивки стерлись на петлицах Стива до серебра, побелели так

же, как и его виски, и он давно мог бы вернуться домой, даже отправиться на Землю, но отчего-то продолжал спускать собственную жизнь в сливное отверстие спецбазы сектора, словно его все еще некому заменить. Что он теперь делает на орбите? Сберегает персональную гвардию из десяти человек, пока его бывший ученик разгребает очередную кучу дерьма? Отчего он не остался на базе?

Ур сглотнул колючий комок и вернул светофильтры на место. Что-то не давало ему покоя, или уж слишком спокойным показался взгляд Стива перед командой к десантированию? Следовало бы переброситься с ним парой слов, но именно это что-то заставило Ура прикусить язык, а теперь и возможности для разговора не было. Экстренный контроль – есть экстренный контроль. Внезапный выход к объекту, исключение локации и, естественно, молчание в эфире.

– А девчонки там есть? – подал голос верзила Тик.

– Непременно, – хихикнул красавчик Шор. – Забыл про сигнал о контакте? Или ты не знаешь, что все иномиряне женского пола?

– Ага, – скривился новичок Вик. – Потому-то иномирян и называют ушедшими. Ни одна не смогла выдержать любовный пыл такого великана.

– Да я... – сдвинул брови Тик.

– Тихо! – рявкнул Ур.

– А может быть, и нет никаких ушедших? – прищурился Бак. – Что скажешь, лейтенант? Я имею в виду – вовсе нет.

Не могли же они уйти отовсюду? Ну, травка там странноватая попадает, мушки, рыбки, кое-где живность так вообще кишит, а этого... венца творения нигде нет. Кроме нас.

– Нет и не надо, – буркнул Вик.

– А как же сожженные города на мертвых планетах? – оживился остроносый Рав. – А следы катастроф?

– А это мы сами, – с готовностью объяснил Бак. – Из тьмы самозабвения в космос, потом, по обстоятельствам, снова во тьму и опять в космос. От катаклизма к катаклизму. Вот сорвется наша цивилизация в каменный век, покроется, к примеру, вот такой шапкой льда, потеряет память, а потом опять выберется к звездам и что? Будем заново открывать собственные города? Что думаешь, лейтенант?

– Только нам катаклизмов не хватало, – зевнул бронзово-загорелый Кельм.

Ур вздохнул и включил герметик броника.

– Готовимся. На точке через три минуты.

– Ну, так что, командир? – продолжал с едва различимой издевкой щуриться Бак.

– Станция на Белой устроена в бункере ушедших, – отрезал Ур.

Они высыпали на сухой снег в двух километрах от цели. Челнок замер в ледяной ложбине, а боевая группа двинулась к крохотному плоскогорью, оставив с пилотами троих – самых болтливых и безнадежных, как решил Ур – Кельма, Вика и Рава. «Поганая инструкция» – прочитал лейтенант по губам злое бормотанье остроносого, но остался непреклонен. До официального отбоя программы контроля на четверть отряда возлагалась охрана базового лагеря. Семерых для отработки сигнала было достаточно, тем более что второе сообщение не оставляло сомнений – на станции все в порядке.

Бежалось легко. Снег чуть пружинил и скрипел под ногами, оживляя в памяти Ура шелест изолятора, вывалившегося однажды из разорванных взрывом перегородок. Ур даже метнул взгляд вниз, ожидая увидеть, как и двадцать лет назад, лужи крови. Не слишком гладко прошла та давняя операция. Первая операция, в которой Ур командовал отделением. Что тогда ему сказал Стив, скрипя зубами от боли в простреленной ноге? Подбери сопли, сержант? Да, именно так Стив и сказал. Выходит, он, Ур, так и не сумел их подобрать, если все еще щеголяет в лейтенантских нашивках? А что он сам скажет этим юнцам, когда доведется оказаться рядом с ними в каком-нибудь пекле? И успеет ли он им что-

нибудь сказать?

Наручный дисплей моргал зеленым. Индикатор гравитации подрагивал на уровне девяноста процентов, температуры – на минус тридцати, состава атмосферы... Состав атмосферы ничем не удивлял, разве что кислорода отстукивало почти в половину от азота, видно не просто так колыхались волны океана на Белой, хотя давление могло быть и более привычным. Впрочем, приходилось и забираться выше, и дышать чаще.

Группа уже поднималась по склону, когда Ур, чувствуя удары молоточков в висках и затылке, но так и не включив усилители экзоброника, все-таки обогнал бойцов. Нет, Стиву это уже никак бы не удалось. Хотя, на главном подъеме он по-прежнему впереди.

Успокаивая дыхание, Ур зажмурился, стряхнул с ресниц капли пота. К счастью, светофильтры не только защищали глаза, но и не давали разглядеть их снаружи. Сдавать стал. Неужели уйдет на пенсию раньше непотопляемого командира? А ведь на приличную планету рассчитывать не приходится. Добро бы уж осесть в месте, где можно будет из дому выйти без дыхательного аппарата.

«Стоп», – поднял он руку.

Бак тут же прошипел что-то за спиной. Лейтенант оглянулся. Шестеро, кажущиеся в боевых костюмах боевыми роботами, замерли, прижались к изломам льда. Прозрачные перчатки и перстни на пальцах – фронт Шор. Верзила с плаз-

менным кассетником на плече – Тик. Обвешанный оружием, как каботажный лоточник боксами с товаром, – Ком. С неуставным ножом на поясе – Сом. С тяжелым ранцем сканера – медлительный, вечно сонный Олл. Ну и Бак, куда ж без него.

– Шор. Опять музыка в ухе?

Голос звучал через маску глухо, но Ур был уверен, что его услышали бы, даже если бы он говорил шепотом. Шор оттопырил большой палец и, Ур готов был поклясться, расплылся в улыбке.

– Музыка в левом ухе, командир. В режиме фона. Музыка – разрешенный наркотик. Мое правое ухо в вашем полном распоряжении. Лучшее ухо, командир!

– Ловлю на слове. Только имей в виду, парень, ухо на трупе меня не устроит; ни правое, ни левое.

Ур приоткрыл клапан, чтобы его слова звучали отчетливее, поймал губами ледяной ветер и принялся отрывисто командовать:

– Последний участок склона – тридцать пять градусов, подъем – около пятисот метров. Движемся быстрым шагом. Дыхание не сбивать. Готовность – один. Станция сразу за гребнем, наземной локации, штатных охранных датчиков нет. Ориентировка на гребне – десять секунд. Затем Тик, Ком и Шор берут периметр, Олл осматривается снаружи, мы с Баком идем внутрь. Сейчас первым поднимается Бак. Ясно?

Никто из команды не шелохнулся. «Дурак, – обругал себя Ур. – Зачем повторять команду? Все решено было еще на разведчике. Задержался? С чего бы это? Или, в самом деле, пора спарывать нашивки?»

Замерший в двух метрах Бак отщелкнул светофильтр, и Ур увидел спокойный взгляд. «А ведь перещеголяет меня парень, не зря его Мартон привечает», – почему-то равнодушно подумал лейтенант и махнул рукой в сторону подъема.

А через пять минут начался бой.

Бак первым поднялся над гребнем и тут же упал, окутанный сгустком плазмы. Ур метнулся вправо и в доли секунды успел заметить взлетевшие к плечам десантников импульсники и замерцавший раструб кассетника в руках Тика. Команд больше не требовалось, отряд заработал, как безотказный механизм, пусть даже его части не были отборными. Все-таки ежедневная «соковыжималка и костедробилка» Мартона не могла не дать результата. В одно мгновение секторная рейд-группа обратилась в боевую машину, подобную оставленному под тушей челнока броневнику, который считался среди бойцов почти неуничтожимым. Размышления сменились рефлексами, расчеты – действиями. Уже падая в снег и включая систему связи, Ур успел подумать, что правила контроля придуманы идиотом, и гибель Бака – достаточная жертва за спасение остальных ребят, но чрезмерная по всем прочим параметрам, когда заработал кассетник Тика. Небо окрасилось пламенем, и волна жара накрыла лейтенанта даже через плекс броника. Там, возле станции, теперь не должно было остаться никого.

Откатившись в сторону, Ур приготовился к рывку. Нет, он еще докажет, что ничем не хуже старика-капитана. Пусть Мартон составляет команду из никчемных бойцов, старшим рейдовым все равно остается он, Ур, а это кое-что да значит.

Да и кто может его заменить? Бак?

Секунды сравнялись с минутами, растаяли ломота в коленях и сухость в горле, и почти забытые сила и быстрота словно снова наполнили чашу, которую лейтенант выхлебал почти до дна. Ур приподнялся над гребнем и увидел море огня, залившего площадку, раскаленные колпаки климат-сканеров, оплывающий остов вездехода, черный колпак станции и зеленоватые фигуры иномирян, движущиеся к отряду по пояс в плазме. Куда там Тику! Он дышал бы любому из этих парней едва ли не в живот! Иномиряне выглядели великанами даже издали, хотя из-за ширины плеч казались почти безголовыми. Странноватые устройства в их ручищах поливали гребень плоскогорья голубым пламенем, фигуры двигались в полный рост, но желтые штрихи импульсников десанта не причиняли им никакого вреда. Выпустив в одного из монстров разряд, Ур откатился в сторону, вздрогнул от полыхнувшего рядом синего сгустка и уже приготовился расстаться с жизнью, когда сквозь рев пламени и неразборчивый рык Стива в ушах почувствовал толчок в плечо. Лейтенант изогнулся, чтобы сбить напавшего, но крепкая рука перехватила удар, а в следующее мгновение Ур узнал Бака.

– Это шоу, лейтенант. Картинка. Объемка. Лазеры. Монстры из игрушки «Проклятая планета».

– Ну? – наконец прорезался в ухе раздраженный голос Стива. – Навоевался? Дальше без происшествий или продолжишь в том же духе?

Ур медленно поднялся на ноги. Лужи воды, образовавшиеся от пламени, парили на морозе, и уродливые фигуры медленно таяли в клубах пара.

– Ты бы включил экзоброник, командир, – посоветовал ему Бак. – Тут никому ничего не нужно доказывать.

– Темп! – хрипло скомандовал лейтенант.

Стив дал отбой через три часа. К тому времени медлительный Олл отсканировал все этажи многоярусного сооружения, Ур в присутствии обвешанного оружием Кома опросил с применением тон-детектора персонал, Тик и Сом вместе с коротконогим техником станции Хардом обследовали пустующие уровни едва ли не на ощупь, а Бак и Шор изучили жилые отсеки. Никаких следов «контакта» или чего-то подобного, за исключением строящего кислые гримасы подростка, объявленного виновником неуместной шутки, обнаружить не удалось. Но Стив пробурчал «отбой» только тогда, когда Ур передал ему просьбу супругов Уильямс забрать на большую землю их сына-озорника, который изнывал от безделья в подземельях станции.

– Что ты медлишь, Стив? – напрямую спросил Ур, услышав раздраженное сопение шефа. – Рядовой случай. Разве мы в первый раз вылетели на ложный вызов? Не понимаю, почему подобные шуточки не приравняют к ложным сообщениям о терактах?

– Ты солдат, Ур, – проворчал Стив. – И я солдат. Не наше дело обсуждать закон. Закон – это не насос, который гонит нас по узкой трубе. Закон – это логика. Маршруты мы прокладываем самостоятельно.

– Тебя понесло, Стив, – обреченно вздохнул Ур. – Хотя

насчет узкой трубы...

– Это тебя понесло, лейтенант, – отрезал капитан. – А у меня ноет нога. И ты знаешь, что ноет она не к перемене погоды!

Ур скрипнул зубами. Он знал, что лодыжка Стива ноет к будущим неприятностям. Злые языки говаривали, что Стив и возглавляет базу до сего дня только из-за ноги. Ни у одного из прочих претендентов на хлопотную должность не нашлось подобного индикатора. Оставалось только определиться с причиной недуга. Впрочем, с причиной шеф как раз и разговаривал. Иначе, отчего бы он кривился, сталкиваясь с Уром в коридорах базы? Более того, именно с Ура и началась когда-то история знаменитой лодыжки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.